

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА**

2026 – 1

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

Аватков В.А. – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Аликберов А.К.* – д-р ист. наук, Институт Востоковедения РАН, *Бондаренко Д.М.* – д-р ист. наук, чл.-кор. РАН, Институт Востоковедения РАН, *Братерский М.В.* – д-р полит. наук, НИУ ВШЭ, *Гордон А.В.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора, *Кораяев Т.К.* – канд. ист. наук, МГУ, *Кузнецов И.И.* – д-р полит. наук, МГУ, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Леонова О.Г.* – д-р полит. наук, МГУ, *Мирзеханов В.С.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор, *Михель Д.В.* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора, *Максимов А.А.* – ИНИОН РАН, ответственный секретарь

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies» до 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в перечень ВАК по Специальностям: 050602 Всеобщая история (исторические науки), 050607 История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 050504 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки). Включен в ЕГПНИ, уровень 2.

DOI: 10.31249/rva/2026.01.00

ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

Максимов А.А. Цифровой суверенитет и страны Востока	5
Михель Д.В. «Сбросить оковы колонизации сознания и содействовать контактам между цивилизациями и взаимному обучению»: информационная деятельность Института Синьхуа	24
Демидов К.Б. Время как оружие (нео)колониализма. Рец. на кн.: Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time: Waiting For Now. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 239 p.	48

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Алексян Л.М. Гуманитарное измерение политики Турции в отношении Нигерии	63
Пряжникова О.Н. Особенности энергетического перехода в Африке: фактор экологически чистого приготовления пищи ...	77
Рахматуллин Ш.Д. Развитие системы начального и среднего общего образования в Объединенной Республике Танзания (1961–1978)	89
Трунов Ф.О. Политико-дипломатические тактики сотрудничества ФРГ со странами Глобального Юга (к середине 2020-х годов)	105

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Михель И.В. Вандана Шива и «Навдания» на защите семенного суверенитета: борьба за продовольственную безопасность в современной Индии	128
Мозиас П.М. Китайский проект «Один пояс, один путь»: механизмы финансирования инфраструктурного строительства	149
Рамеев О.Б. Становление политической науки в послевоенной Японии (1945–1990)	175

CONTENTS

CIVILIZATIONS. STATES. CULTURES

Maximov A.A. Digital Sovereignty and Eastern Countries	5
Mikhel D.V. “Breaking the Shackles of Mind Colonization and Promoting Inter-Civilization Exchanges and Mutual Learning”: Xinhua Institute's Outreach Activities	24
Demidov K.B. Weaponising Time. Book Review: Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time: Waiting for Now. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 239 p.	48

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Aleksanyan L.M. The Humanitarian Dimension of Turkey’s Policy Toward Nigeria.....	63
Pryazhnikova O.N. Features of the Energy Transition in Africa: The Factor of Clean Cooking	77
Rakhmatullin S.D. Development of the Primary and Secondary Education System in United Republic of Tanzania, 1961–1978	89
Trunov Ph.O. Political-diplomatic Tactics of Germany’s Cooperation with the Global South Countries (by the mid- 2020 s)	105

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Mikhel I.V. Vandana Shiva and “Navdanya” on Seed Sovereignty Protection: The Struggle for Food Security in Contemporary India	128
Mozias P.M. The Chinese Belt and Road Initiative: Mechanisms of Infrastructure Financing	149
Rameev O.B. Formation of Political Science in Postwar Japan (1945–1990)	175

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

МАКСИМОВ А.А.* ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СТРАНЫ ВОСТОКА

Аннотация. В статье обсуждается концепция цифрового суверенитета в некоторых странах Востока. Анализируются предпосылки формирования национальной политики цифровизации и сложности обеспечения независимости в цифровой среде. Современная цифровая трансформация – не только технологическое, но и политическое явление, связанное с вопросами национальной безопасности, контролем над информационными потоками и борьбой за влияние в Интернет-пространстве. Рассматриваются примеры успешных (Китай) и менее успешных (Япония, Южная Корея, Индия) случаев цифровой трансформации. Обсуждается роль искусственного интеллекта и национальных больших языковых моделей, требующих значительных инвестиций и высококвалифицированных специалистов. Делается вывод, что обеспечение цифрового суверенитета – затратная и сложная задача, доступная ограниченному кругу государств, однако в условиях геополитической нестабильности и быстроразвивающихся технологий она становится все более актуальной.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; искусственный интеллект; цифровизация; Япония; Китай; Южная Корея; Индия; Иран.

MAXIMOV A.A. Digital Sovereignty and Eastern Countries

Abstract. The article discusses the concept of digital sovereignty in some Eastern countries. It analyzes the prerequisites for the forma-

* Максимов Алексей Александрович – младший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

tion of national digitalization policies and the challenges of ensuring independence in the digital environment. Modern digital transformation is not only a technological phenomenon, but also a political one, linked to issues of national security, control over information flows, and the struggle for influence in cyberspace. Examples of successful (China) and less successful (Japan, South Korea, India) cases of digital transformation are considered. The role of artificial intelligence and national large language models, which require significant investment and highly qualified specialists, is discussed. It concludes that ensuring digital sovereignty is a costly and complex task, accessible to a limited number of states, but in the context of geopolitical instability and rapidly developing technologies, it is becoming increasingly relevant.

Key words: Digital Sovereignty; Artificial Intelligence; Digitalization; Japan; China; South Korea; India; Iran.

Для цитирования: Максимов А.А. Цифровой суверенитет и страны Востока // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 5–23. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.01

Современный мир трудно представить без цифровых технологий. Развитие онлайн-площадок для продажи товаров (маркетплейсы), доступность широкополосного Интернета, распространение мессенджеров и социальных сетей, увеличение влияния Интернет-СМИ и появление в онлайн-среде лидеров общественного мнения – все это прочно вошло в жизнь многих людей в самых разных странах мира. Однако у подобной цифровизации, как и у любого явления есть также отрицательные стороны. Если в середине XIX века модернизация часто оказывалась европеизацией (вестернизацией), то цифровизация (или даже лучше сказать Интернетизацией) стала неотделимым спутником глобализации. Но иллюзия того, что всемирная сеть не имеет географических границ, постепенно исчезает: все более заметно влияние США на определение «правил», контролирующих киберсреду. [39, с. 61] В условиях изменения мирового порядка и превращения цифровой среды в такое же поле возможных боевых действий как суша, море, воздух, космос многие страны задумались о концепции цифрового суверенитета.

Четкого определения этому понятию нет. Иностранный ресурс Techopedia, на который, например, ссылаются в глоссарии цифровой экономики НЦЭИ МГУ [26], пишет, что «цифровой су-

веренитет – ключевая идея Интернет-эпохи. Она утверждает, что акторы должны обладать правом распоряжаться собственными цифровыми данными» [19]. Указанное определение довольно общее и строится, по сути, на перенесении идеи суверенитета из привычного поля в новое. Эксперты Валдайского клуба в своей трактовке предпочли раскрыть термин подробнее, указав, что они понимают под суверенитетом. Цифровой (информационный) суверенитет, по их мнению, – это право государства самостоятельно формировать информационную политику, распоряжаться информационными потоками, обеспечивать информационную безопасность независимо от внешнего влияния. [43] Самое простое из существующих определений было представлено в рамках видеолекции школьного предмета «Разговоры о важном» от 29.09.2025: «Цифровой суверенитет – это способность государства быть независимым в цифровой среде, развивать собственные технологии и обеспечивать цифровую безопасность своих граждан» [44].

Принятые поспешно в попытках достижения цифрового суверенитета меры центральных правительств часто оказываются недальновидными и несбалансированными. Сентябрьские события в Непале, прозванные в СМИ как «революция зумеров», формально начались из-за попытки запрета популярных западных социальных сетей и сервисов (*YouTube*¹, *X*², *Reddit*, *Instagram*³, *Facebook*³ и т.д.), которые отказались регистрироваться в соответствии с обновленными правилами Министерства связи и информационных технологий [3]. К предъявляемым требованиям относится открытие на территории страны представительств западных компаний, что выглядит вполне логично в русле идеи цифрового суверенитета. Государство должно иметь оперативный доступ к информации, распространяющей фейки и призывающей к противоправным действиям, для осуществления исполнительной власти. Кроме того, ему необходимо, чтобы на территории страны желательно сами местные жители проводили модерацию контента (предварительное редактирование, пессимизация комментариев и т.п.), иначе этим весомым в цифровой среде инструментом воспользуются представители других государств (или объединений) в своих интересах. Безусловно, протесты в Непале произошли не столько из-за потен-

¹ Иностранец владеет ресурсом, нарушая закон РФ.

² Социальная сеть, заблокирована на территории РФ.

³ Принадлежит компании Meta, признанной судом экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.

циального запрета социальных сетей, сколько из-за сложной социально-экономической и политической обстановки внутри страны. Но, в действительности, именно это решение стало тем спусковым крючком, который спровоцировал бурную реакцию среди активной части населения – молодежи, уставшей от накопившихся проблем.

К вопросам цифрового суверенитета подошли немного с другой стороны власти современного Афганистана, отключившие вместе с мобильной связью почти весь Интернет-траффик на территории страны [20]. Хотя число активных Интернет-пользователей там не превышает 7 миллионов человек (меньше 1/6 части населения) [7], это решение уже привело к отмене многих авиарейсов и приостановки онлайн-образования, которое после запрета об обучении женщин считалось для них единственным способом продолжать обучение. Более того, отключение Интернета повлияло на небольшую, но экономически активную прослойку работающих удаленно. Страна в определенном смысле замерла. Вероятно, это решение временно. Правительство снова запустит Интернет и мобильную связь при возможности централизации информационных потоков и установлении фильтров для модерации публикуемой информации.

Совершенно иной подход по достижению цифрового суверенитета строится на замещении импортного, часто западного программного обеспечения национальным. Разработка собственных Интернет-сервисов, особенно на современном этапе, когда приходится конкурировать с существующими развитыми продуктами с мощной технической поддержкой, финансово дорога и трудозатратна. Рассмотрим это на примере больших языковых моделей. В 2019 г. вышла вторая версия языковой модели GPT (GPT-2) от компании *OpenAI*. Она была обучена на 40 гигабайтах данных (8 миллионов веб-страниц) с учетом 1,5 миллиардов параметров [4]. Вышедшая в 2020 г. версия GPT-3 учитывала в 10 раз больше параметров – 175 миллиардов [8]. Точной информации о самой недавней версии GPT-5 (вышла в августе 2025 года) нет. По скромным подсчетам она обучена уже более чем на триллионах параметров [40]. Конечно, качество больших языковых моделей, создающих текст на основе вероятностного распределения частотности слов, уже не столько зависит от размера выборки и параметров как раньше. Больше внимание уделяется созданию эффективной нейросетевой архитектуры, наиболее важные элементы

которой *OpenAI* считает эксклюзивными и не выкладывает в публичный доступ.

Для того чтобы сделать собственную нейросеть в тех охватах, которыми сейчас располагает GPT-5, необходимы огромные вычислительные мощности, гигантское количество данных и специальная компьютерная архитектура. Другими словами, нужна не просто дешевая энергия и инфраструктура (дата-центры), но и высококвалифицированные IT-специалисты. Все это требует вливания гигантских ресурсов и привлечения инвестиций. Кроме того, вряд ли получится создавать подобную нейросеть с нуля. Будет использоваться открытый код, уже предобученный на определенных данных, и при специфическом запросе может дать несоответствующий официальной позиции государства ответ. Дополнительно, компьютерные технологии развиваются слишком быстро. Китайская нейросеть *Deepseek*, произведшая фурор год назад, уже устарела и уступает другим своим аналогам как *Grok* или тот же самый GPT-5 [15]. Поэтому задача ставится не столько как «перегнать», а сколько «догнать» существующие модели.

На данном этапе можно констатировать следующее. Цифровой суверенитет стоит дорого, и не каждая страна может себе его позволить, но в некоторых случаях становится необходимым. В рамках статьи мы попробуем сделать небольшой обзор современного состояния цифрового суверенитета, возможных планах и вызовах для его достижения в наиболее технологически и экономически развитых странах Азии: Китай, Япония, Южная Корея, Индия; а также коснемся стран, где цифровой суверенитет, стал необходимостью: Северная Корея и Иран.

Китай

Главной темой прошедшего в конце августа-начале сентября саммита ШОС стал «цифровой суверенитет» [37]. Для Китая опора на собственные силы в деле защиты своих информационных и высокотехнологических интересов, во-многом, стала вынужденной мерой. Одной из причин стала так называемая «торговая война» между США и КНР в период первого президентства Дональда Трампа (2017–2021), когда чуть ли не официальной доктриной стало создание условий для технического отбрасывания Китая [41, с. 85]. Это реализовалось, например, в введенных в 2019 г. санкциях против одной из крупнейших технологических компаний – *Huawei*. Тогда китайскому правительству окончательно стало ясно,

что в такой чувствительной и важной сфере как ИТ¹ необходимо делать ставку на национальные силы, при этом для Китая оставался важным и трек международного сотрудничества. В первую очередь для постоянного обмена передовым опытом и повышения квалификации своих специалистов.

Однако сказать, что информационной безопасностью власти КНР занялись лишь в последние несколько лет будет весьма опрометчиво. На заре глобального распространения Интернета, в 1998 г., правительство Китайской народной республики начало работу по проекту по созданию системы фильтрации содержимого информационного контента во всемирной сети. Через 5 лет, в 2003 г., идея вышла свет и была запущена по всей стране. Проект получил название на китайском «金盾工程», что дословно можно перевести как «Проект «Золотой щит»» [38]². Он реализован в рамках крупной государственной программы по созданию и развитию цифрового правительства и защиты безопасности в Интернете, называемой «两网一站四库十二金» («Две сети, один сайт, четыре базы данных, 12 «золотых» [проектов]») [45]².

«Один веб-сайт» относится к веб-сайту правительственного портала. «Две сети» относятся к правительственной внутренней сети (интранет³) и правительственной экстрасети (по сути, Интернет). «Четыре базы данных» относится к формированию четырех основных баз данных: по населению, юридическим лицам, пространственной географии и природным ресурсам, а также макроэкономике. «Двенадцать «золотых» проектов» относятся к двенадцати ключевым системным проектам управления бизнес-ресурсами. Их можно подразделить на три категории:

- *Первая категория* – это системы микро- и макроэкономического управления, которые играют ключевую роль в надзоре, повышении эффективности и продвижении государственных услуг;

¹ Принятое сокращение от Information Technology – информационные технологии

² Информационная справка изначально была размещена на официальном портале Китайского информационного Интернет-центра, однако на данный момент не доступна. Автор статьи предлагает воспользоваться архивированной версией от 2017 года

³ Интранет (Intranet) как «внутреннее» традиционно противопоставляется «внешнему» Интернету (Internet)

• *Вторая категория* – это пять бизнес-систем: «Золотой налог» (на кит. 金税), «Золотая таможня» (на кит. 金关), «Золотые финансы» (на кит. 金财), «Финансовый надзор» (на кит. 金融监管) и «Золотой аудит» (на кит. 金审). Их цель повышение доходной способности правительства и обеспечения рациональности государственных расходов;

• *Третья категория* – это пять проектов по поддержания общественного порядка и создания прочной основы для национального экономического и социального развития: «Золотой щит» (на кит. 金盾), «Социальное обеспечение» (на кит. 社会保障), «Золотое сельское хозяйство» (на кит. 金农), «Золотая вода» (на кит. 金水) и «Золотое качество» (на кит. 金质).

Данное начинание, которое сводится к созданию полноценной цифровой экосистемы, объединяющей разные сферы жизни, следует рассматривать не только в качестве примера цифровой трансформации, но и как фундамент для построения цифрового суверенитета. Разработка собственных технологических решений и адаптация зарубежных на ранних этапах (конец 90-х – начало 2000-х) позволили Китаю создать независимую от других стран.

Другой важный аспект информационной безопасности Китая – создание, развитие и техническая поддержка¹ собственного мессенджера *WeChat* компании *Tencent*, который уже давно вышел за пределы формата онлайн-сервиса по обмену сообщениями. На текущий момент, он является крупнейшей платформой для электронной торговли с поддержкой функции проведения транзакций, по сути заменяющий веб-сайт для представителей малого и среднего бизнесов [20]; сервисом для обработки фотографий; сервисом со встроенным машинным переводом, поддерживающим несколько языков. Более того, в феврале 2025 года в *WeChat* был интегрирован искусственный интеллект – *Deepseek*, что дало возможность для умного поиска [29]. Но главное достоинство, с точки зрения концепции цифрового суверенитета, это нахождение основного представительства и дата-центров на территории Китая. Другими словами, есть возможность быстро получить необходимую для расследований и сыскных действий информацию и фильтровать выдаваемую информацию.

Стоит немного рассказать о *Deepseek*. Уже тот факт, что он был интегрирован в важнейшую социальную платформу Китая *WeChat*, говорит о его поддержки китайским правительством как

¹ Поддержан в рамках 12-й пятилетки. Подробнее в [46].

основного искусственного интеллекта на территории страны. Но есть еще и другие разработки у разных частных компаний. «Alibaba» активно развивает свои ИИ-агенты *Quark* и *Qwen*, а «ByteDance» – *Doubao*. Кроме того, в Китае задумались уже о следующем шаге, который можно назвать «борьбой с миром пост-правды». Идея «мира пост-правды» такова: из-за развития соревновательных¹ генеративных нейросетей (сначала изобразительных, а впоследствии текстовых) человечество вступило в новую эпоху, где дипфейки уже тяжело различимы с правдой и существующими объективными фактами. Борьба с информационными вбросами, отредактированными изображениями касается не только государства как такового (антигосударственная пропаганда), но и личной жизни обычных граждан (дискредитация деловой репутации, клевета, издевательство). Поэтому в сентябре руководство *Deepseek* объявило об обязательных водяных знаках, которые могут содержаться как эксплицитно, (т.е. заметны в тексте или изображении), так и имплицитно (другими словами, в коде файла) [6]. Несмотря на возможную критику со стороны пользователей подобное решение сможет стать тем способом отличия реальности от вымысла алгоритма.

Япония

Японская концепция цифрового суверенитета, образно говоря, базировалась на дискетах. В 2022 г. в Кабинете премьер-министра Фумио Кисиды разгорелся скандал: министр цифрового развития Коно Таро, известный своими резкими, часто критическими высказываниями в отношении власти, инициировал разбирательство вокруг устаревших законодательных актов [25]. На тот момент действовали нормы, согласно которым часть документов необходимо было предоставлять в разные инстанции на устаревших физических носителях, иначе говоря, на дискетах. Другой технический анахронизм, остающийся популярным в японском обществе – факс. Вместо использования корпоративных почт, мессенджеров, японцы предпочитают передавать документы по факсу.

¹ Нечасто к нейросетям используют описание «соревновательный», но оно тесно связано с развитием технологий искусственного интеллекта на современном этапе (с середины 2010-х гг.), поскольку развитие часто проходило в виде своеобразной гонки между программами-шифровальщиками, создающие помехи для распознавания, и программами-дешифровщиками.

Эти примеры хорошо демонстрируют консервативность японского общества и правительства, не успевающего за трендами мирового развития и оставшееся в технологическом плане на уровне начала 2000-х годов.

Начиная с 2016 г. японское правительство взяло курс на цифровизацию различных сфер жизни и создание цифрового правительства, объявив о концептуальной стратегии «Общества 5.0», целью которой видится объединение киберпространства и физического пространства в единую среду (не в последнюю очередь благодаря облачным технологиям и искусственному интеллекту) [17]. В 2018 г. был принят «План внедрения цифрового правительства», который также распространялся на частный сектор. Но из-за пандемии коронавируса COVID-19 акцент сместился на социальные проблемы. Запущенный в 2019 г. проект «*MyNumber*» (с англ. «Мой номер»), объединивший социальное обеспечение и налоговый реестр, стал успешным примером проводимой политики, однако единственным и недостаточным. Япония отстает от стран-соседей и вынуждена полагаться на помощь своих союзников: в 2022 г. для развития программы приглашались высококвалифицированные специалисты из США и Южной Кореи. [41, с. 84].

Во-многом, одним из факторов технологического отставания японский эксперт Дайсукэ Каваи видит ограниченность инвестиций в IT-сферу наравне с указанной выше инерционностью общества и правительства, нехватки кадров, плохое взаимодействие между чиновниками и разработчиками [13]. Новый бюджет пытается разрешить одну из проблем. В ближайшие годы японское правительство собирается инвестировать более 700 млрд иен на создание собственной нейросети, обученной исключительно на японских материалах [42]. Подобное решение уже вызывает много вопросов: ограниченность материала для обучения (число японских веб-сайтов примерно сопоставимо с тем количеством, на котором обучен GPT-2¹), нехватка специалистов, способных создать инновационную нейросетевую архитектуру, длительная экономическая стагнация и «туманная стратегия» государственной политики в этой области² вряд ли позволят достичь этой цели в ближайшем будущем.

¹ Число активных существующих в Интернет-пространстве японских сайтов составляет около 8 млн страниц [9].

² Подробнее о политике Японии в области искусственного интеллекта в [33].

Корейский полуостров

Информации о Северной Корее и их цифровом развитии не так уж и много. Определенная закрытость страны не дает четкого представления о том, что происходит в сфере компьютерных технологий и иногда порождает мифы. По мнению российских экспертов, неоднократно бывавших в Северной Корее, там есть и собственный Интернет (похожий больше на базу данных, однако и привычный нам Интернет – это коллекция из страниц, объединенных гиперссылками), и собственные социальные сети, и доступ к западным ресурсам (последний пункт преимущественно для военно-политической элиты) [22, с. 43; 23, с. 81]. Из-за постоянных потенциальных угроз со стороны Южной Кореи и их союзника США цифровой суверенитет для КНДР необходимостью, и возможное существующее отставание объясняется тем небольшим количеством ресурсов (энергетических, финансовых, людских), которое она может вложить по сравнению с крупными и экономически развитыми странами.

В Южной Корее ситуации отличается. С одной стороны, уже в середине 2010-х годов. РК обеспокоилась проблемой цифровизации государственных услуг, создав открытую платформу eGovFrame и к нынешнему моменту обеспечив граждан почти всем спектром возможных услуг [35]. С другой стороны, красивая картинка складывается благодаря зарубежным технологиям. В сентябре 2025 г. Южную Корею посетил исполнительный директор компании *OpenAI* и лично встретился с президентом страны Ли Чже Мёном [18]. Позднее было объявлено, что в РК откроется первый филиал компании за рубежом [1]. Южная Корея – важный покупатель услуг *OpenAI*, причем на разных уровнях: от государственного до частного. Больше продуктов компании используется только там, где она расположена – в США.

Однако, планируется развивать и собственные технологии в сфере ИИ. Глобальные и общие вопросы решает иностранная компания, тогда как узкие, специализированные запросы индустрии должны решать специально созданные нейросети и семантические сети. Они, действительно, дешевле в разработке и поддержке, чем такие технические гиганты как GPT-5. Более того, это дает небольшую возможность для решения насущных небольших проблем без привлечения внимания третьей стороны, которая на правах владения инструментом может настоятельно советовать и рекомендовать. Но существует важный аспект, грозящий свести

все усилия на нет – социально-экономическая структура корейского общества. Огромные концерны, часто возглавляемые одной семьей, так называемые *чеболи* составляют жесткую конкуренцию мелким и средним фирмам с их стартапами, особенно при заключении выгодных контрактов¹. Чеболи как крупная и бюрократизированная система не может быстро и гибко ответить на внезапно появившийся спрос. Стоит вопрос также о целесообразности создания небольшого специализированного искусственного интеллекта: будут ли затраты на его создание окупаемы в краткосрочной перспективе и будет ли экономический интерес у корпорации производить нишевый продукт. Поскольку рынок ИИ-услуг довольно молодой, то точно говорить об угрозе со стороны чеболей на данном этапе нет возможности. Однако, это предположение, как показано выше, не лишено оснований.

Несмотря на определенные успехи в цифровизации Южной Кореи еще, все-таки, далеко от лидерства в сфере технологии искусственного интеллекта. Одна из главных насущных задач – хранение данных. Для этого необходимо: единые стандарты и индексы, которых нет [41, с. 81], и мощные дата-центры. Недавний пожар в дата-центре показал уязвимость системы. В огне были уничтожены все серверы с персональными данными граждан и, более того, сгорели запасные серверы, на которых хранились резервные копии [36]. Это произошло, поскольку все они находились в одном здании. По сути, пожар парализовал деятельность всего электронного правительства, и потребуется много ресурсов для восстановления.

Индия

Индия известна тем, что стала своеобразным местом программистского аутсорсинга для крупных иностранных компаний: относительно дешевая и многочисленная рабочая сила, которая владеет, как минимум, на пороговом уровне английским языком², привлекает сюда многие корпорации со всего мира. Наличие огромного количества кадров (правда, не всегда высококвалифици-

¹ В качестве примера можно привести потенциальное сотрудничество между крупным концерном Samsung и американской компанией OpenAI [1].

² Английский язык – один из двух государственных языков в Индии наравне с хинди. Часто выступает в роли *lingua franca* для жителей из разных частей страны.

рованных) позволяет Индии нацелиться на достижение цифрового суверенитета, при этом концентрироваться на приземленных чисто технологических вещах.

Проект «Digital India», запущенный в 2015 г., изначально ставил своей задачей обеспечение хорошего широкополосного Интернета на территории всей страны и повышение цифровой грамотности среди населения. Однако, как и во многих странах, проект уже вышел за пределы первоначальной идеи и включает в себя развитие цифрового правительства и возможность доступа большинства государственных услуг в онлайн-режиме. Но воспринимать эти достижения следует критически. Существует веское расхождение между амбициозными целями и реальным положением дел. Утечка персональных данных с платформы *CoWIN (COVID-19 Vaccine Intelligences Network)*¹ и отсутствие разработанной правовой базы для обеспечения кибербезопасности населения и бизнеса вызывают опасения, насколько целостно и эффективно прошла цифровая трансформация в Индии [5].

Амбициозный проект по технологическому развитию, который приведет страну к «золотому веку» (*Amrit Kaal*)², скорее политический. Находящаяся у власти Бхаратия джаната парти, используя его, хочет привлечь молодежь городского среднего класса [27], особенно представителей южных дравидийских штатов, где у БДП почти нет поддержки, таких, как например, Керала. Существующая правительственная программа по развитию цифровой экосистемы искусственного интеллекта *IndiaAIMission*, на которую было выделено в 2024 г. около 100 млн рупий, в числе прочих целей отдельно останавливается на выгодах для этого штата, что крупными буквами написано в заголовке официального пресс-релиза Министерства электроники и информационных технологий [16]. Керала, по задумке, должна стать таким же крупным технологическим центром как соседняя Карнатака³.

В октябре прошлого года в Мумбаи в рамках саммита *NvidiaAI* экспертами из мира бизнеса и государственных организаций был поднят вопрос о построении суверенного искусственного

¹ Государственный портал с реестром данных о вакцинации от COVID-19. Запущен в январе 2021 г.

² Сам термин происходит из ведийской астрологии, где означает поворотный момент, благоприятный для начала нового проекта и бизнеса [2].

³ Административный центр штата, город Бангалор, в русскоязычных СМИ за обилие IT-кластеров называют даже «альтернативой Кремниевой долине» [24].

интеллекта в Индии [14]. Во время дискуссии активно призывали компании, академических институции и правительственные учреждения работать совместно для развития собственного национального ИИ. Подобные заявления показывают, что на данный момент цифровая инфраструктура Индии не готова для таких крупных проектов. Для масштабирования необходимо вливать огромные финансовые ресурсы, наблюдать за комплексностью развития, не допускать ситуаций, когда одна отрасль, например, строительство дата-центров опережает производство серверов. Такие издержки чреваты дополнительными денежными затратами. Нужно также переработать законодательство, что, по-видимому, еще отстает.

Другой важный аспект разработки больших языковых моделей касается особенностей языковой ситуации. Если в вышеперечисленных случаях, у всех стран один государственный язык, то в Индии двадцать два официальных языка (2 государственных и 20 национальных). Использование исключительно хинди для обучения, скорее всего, повлечет за собой негативную реакцию в южных штатах, а закладывать в основу английский язык – нецелесообразно и неэффективно. Существует уже множество, в основном, американских моделей, которые проще применить, чем создавать новое. Другое решение – создание мультязычных (два, три и более языка) моделей. Однако количество существующих материалов для обучения распределено неравномерно, и качество от языка к языку может хромать. Дополнительно, при работе с подобными моделями придется учитывать лингвистические (грамматические, идеографические) особенности, и разработка сама по себе станет дороже.

Иная проблема развития суверенного ИИ касается кадрового вопроса. По статистическим данным на начало 2024 г. в этой сфере в Индии работает около 420 тыс. человек, что по абсолютному количеству второй показатель в мире [10]. Однако, это как достоинство, так и недостаток. Высококвалифицированные кадры стремятся уехать из страны, тогда как в Индии остаются «средние» специалисты. Автоматизация посредством развития технологий искусственного интеллекта, а именно написание базового кода и простое его редактирование, может перевернуть всю отрасль: без работы останутся десятки тысяч малоквалифицированных программистов, выполняющих рутинные задачи (обычно, позиции junior-разработчиков). По сути, попытки поддержать средний класс приведут, наоборот, к росту социального напряжения.

Несмотря на возможный потенциал, развитие искусственного интеллекта в Индии вызывает ряд неразрешимых на современном этапе вопросов. Ситуацию ухудшает крайняя степень политизации вопроса, когда любая неудача на этом направлении будет связываться с неудачей действующей власти. Поэтому, цифровые проекты могут как поддержать правительство и сохранить стабильность, так и стать причиной обострения социально-экономической обстановки.

Иран

Иран в своей политике в области цифрового суверенитета опирается на китайский опыт. Находящаяся под санкциями исламская республика была отрезана от мирового Интернет-сообщества, во-многом, из-за потенциального использования его против Ирана. Поэтому в 2016 г. была запущена Национальная информационная сеть (National Information Network, на перс. اطلاعاتی شبکه مل), ставшая заменой всемирной паутины [12]. Как и китайский проект «Золотой щит», иранская система фильтрует информацию, блокируя те или иные веб-страницы или веб-сервисы [13; 31]. Как заявил заместитель председателя комиссии по инновациям и эффективности Торговой палаты Тегерана, около 70% всего Интернет-контента заблокировано на территории Ирана [27]. Кроме того, доступ закрыт к таким сервисам как *YouTube*¹, *Facebook*², *Instagram*² и *Telegram*. При этом, число использования *VPN* (*Virtual Private Network*)³ увеличилось в два раза. Низкая скорость трафика и сложности по выходу в Интернет мешают при работе журналистов-международников, специалистов-страноведов, профессиональных геймеров. Исходя из этого, в 2025 г. правительство Ирана решило отойти от стратегии полной изоляции и заявило о создании «киберзон свободного доступа», где по специальному разрешению определенным лицам будет разрешено заходить в Интернет, не прошедший обязательную фильтрацию. Подобная политика уже вызвала критику в общественном поле, поскольку, счита-

¹ Иностранец владеет ресурсом, нарушая закон РФ.

² Принадлежит компании Meta, признанной судом экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.

³ VPN (Виртуальная частная сеть) – технология, позволяющая устанавливать зашифрованные соединения через специальные серверы для анонимного выхода в Интернет.

ется, что оно усугубит социальное и классовое неравенство, и одним из последствий станет усиление социальной напряженности [34].

Говорить об искусственном интеллекте и степени его применения пока не приходится ввиду малого количества информации о возможных технологических разработках. Скорее всего, современные цифровые достижения тесно связаны с военной сферой, и поэтому не опубликованы в открытом доступе. В этой связи интересно рассмотреть конфликт между Ираном и Израилем в июне 2025 г. Технологии искусственного интеллекта не просто интегрируются в беспилотные летательные аппараты (БПЛА) (чтобы управление ими было полностью автономно) [30], но и используются в рамках «кибер-войны». Пресс-служба Корпуса стражей исламской революции (КСИР) заявила об использовании «новых методов» против ПВО Израиля [32]. Под этими методами понимается нападение именно в цифровой среде, поскольку в результате было изменено программное обеспечение систем ПВО, и они стали атаковать друг друга.

* * *

Обеспечение цифрового суверенитета – политика затратная: она требует огромных финансовых вливаний для разработки программного обеспечения или искусственного интеллекта; для ее поддержания нужна целостная инфраструктура, состоящая из дата-центров, где хранятся данные, из запасных дата-центров (на случай непредвиденных обстоятельств), из элементов по выработке энергии для работы системы и из элементов охлаждения; необходимо обучать большой штат высококвалифицированных специалистов. Сверх того, Интернет продолжает оставаться политизированным (либо в рамках курса отдельных государств, сделавших на него ставку, либо в рамках существовавшего глобального проамериканского дискурса), и непродуманные политические решения могут привести к социальной напряженности.

Пример отдельных стран показывает, что ситуация с цифровым суверенитетом неоднозначная. Одни (Япония или Южная Корея) делают ставку на инвестиционную сторону вопроса, другие (Индия) – на кадровую. Однако, во многих случаях научно-технологическим драйвером служат компании, располагающиеся в США. Развитие цифровых технологий происходит стремительно и для стран, включившихся в гонку с США или Китаем, необходимо приложить огромные усилия, чтобы догнать. В ином же случае

придется довольствоваться чужими инструментами и решениями, а вместе с тем и руководством их реальных хозяев.

Список литературы

1. [ИИ] Запуск OpenAI Korea. Намёк на партнерство с Samsung (обзор) = [AI пик] Опыры AI Кория чулбом ... Самсон·ЭсКей ва партнершип сиса (чонхап) // Рёнхап. – 2025. – 10.09. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250910038751017?section=search> (дата обращения 11.10.2025). – Кор. яз
2. “Amrit Kaal”, “Saptarishi”: A guide to the esoteric terms used by Finance Minister Nirmala Sitharaman in Budget speech // The Economic Times. – 2023. – 02.02. – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/magazines/panache/amrit-kaal-saptarishi-a-guide-to-the-esoteric-terms-used-by-finance-minister-nirmala-sitharaman-in-budget-speech/articleshow/97518367.cms?from=mdr> (дата обращения 13.10.2025).
3. «Революция соцсетей». Почему зумерам удалось свергнуть правительство // РИА Новости. – 2025. – 10.09. – URL: <https://ria.ru/20250910/zumery-2040920909.html> (дата обращения 30.09.2025).
4. Better language model and their implications // OpenAI. – 2019. – 14.02. – URL: <https://openai.com/index/better-language-models/> (дата обращения 02.10.2025).
5. Data Breach: Unveiling the Cracks in Digital India // Civilsdaily. – 2023. – 14.06. – URL: <https://www.civilsdaily.com/news/data-breach-cracks-in-digital-india/> (дата обращения 16.10.2025).
6. DeepSeek Now Slaps AI Labels on All Content and You Can’t Remove Them // Gizmochina. – 2025. – 01.10. – URL: <https://www.gizmochina.com/2025/09/01/deepseek-now-slaps-ai-labels-on-all-content/> (дата обращения 02.10.2025).
7. Digital 2024: Afghanistan // DataReportal. – 2024. – 23.02. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-afghanistan> (дата обращения 01.10.2025).
8. GPT-3 (репозиторий проекта). – URL: <https://github.com/openai/gpt-3>
9. How many websites are on the Internet?, URL: <https://explodingtopics.com/blog/how-many-websites-on-the-internet#website-statistics-by-region> (дата обращения 02.10.2025)
10. India’s AI Market Projected to Reach \$17 Billion by 2027: Report // The Economic Times. – 2024. – 20.02. – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/technology/indias-ai-market-projected-to-reach-17-billion-by-2027-report/articleshow/107856845.cms?from=mdr> (дата обращения 16.10.2025)
11. Iran Launches National Information Network // MEHR News Agency. – 2016. – 28.08. – URL: <https://en.mehrnews.com/news/119304/Iran-launches-National-Information-Network> (дата обращения 18.10.2025).
12. Iran’s Intranet: a Master Plan for Internet Censorship // The Milli Chronicle. – 2020. – 01.11. – URL: <https://millichronicle.com/2020/11/irans-intranet-a-master-plan-for-internet-censorship.html> (дата обращения 18.10.2025)
13. Kawai D. Overcoming Japan’s Uphill Battle Toward Digital Transformation // The National Bureau of Asian Research. – 2023. – 07.03. – URL: <https://www.nbr.org/publication/overcoming-japans-uphill-battle-toward-digital-transformation/> (дата обращения 09.10.2025).

14. Nvidia AI Summit: Experts Stress Need for Sovereign AI Systems, Strategies // Business Standard. – 2024. – 24.10. – URL: https://www.business-standard.com/technology/tech-news/nvidia-ai-summit-experts-stress-need-for-sovereign-ai-systems-strategies-124102401260_1.html (дата обращения 14.10.2025).
15. Moore O., Zhao D. The Top 100 Gen AI Consumer Apps (5th edition) // Andreesen Horowitz. – 2025. – 27.08. – URL: <https://a16z.com/100-gen-ai-apps-5/> (дата обращения 02.10.2025).
16. Press Release on India AI Mission // Press Information Bureau. – 2024. – 07.03. – URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=2012375> (дата обращения 14.10.2025).
17. Society 5.0 // Офис кабинета министров = Найкакуфу. – URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/society5_0/index.html (дата обращения 09.10.2025). – Яп. яз.
18. South Korean President to Meet with OpenAI CEO on Wednesday // Reuters. – 2025. – 01.10. – URL: <https://www.reuters.com/business/media-telecom/south-korean-president-meet-with-openai-ceo-wednesday-2025-09-30/> (дата обращения 01.10.2025).
19. What is Digital Sovereignty? // Techopedia. – URL: <https://www.techopedia.com/definition/33887/digital-sovereignty> (дата обращения 01.10.2025).
20. Y. Cheng, J. Nielsen WeChat: Chat's Integrated Internet User Experience // Nielsen Norman Group: UX Research, Training, Consulting. – 2016. – 21.08. – URL: <https://www.nngroup.com/articles/wechat-integrated-ux/> (дата обращения 22.10.2025).
21. Абоненты не в сети: зачем в Афганистане отключили Интернет // Известия. – 2025. – 30.09. – URL: <https://iz.ru/1964420/anastasiia-kostina/abonenty-ne-v-seti-zachem-v-afganistane-otklyuchili-internet> (дата обращения 01.10.2025).
22. Асмолов К.В. О некоторых трендах во внутренней политике КНДР в 2018–2020 годах // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – № 3. – С. 36–53.
23. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). – Москва: Институт Китая и современной Азии РАН, 2022. – 440 с.
24. Бангалор как альтернатива Кремниевой долине: перспективы индийского IT // РБК. Тренды. – 2024. – 03.09. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62d7bb269a79474f24e4e13e> (дата обращения 19.10.2025).
25. Вновь покажем решимость по ускорению цифровизации = Диджитару кайкаку-о касокусуру кэцуи-о арата-ни // «Японская экономика» = Нихон кэйдзай симбун. – 2022. – 01.09. – URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQODK012A20R00C22A9000000/> (дата обращения 09.10.2025). – Яп. яз.
26. Глоссарий цифровой экономики // НИЭИ МГУ. – URL: https://digital.msu.ru/glossary/#_ (дата обращения 01.10.2025).
27. Заместитель председателя комиссии по инновациям и эффективности Торговой палаты Тегерана заявил: «70 процентов Интернет-трафика страны фильтруется / VPN удвоили потребление трафика» = Найеб-е раис-е комисьен-е нуавари ва бахрехвари-йе отак-е базаргани: хафтад дарсад-е терафики-йе Интернет-е кешвар филтер-аст. Випиэнха масраф-е терафик-ра добарабар кард // QudsOnline. – 2024. – 11.10. – URL: <https://www.qudsonline.ir/news/1019598/V-کی-تراف-مصرف-ها-ان-پی-یو-است-لتری-فکشور-خترنت-ای-کی-تراف-در-صد> (дата обращения 19.10.2025). – Перс. яз.

28. Зачем Индии ИИ? // РСМД. – 2024. – 28.11. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-indii-ii/> (дата обращения 14.10.2025).
29. Интеграция ИИ DeepSeek в мессенджер WeChat спровоцировала рост акций Tencent и падение стоимости Baidu. – 2025. – 17.02. – URL: <https://3dnews.ru/1118411/integratsiya-ii-deepseek-v-messendger-wechat-sprovotsirovala-rost-aktsiy-tencent-i-padenie-stoimosti-baidu> (дата обращения 15.10.2025).
30. Искусственный интеллект и беспилотники на Ближнем Востоке: новая форма старых конфликтов // РСМД. – 2025. – 20.06. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/iskusstvennyy-intellekt-i-bespilotniki-na-blizhnem-vostoke-novaya-forma-starykh-konfliktov/> (дата обращения 20.10.2025).
31. Когда Китай с помощью национальной информационной сети справился с виртуальными вызовами = Вакт-и Чин ба шабаке-йе мелли-йе эттела'ат, джелов-е чалешха-йе фаза-йе маджази-ра герефт // Tasnim News Agency / Хабаргозари-йе Тасним = Новостное агентство Tasnim. – 2019. – 10.11. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1398/08/20/2137924/شبکه-میان‌ری‌چ‌وی‌وقت-گرفت‌رای‌مجاز-ی‌فضای‌هاچالش‌ی‌جلو‌اطلاعات‌می‌ل> (дата обращения 19.10.2025). – Перс. яз.
32. КСИР заявил, что заставил ПВО Израиля атаковать друг друга // РБК. – 2025. – 16.06. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/06/2025/-684fa6829a79477bdf06b35b> (дата обращения 19.10.2025).
33. Максимов А.А. Горе от ума: политика Японии в области искусственного интеллекта на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2025. – № 3. – С. 136–148.
34. Новая одежда классового Интернета = Лебас-е джадид-е Интернет-е табагати // Мир промышленности = Джахан-е сан'ат. – 2025. – 08.06. – URL: <https://jahane-sanat.ir/طبقه‌ات‌نترن‌ت‌ی‌ادی‌جدیدلباس/> (дата обращения 19.10.2025). – Перс. яз.
35. Официальный интернет-портал Корейской электронного правительства. – URL: <https://open.egovframe.org/index.jsp> (дата обращения 22.10.2025)
36. Пожар в крупном дата-центре вызвал общенациональный хаос // Московский комсомолец. – 2025. – 01.10. – URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/10/01/pozhar-v-krupnom-datacentre-vyzval-obshhenacionalnyy-kaos.html> (13.10.2025).
37. Принята стратегия развития ШОС до 2035 года // Российская газета. – 2025. – 18.09. – URL: <https://rg.ru/2025/09/18/magistralnye-napravleniia.html> (13.10.2025).
38. Проект «Золотой щит» = Цзиньдун Гунчэн. – URL: <https://web.archive.org/web/20200221173946/http://www.china.com.cn/chinese/zhuant/283732.htm> (дата обращения 13.10.2025). – На кит. яз.
39. Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России / Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 47–67.
40. Сколько параметров у GPT-5? // CometAPI. – 2025. – 18.10. – URL: <https://www.cometapi.com/ru/how-many-parameters-does-gpt-5-have/> (дата обращения 24.10.2025).

41. Умаров О.М. Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: вызовы, возможности и риски // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025 – Т. 18, № 2. – С. 78–94.
42. Брамбила Мартинес Ф.Х. Инновационная стратегия Японии: ставка на искусственный интеллект и другие ключевые технологии // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – 2025. – 19.09. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1085728732.html> (дата обращения 05.10.2025).
43. Цифровой суверенитет // Клуб «Валдай». – URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/tsifrovoy-suverenitet/> (дата обращения 01.10.2025).
44. Цифровой суверенитет страны. – URL: <https://разговорыоважном.рф/29-09-2025/> (дата обращения 01.10.2025).
45. Что такое «Две сети, один сайт, четыре базы данных, двенадцать золотых [проектов]» = Хэ вэй «Лянг ван и чжан сы ку ши эр цзинь»? – URL: <https://web.archive.org/web/20200405105057/http://www.china.com.cn/chinese/zhuanqi/356204.htm> (дата обращения 13.10.2025). – Кит. яз.
46. Ягья Т.С. Особенности и итоги развития двенадцатой пятилетки (2011–2015 гг.) в КНР // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 10 (33). – С. 471–482.

МИХЕЛЬ Д.В.* «СБРОСИТЬ ОКОВЫ КОЛОНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И СОДЕЙСТВОВАТЬ КОНТАКТАМ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ И ВЗАИМНОМУ ОБУЧЕНИЮ»: ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА СИНЬХУА

Аннотация: Руководство КНР уделяет большое внимание созданию аналитических центров нового типа, возлагая на них задачу информационного обеспечения интересов государства. Деятельность Института Синьхуа, действующего при информационном агентстве «Синьхуа», направлена на интеллектуальное сопровождение государственных решений в области внешней политики и международных отношений. Анализ докладов и других информационных материалов этого аналитического центра за период с июня 2024 по октябрь 2025 г. показывает, что работа Института Синьхуа в последнее время была сосредоточена на двух тематических линиях – противостоянии американской политике сдерживания Китая и поддержке глобальных инициатив, выдвигаемых руководством КНР. В статье дается краткий обзор основных идей, представленных в 20 наиболее значимых докладах экспертов Института Синьхуа. Делается вывод о том, что доклады Института Синьхуа являются своего рода политической каллиграфией – особой разновидностью письма, призванной расставить акценты в текущем внешнеполитическом нарративе КНР.

Ключевые слова: КНР; аналитические центры нового типа; Институт Синьхуа; доклады; американская политика сдерживания Китая; поддержка глобальных китайских инициатив; колонизация сознания; контакты между цивилизациями и взаимное обучение.

MIKHEL D.V. “Breaking the Shackles of Mind Colonization and Promoting Inter-Civilization Exchanges and Mutual Learning”: Xinhua Institute's Outreach Activities

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. The Chinese leadership attaches great importance to the creation of new types of analytical centers, entrusting them with the task of providing information support for the interests of the state. The activities of the Xinhua Institute, operating under the Xinhua News Agency, are aimed at providing intellectual support for state decisions in the field of foreign policy and international relations. An analysis of reports and other information materials from this think tank for the period from June 2024 to October 2025 shows that the work of the Xinhua Institute has recently focused on two thematic areas: countering US policy of containing China and supporting global initiatives put forward by the Chinese leadership. The article provides a brief overview of the main ideas presented in the twenty most significant reports by Xinhua Institute experts. It concludes that the Xinhua Institute's reports are a kind of political calligraphy – a special type of writing designed to emphasize certain points in the PRC's current foreign policy narrative.

Keywords: PRC; new-type think tanks; Xinhua Institute; reports; US policy of containing China; support for global Chinese initiatives colonization of the mind; inter-civilization exchanges; mutual learning.

Для цитирования: Михель Д.В. «Сбросить оковы колонизации сознания и содействовать контактам между цивилизациями и взаимному обучению»: информационная деятельность Института Синьхуа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 24–47. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.02

Последние годы руководство КНР уделяет большое внимание выработке институциональных и интеллектуальных инноваций, которые бы позволили Китаю утвердиться в качестве великой державы и противостоять политике сдерживания, осуществляемой США и их союзниками. В этом плане особое значение придается созданию аналитических центров нового типа, объединяющих представителей бизнеса, науки и государства и отличных от более традиционных партийных, правительственных, военных и университетских аналитических центров. Ожидается, что центры нового типа способны действовать более гибко, оперативно реагируя на постоянные вызовы, с которыми Китай сталкивается в сфере политики, экономики, международных отношений и социального развития. Власти ждут от них рекомендаций, которые могли бы быть полезны для органов государственного управления. Кроме того, считается, что центры нового типа способны участвовать в пропра-

ботке сценариев будущего и оказывать интеллектуальную поддержку инициативам, которые исходят от китайского руководства [1; 2; 3; 4; 5].

20 сентября 2015 г. на сайте правительства КНР были опубликованы «Мнения об усилении строительства аналитических центров нового типа с китайской спецификой», подготовленные Канцелярией Центрального Комитета КПК и Канцелярией Госсовета КНР, в которых были изложены основные цели и принципы, руководящая идеология, а также общая модель развития этих центров. Как следует из текста «Мнений», новые китайские *чжизу* (智库 – букв.: «хранилище мудрости») призваны заниматься консультированием руководства страны по вопросам, связанным с принятием решений в области государственного управления, являться важным компонентом модернизации национальной системы управления и управленческого потенциала, выступать компонентом мягкой силы нации [6].

Установить общее количество аналитических центров нового типа в КНР – непростая задача. Данные об их количестве расставлены в общей статистике, охватывающей все типы аналитических центров и центров стратегических исследований. Согласно отчету *Global Go To Think Tank Index*, в 2020 г. в КНР их было 1413 (против 2203 в США). Наиболее значительными среди них были Китайский институт современных международных отношений (CICIR), Центр проблем развития при Госсовете КНР (DRC), Центр Китая и глобализации (CCG), Китайская академия общественных наук (КАОН), Китайский институт международных исследований (CIIS), Шанхайский институт международных исследований (SIIS), Институт международных и стратегических исследований (IISS), Китайский форум финансов 40 (CF 40) и др. [7, p. 44, 55–63, 101–106]. По сведениям *Open Think Tank Directory*, по итогам 2023 г. в КНР их число составляло 189, а в США – 460¹, при этом большая часть центров находилась в столицах: в Вашингтоне – 154, а в Пекине – 60 [8, p. 50–51].

Очевидно, что наблюдатели, как правило, не владеют всей информацией о реальном количестве действующих аналитических центров и об их институциональной идентичности. Кроме того, в сфере, связанной с аналитическими центрами, очевидно, существует значительная динамика: они стремительно открываются, закрываются, реорганизуются. Не в последнюю очередь это связано с

¹ В докладе отмечается, что данные по этим странам являются неполными.

самим характером их деятельности и особенностью решаемых задач. Как отмечает А.А. Маслов, китайские аналитические центры существенно эволюционировали в своем развитии, и с 2019–2021 гг. на них «легла задача оперативной выработки решений по преодолению кризисных явлений, связанных с конфронтацией Китая с США и рядом других стран» [9, с. 19]. Особенно заметным это стало, когда руководство КНР оказалось перед необходимостью дать адекватный ответ на критику со стороны США по поводу COVID-19.

В предлагаемой статье мы рассмотрим деятельность лишь одного из таких китайских аналитических центров. Это Институт Синьхуа (*Xinhua Institute*), действующий при национальном информационном агентстве «Синьхуа». Он был основан 28 октября 2021 г. и наряду с целым рядом других китайских *чжэжу* входит в Сеть исследований «Один пояс, один путь» (BRNS) [10]. Институт Синьхуа – это команда экспертов во главе с президентом информационного агентства «Синьхуа» г-ном Фу Хуа, работающих в интересах правительства КНР и способных поддерживать дискуссию по широкому спектру вопросов внешней политики и международных отношений. Сайт Института Синьхуа дает подробное представление об информационной деятельности, которую ведет команда этого аналитического центра [11]. Основное внимание в статье будет уделено докладам Института Синьхуа за последние полтора года (с июня 2024 по октябрь 2025 г.). Подавляющее большинство их сосредоточено лишь на двух тематических линиях – противостоянию американской политике сдерживания Китая и поддержке глобальных инициатив, выдвигаемых руководством КНР.

«Сбросить оковы колонизации сознания»

Превратившись в могущественную экономическую державу в начале XXI в., Китай столкнулся с целенаправленной политикой сдерживания со стороны США и других западных государств. Испытывая все возрастающее американское давление, Китай обратился к тем же самым методам и средствам, которые использовали США по отношению к КНР. В ответ на публикуемые (с 1977 г.) Государственным Департаментом США «Доклады о положении с правами человека в странах мира», традиционно уделявшие много внимания ситуации в Китае, Канцелярия Государственного Совета КНР с 1998 г. стала публиковать «Доклады о правах человека в

США», освещая в них многочисленные факты нарушения прав человека в Америке. В финальной части доклада за 2024 г., например, отмечается: «Бурная политическая сцена Соединенных Штатов в 2024 г. подобно призме отражает структурные проблемы прав человека с американской спецификой. Сговор власти и капитала низводит права человека до простого реквизита в политическом “шоу” и разменной монеты в “казино” для власть имущих. Страна полностью отошла от фундаментальных ценностей и основополагающих принципов прав человека. Перед правительством США по-прежнему стоит неминуемая проблема: как эффективно удовлетворить подлинные потребности американского народа и превратить уважение к правам человека и их защиту в реальные действия» [12; 13].

Политика сдерживания Китая, проводимая США и их союзниками, в разные годы характеризовалась различной степенью интенсивности. В период первого президентства Д. Трампа (2017–2020) китайско-американские отношения достигли резкого охлаждения, и США впервые провозгласили Китай своим «экономическим и стратегическим соперником»¹. Китайская элита, в значительной мере ориентированная на сотрудничество с США, пережила серьезный шок. Однако и после прихода к власти президента Дж. Байдена (2021–2024) ситуация не изменилась. Как отмечает А.Ю. Сидоров, «администрация Байдена, продолжив и даже усилив “идеологизацию” противостояния США – КНР, привнесла в него традиционно присущее демократам “морализаторство”, представляя геэкономическое и геополитическое соперничество двух государств как “борьбу добра и зла”». Кроме того, США при Байдене без изменений сохранили свою антикитайскую «тарифную политику», продолжили курс на создание антикитайских альянсов в ИТР, с новой силой стали раскручивать «тайваньский вопрос». При этом в июне 2024 г. президент США Байден в своем интервью журналу «Таймс» не исключил возможность применения американских вооруженных сил в случае китайского вторжения на Тайвань, и тогда же глава Индо-Тихоокеанского командования США адмирал С. Папаро пообещал превратить тайваньский пролив в «беспилотный ад», развернув там тысячи морских дронов,

¹ В период первого президентского правления Трампа была принята Стратегия национальной безопасности США (2017), которая впервые зачислила КНР (наряду с Российской Федерацией) в категорию «экономических и стратегических соперников» США.

если КНР начнет свою операцию на Тайване. Наконец, 28 июня 2024 г. на предвыборных теледебатах в США кандидат в президенты Трамп неоднократно повторил свой скандальный тезис о том, что «Байден подкуплен китайцами» [14].

О стратегии США в отношении Китая

Перечисленные выше моменты свидетельствуют о том, что к середине 2024 г. отношения между КНР и США достигли очередного пика своей напряженности. Скорее всего, именно тогда наступил момент, когда китайская чаша терпения оказалась переполненной. Во всяком случае, это можно видеть не только по реакции со стороны китайского правительства, но и по реакции действующих в интересах правительства аналитических центров, включая Институт Синьхуа. В тот же самый день, когда кандидат в президенты США Трамп в очередной раз враждебно высказался в адрес Китая, Институт Синьхуа опубликовал материал под названием «Сомнительная стратегия США в отношении Китая». Формально это была всего лишь публикация статьи члена Комитета Сената США по иностранным делам, сенатора Рэнда Пола «Наша политика в отношении Китая – катастрофа для безопасности и процветания США».

Эксперты Синьхуа привели ее без купюр, с минимальной редакцией. Но это был прекрасный шанс изложить суть антикитайской политики США словами самих американских политиков. В частности, в статье Пола отмечалось: «Президент Байден, похоже, готов пожертвовать мирными отношениями и выгодами торговли с Китаем ради краткосрочных политических выгод, которые дает настойчивое требование считать Китай врагом Соединённых Штатов». Особое внимание, как и ожидалось, было отведено «тайваньскому вопросу». Кроме того, в статье звучали такие слова: «Американскому народу следует осознать, какую цену ему, возможно, придется заплатить за жесткую позицию президента Байдена. Согласно недавним военным учениям, первые три недели вмешательства США в дела Тайваня обойдутся примерно в 3000 американских военнослужащих, два авианосца, 10–20 военных кораблей и 200–400 боевых самолетов. Всего за три недели Соединённые Штаты понесут примерно вдвое меньше потерь, чем за 20 лет войны в Ираке и Афганистане» [15]. Трудно было изложить эту мысль лучше, чем сделал Пол. Тем более, что все то же самое могло бы прозвучать и с китайской стороны.

О Национальном фонде демократии

Спустя месяц с небольшим после указанных событий собственный выпад в адрес США сделало китайское правительство. 9 августа МИД КНР опубликовал доклад «Национальный фонд демократии: что это такое и чем он занимается», в котором изложил официальную китайскую точку зрения на деятельность одной из наиболее известных американских неправительственных организаций. В частности, в докладе отмечалось: «Национальный фонд за демократию (NED) выполняет роль “белых перчаток” правительства США. Он давно занимается подрывом государственной власти в других странах, вмешательством во внутренние дела других стран, разжиганием розни и конфронтации, введением в заблуждение общественного мнения и идеологической инфильтрацией — все это под предлогом продвижения демократии. Его бесчисленные злодеяния причинили серьезный вред и вызвали решительное осуждение со стороны международного сообщества» [16].

Спустя неделю Институт Синьхуа дал собственный комментарий к этому докладу. Подзаголовок к докладу МИД гласил: «Маски демократии, инструмент вмешательства». Интерпретация доклада со стороны Института Синьхуа, как и в случае со статьей сенатора Пола, была минимальной. Собственный вклад экспертов центра состоял лишь в использовании конспективного языка, который был применен в их комментарии. Это не могло не создать ощущение того, эксперты центра заняли предельно проправительственную позицию в данном вопросе. В частности, в их комментарии к докладу МИД отмечалось: «В докладе подчеркивается роль NED в подрыве глобального мира, стабильности и развития, а также содержится призыв к международному сообществу признать истинную природу NED... несмотря на то, что NED позиционирует себя как НПО, поддерживающую демократию за рубежом, на самом деле он является исполнителем тайных операций ЦРУ... NED обвиняется в подстрекательстве к “цветным революциям” с целью подрыва государственной власти в различных странах... NED вступал в сговор с различными структурами с целью вмешательства во внутренние дела других стран. Это включает в себя поддержку проамериканских сил в странах, на которые направлена деятельность, таких как оппозиционные деятели в России и антиправительственные организации в Мексике, на Кубе и в Иране... NED фабрикует ложную информацию, чтобы ввести общественное

мнение в заблуждение. Примерами служат распространение дезинформации о Китае и Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР), а также использование социальных сетей для ведения информационной войны против Ирана... NED использовал академическую деятельность в качестве прикрытия для вмешательства и инфильтрации. Это включает в себя финансирование докладов, ставящих низкие оценки демократическому развитию некоторых стран, организацию семинаров, побуждающих Европейский союз следовать политике США, и поддержку НПО, разжигающих социальную и политическую напряженность в различных регионах... действия NED подверглись широкому осуждению за нарушение суверенитета других стран и дестабилизацию регионов под видом продвижения демократии» [17].

Об ответственности СМИ в эпоху искусственного интеллекта

В середине октября 2024 г. Институт Синьхуа сделал новый шаг в плане интеллектуального противостояния американской политике сдерживания Китая. Этот шаг был сделан весьма аккуратно, в сдержанной китайской манере. Причины такой аккуратности были связаны с тем, что в ноябре 2024 г. ожидалась¹ последняя официальная встреча между главами КНР и США в Лиме в рамках саммита АТЭС [18]. За месяц до встречи двух глав государств Институт Синьхуа опубликовал доклад «Ответственность и миссия новостных СМИ в эпоху искусственного интеллекта». Появлению доклада предшествовала эффектная пиар-компания. Накануне его появление на сайте Института Синьхуа вышло объявление, которое гласило: «В докладе утверждается, что новостные СМИ должны взять на себя социальную ответственность и придерживаться подхода “человек прежде всего”, одновременно продвигая “искусственный интеллект во благо”» [19]. 14 октября доклад был опубликован, и в нем была озвучена следующая важная мысль: «Масштабы, формы и распространение ложной информации возросли, что привело к глобальному кризису достоверности... ограничения технологий и личные интересы пользователей создали эффект “сговора”, загрязняя общественное мнение и негативно влияя на индивидуальное восприятие и общественный дискурс» [20, р. 4].

¹ Встреча Председателя КНР Си Цзиньпина и президента США Дж. Байдена состоялась в Лиме 16 ноября 2024 г. (по местному времени).

Избегая публичного обвинения США в сознательном распространении дезинформации в адрес Китая, эксперты Института Синьхуа сосредоточили внимание на технической стороне вопроса. В частности, они подвергли критике практику «неправильного использования технологий». В этой связи в докладе было отмечено, что «повсеместное применение искусственного интеллекта в распространении информации внесло существенные изменения в ландшафт мирового общественного мнения, порождая новые риски и вызовы в индивидуальном, общественном и международном измерениях... Появление развитого искусственного интеллекта облегчило влияние на общественное мнение или даже его контроль, бросив тень на необходимую прозрачность и справедливость общественного дискурса... В условиях частых социальных конфликтов и напряженных геополитических ситуаций искусственный интеллект широко используется в “разведывательной войне”, “войне общественного мнения” и “когнитивной войне”, что усиливает напряженность в международном общественном мнении и значительно увеличивает риски эскалации и конфликта» [20, р. 19–21]. Решение указанного вопроса предлагалось соответствующее: «Поставить людей на первое место и продвигать ИИ во благо» [20, р. 28].

Ноябрьские доклады Института Синьхуа (2024)

В преддверии встречи Си Цзиньпина и Дж. Байдена в Лиме Институт Синьхуа выпустил еще два важных доклада. Оба они также отличались сдержанностью, но содержали в себе идеи, свидетельствующие о готовности КНР к обострению отношений с США. 8 ноября вышел в свет доклад «Совместное содействие качественному развитию и создание Азиатско-Тихоокеанского сообщества с общим будущим». Оценивая перспективы развития стран АТР, авторы доклада обратили внимание на растущие геополитические риски, создаваемые политикой США в регионе. В частности, они отметили: «В настоящее время некоторые страны продолжают придерживаться “менталитета холодной войны” и “игры с нулевой суммой”, стремясь к сплочению союзников и вовлечению в блоковое противостояние. Это привело к обострению геополитической ситуации и созданию многочисленных вызовов для Азиатско-Тихоокеанского региона... Нестабильность и конфликты в современной глобальной геополитической обстановке не только угрожают безопасности и стабильности Азиатско-

Тихоокеанского региона, но и негативно сказываются на региональной торговле и инвестициях, создавая трудности для регионального экономического сотрудничества» [21, р. 12–13].

15 ноября вышел доклад под названием «Новая модель развития человечества и ее глобальное значение», который был представлен на Форуме СМИ и аналитических центров Глобального Юга в Сан-Паулу в Бразилии. Исходная идея доклада заключалась в том, что на современном этапе своего развития человечество переживает беспрецедентный дефицит мира, развития, безопасности и управления [22, р. 3]. Как отмечалось в докладе, серьезной угрозой безопасности на современном этапе стали «угрозы со стороны гегемонии». Имея в виду именно политику США, авторы доклада также утверждали: «Некоторые страны, движимые менталитетом холодной войны, постоянно раздувают геоугрозы. Они используют определенные ценности и идеологии как средство давления на других и продвижения своих географических стратегий... они постоянно провоцируют конфронтацию между различными идеологиями и политическими лагерями, пытаясь спровоцировать конфликты ценностей... Вновь всплывают такие ложные убеждения, как “культурное превосходство” и “столкновения культур”, что затрудняет достижение странами консенсуса в вопросах безопасности и, как следствие, приводит к серьезному отсутствию согласованных действий мирового сообщества в ответ на вызовы безопасности... Некоторые страны... даже ставят собственные законы выше международного права, постоянно вводя односторонние санкции, оказывая максимальное давление и даже применяя так называемую “юрисдикцию длинной руки” к другим странам... Подобные действия наносят огромный ущерб интересам других членов мирового сообщества, серьезно затрудняя их усилия по экономическому развитию и повышению благосостояния народа... Подобные действия во всех отношениях серьезно подрывают многосторонний международный порядок, основанный на целях и принципах Устава Организации Объединённых Наций» [22, р. 8–9].

О вмешательстве внешних сил в ситуацию в Южно-Китайском море

Ситуация в Южном-Китайском море на протяжении многих лет выступала чувствительной темой в рамках китайско-американских отношений. С началом их обострения эта тема вышла на первый план в работе китайских аналитических центров. С июня по

август 2025 г. Институт Синьхуа выпустил три обширных доклада, касающихся анализа американского вмешательства в дела региона с целью давления на Китай. 8 июня центр презентовал доклад «Превратим Южно-Китайское море в море мира, дружбы и кооперации: действия Китая». В нем отмечалось: «Будучи одновременно важнейшим морским коридором и общим наследием стран региона, Южно-Китайское море сталкивается с фундаментальным вопросом: как нам следует формировать будущее этих вод в условиях внешних сил, пытающихся посеять раздор?» [23, р. 1].

Вслед за ним вышел доклад «Историко-правовые основы территориального суверенитета и морских прав Китая в Южно-Китайском море». В его выводах было сказано: «Своевременное урегулирование споров в Южно-Китайском море и устранение негативного вмешательства нерегionalных держав-гегемонов и некоторых стран региона, преследующих личные интересы, – необходимые шаги для восстановления спокойствия в Южно-Китайском море... Поддержание международного порядка, установленного со времен Второй мировой войны, соблюдение исторических прецедентов и правовой справедливости, уважение территориального суверенитета и морских прав Китая в Южно-Китайском море, а также последовательное разрешение разногласий посредством диалога и консультаций для содействия мирному урегулированию споров в Южно-Китайском море – вот правильный путь вперед» [24, р. 29].

В докладе «Подстрекательство, угрозы и ложь – правда о вмешательстве внешних сил в ситуацию в Южно-Китайском море» были проанализированы американские методы давления на государства региона с целью вынудить их ввязаться в конфронтацию с КНР и тем самым участвовать политике сдерживания Китая, осуществляемой США. В частности, в докладе было отмечено: «Чтобы сдерживать и подавить развитие Китая, западные страны во главе с США не только использовали проблему Южно-Китайского моря, чтобы посеять раздор между Китаем и странами региона, но и пытались сформировать в регионе различные «узкие круги» изоляции. Они стремятся заставить страны региона «встать на чью-то сторону», оказывая значительное внешнее давление на их обычные внешние отношения» [25, р. 7–8].

О колонизация сознания и когнитивной войне США

С началом второго президентского срока Трампа отношения между США и КНР ожидаемо испортились, и противостояние двух держав усилилось. Несмотря на то что одним из первых решений президента Трампа стало закрытие 1 июля 2025 г. Агентства США по международному развитию (USAID) по причине его неэффективности и переориентации на защиту национальных интересов, в КНР отнеслись к этому с ожидаемым хладнокровием. С китайской точки зрения закрытие главного рупора американской пропагандистской войны вовсе не означало, что сама война прекратилась. Противоречивые высказывания президента Трампа по вопросам американской внешней политики, а также его «тарифные войны» против КНР и остальных стран лишь подтвердили правоту китайских предположений.

В рамках состоявшегося 8 сентября в Куньмине Форума СМИ и аналитических центров Глобального Юга Институт Синьхуа опубликовал один из самых своих значительных докладов – «Колонизация сознания. Средства, корни и угрозы когнитивной войны США». Авторы доклада сосредоточили внимание на новых формах информационно-пропагандистской войны США, связанных с использованием социальных сетей и искусственного интеллекта, назвав их «когнитивной войной». Эксперты указали на то, что США неизменно предпочитали этот тип войны всем прочим, поскольку он позволял им поддерживать свою гегемонию без того, чтобы проливать кровь собственных солдат. «Покорение сознания» всегда было целью имперских правителей. Исторически колониальные державы в разные эпохи неизменно пытались экспортировать свое мышление и культуру, а также унифицировать ценности на завоеванных территориях, используя такие средства, как национальное образование, развитие языка, историческая реконструкция и составление канонических текстов, чтобы устранить культурные барьеры и создать идеологическую основу для длительного господства... глобализирующихся потоках материально-духовного обмена, интеграции и борьбы Соединённые Штаты, накопив огромные ресурсы и огромную мощь, в конечном итоге вышли на исторически “передовой рубеж” колонизации сознания» [26, р. 4].

В докладе утверждалось, что колонизация сознания представляет собой форму ментального господства, направленного на увековечение неравенства, которое проявляется в формах насиль-

ственного насаждения своих ценностей, злонамеренного манипулирования информацией, скрытого проникновения в научные, образовательные и культурные учреждения других стран и экспорт своих «передовых концепций». Тем не менее «в последние годы страны глобального Юга пробуждаются ускоренными темпами и все чаще призывают сбросить американские оковы колонизации сознания». Согласно выводам авторов доклада, условиями освобождения от американской колонизации сознания для народов Глобального Юга должны стать отказ от слепой веры в американские ценности, укрепление уверенности в своей национальной культуре, истории и развитии, уважение к другим цивилизациям вместо хвастовства своим «цивилизационным превосходством» [26, p. 30].

«Содействовать контактам между цивилизациями и взаимному обучению»

Уже к концу XX в. Китай стал прочно ассоциироваться с образом главной «фабрики мира». В этой роли его воспринимают и руководители китайского государства, сознавая, что мощный экономический потенциал страны может служить основой для реализации суверенной китайской политики на международной арене. Придя к власти в 2012 г. Си Цзиньпин, выдвинул концепцию Сообщества единой судьбы человечества, которую в качестве глобальной инициативы китайское руководство стало выдвигать и на различных международных площадках. При этом по мере усиления конфронтации между Китаем и США концепция Сообщества единой судьбы стала сопрягаться с анти-гегемонистскими заявлениями китайского руководства и открытой критикой внешней политики США. Эту общую концептуальную рамку, предложенную главой КНР, восприняли и китайские аналитические центры, включая Институт Синьхуа. В рассматриваемый период времени этот аналитический центр опубликовал целый ряд докладов, посвященных продвижению китайской глобальной инициативы в условиях нарастающей конфронтации с США.

О расширении глобальных возможностей Китая

19 июня 2024 г. в рамках форума аналитических центров «Китай – Европа» Институт Синьхуа опубликовал доклад «Расширяем возможности Китая, приносим пользу миру: презентация но-

вого качественного отчета о производительных силах». Отталкиваясь от концепции «производительных сил нового качества», которую Си Цзиньпин представил в 2023 г. в ходе своих инспекций по производственным предприятиям, авторы сконцентрировались на том, чтобы дать характеристику новых производительных сил и показать, каким может быть их влияние на Китай и на мир. Исходя из формулы «производительные силы нового качества – это передовые производительные силы, движимые инновациями», эксперты центра отметили, что их развитие для Китая означает достижение технологической самодостаточности, повышение глобальной конкурентоспособности и обеспечение общественного прогресса в совокупности с возрождением китайской нации. Для остального мира их развитие будет означать решение, по крайней мере, трех основных задач: придаст импульс глобальной технологической трансформации и экономическому развитию, поддержит глобальную зеленую трансформацию, способствуя устойчивому развитию, и будет способствовать международному экономическому сотрудничеству и взаимовыгодному развитию [27].

Спорт как средство развития контактов между цивилизациями

Одной из стратегий расширения глобальных возможностей Китая считается поддержка развития спорта. Откликаясь на публичные заявления Си Цзиньпина о спорте, 27 августа центр выпустил в свет доклад «Путь к становлению спортивной державой – ценность и вдохновение важных рассуждений Си Цзиньпина о спорте». Эксперты центра акцентировали внимание на системном понимании феномена спорта, отмечая, что превращение Китая в спортивную державу направлено на гармоничное сосуществование и совместное развитие всех ключевых элементов современной цивилизации: личности, общества, нации, цивилизации и международного сообщества. Спорт – особый микрокосм китайской модернизации. Он содействует всестороннему развитию человека, придает импульс экономическому и социальному развитию страны, прямо влияет на возрастание духовной силы нации и ее уверенности в себе, поддерживает гармонию в обществе, ориентированном на человека. Наконец, спорт рождает «красочный мир» и «содействует контактам между цивилизациями и их взаимному обучению».

Этот пятый аспект феномена спорта особенно важен в контексте данного разговора, поскольку выводит на глобальную проблематику. В связи с этим авторы доклада подчеркивают: «Спорт, как универсальный язык, выходит за рамки расы, национальности и идеологии, выступая мостом между... цивилизациями. По мере того, как Китай активно интегрируется в международное сообщество и занимает центральное место на мировой арене, спорт становится важнейшим средством выражения ценностей и содействует контактам между цивилизациями и взаимному обучению... В условиях беспрецедентных изменений в развитии мирового спорта необходимы более активные обмены, сотрудничество и диалог. Подход Китая к интеграции спорта в свое видение общего будущего придаст мощный импульс развитию человеческой цивилизации и созданию новой формы глобальной цивилизации для всех» [28, p. 17–19].

Зелёная трансформация Китая и глобальное развитие

Эксперты Института Синьхуа не стоят в стороне и от «зеленой повестки»¹. В рассматриваемый период времени они неоднократно обращались к этой теме в своих докладах и комментариях. 1 октября 2024 г. Институт Синьхуа откликнулся на публикацию своих коллег из *Peking Ensignt*, выпустив материал под названием «Зелёная трансформация Китая: модель глобального развития». Этот материал стал также откликом на заявления о необходимости углубления экологической реформы с акцентом на построение «прекрасного Китая», прозвучавшие на третьем пленуме ЦК КПК 20-го созыва в июле 2024 г. Используя традиционную для мировых СМИ риторiku, эксперты центры отметили, что «обладая огромным населением и растущей экономикой, Китай использует свои цели по достижению... достижению углеродной нейтральности для продвижения общенационального перехода к зеленой и низкоуглеродной экономике». Отмечая трудности, с которыми Китай сталкивается как растущая индустриальная держава и в то же время сторонник «зеленой трансформации», эксперты Института Синьхуа констатировали: «Предстоящий период потребует более решительных действий по переходу к циклической экономике с низким уровнем выбросов углерода. Усиливая синергию между

¹ В КНР на протяжении многих лет дискуссии по «зеленой повестке» отличаются особой остротой.

сохранением окружающей среды и экономическим ростом, Китай может и дальше играть ведущую роль в глобальных усилиях по борьбе с изменением климата» [29].

В развитии идей Си Цзиньпина о построении в Китае «экологической цивилизации» 26 октября Институт Синьхуа выпустил доклад «На пути к более прекрасному Китаю и более чистому миру: понимание идей Си Цзиньпина об экологической цивилизации». Подобно инициативам, связанным с развитием промышленной экономики или развитием спорта, в инициативе о построении «экологической цивилизации» также заявлен глобальный аспект, выражающий китайский взгляд на общее будущее человечества. Комментируя идеи китайского лидера, эксперты центра отмечали: «Китай будет работать совместно с другими странами..., смело брать на себя ответственность, прилагать согласованные усилия, руководствуясь единым духом, отстаивать принципы гармоничного сосуществования человечества и природы, экологичного развития, системного управления, ориентированности на человека, многосторонности и принципа общей, но дифференцированной ответственности, чтобы построить сообщество жизни с участием человечества и природы и создать на Земле лучшую родину» [30, р. 12].

О создании глобального сообщества общего будущего

Подготовив значительный задел для презентации одной из основных тем всей своей аналитической работы, 6 февраля 2025 г. Институт Синьхуа выпустил доклад «Создание глобального сообщества общего будущего: современное значение и осязаемые достижения». В докладе акцент был сделан на трех основных сюжетах — необходимости улучшения глобального управления, китайском предложении о взаимном признании и китайской практике, служащей благополучию всего человечества. Комментируя вопрос об улучшении глобального управления, являющийся одним из самых острых в рамках китайско-американских отношений, авторы доклада отмечали: «В современном мире человеческое общество сталкивается не только с серьезными историческими проблемами, но и со значительными современными вызовами. Создание глобального сообщества с единой судьбой становится для государств стратегией управления, позволяющей им противостоять этим вызовам... Это представляет собой китайскую инициативу, направленную на продвижение человеческого общества к прочному ми-

ру, всеобщей безопасности, общему процветанию, открытости, инклюзивности и созданию чистого и прекрасного мира» [31, р. 6–7].

Обсуждая вопрос о китайском предложении остальному миру, касающемся взаимного признания цивилизаций, эксперты Института Синьхуа противопоставили китайскую позицию американской идее гегемонии. В частности, они отметили: «Концепция глобального сообщества общего будущего признает взаимосвязанность будущего всех наций. Она способствует сотрудничеству, гармоничному сосуществованию и взаимной выгоде различных групп... Ни одна цивилизация в мире не может считаться превосходящей другие; каждая цивилизация уникальна и имеет региональные особенности. Поэтому культурные различия не должны быть причиной конфликтов по всему миру. Создание глобального сообщества с единым будущим предвосхитило будущие формы цивилизации и воплощает в себе всеобъемлющую траекторию развития человечества» [31, р. 21, 42].

Обращаясь к вопросу о практике Китая на международной арене, авторы доклада акцентировали внимание на трех глобальных инициативах Китая, адресованных международному сообществу – Глобальной инициативе развития, Глобальной инициативе безопасности и Глобальной цивилизационной инициативе. Поясняя их содержание, эксперты отметили стремление Китая взять на себя ответственность за преодоление разрыва между развитыми и развивающимися странами в качестве лидера развивающегося мира, его стремление участвовать в процессах обеспечения равной и неделимой безопасности, а также его стремление использовать свой потенциал для создания общепланетарной человеческой цивилизации с равными возможностями для всех культур. Резюмируя суть китайской практики на международной арене, авторы сообщали: «Предложение Китая о создании глобального сообщества единой судьбы соответствует ходу истории, отвечает общим интересам большинства стран и содействует прогрессу человечества. Китай неизменно придерживается своей приверженности делу построения мира во всем мире, внесения вклада в глобальное развитие и защиты международного порядка» [31, р. 64].

Содействие развитию человеческой цивилизации

18 февраля 2025 г. Институт Синьхуа выпустил еще один из своих самых важных докладов – «Содействие развитию и прогрессу человеческой цивилизации посредством контактов и взаимного

обучения». В докладе подчеркивается, что в истории китайской цивилизации всегда преобладало стремление к взаимовыгодным контактам с другими цивилизациями, ее принципами были «взаимодействие, обмен знаниями и интеграция». Из конфуцианской традиции современный Китай унаследовал в качестве политического идеала концепцию «Великого единства под небесами». Достигнув успехов в экономическом развитии и укрепив свои позиции на международной арене, современный Китай активно поддерживает все развивающиеся страны, делясь с ними своими преимуществами и помогая избавиться от бедности, от которой недавно избавился сам. «Добившись полного искоренения абсолютной бедности в своей стране, Китай тесно связал свой рост с глобальным развитием. К настоящему времени Китай помог многим развивающимся странам реализовать более 6 тыс. проектов по обеспечению средств к существованию» [32, р. 15].

Отвергая американскую модель однополярного мира с гегемонией единственной цивилизации, Китай, отмечают эксперты, в своей внешней политике руководствуется другим подходом. «Разнообразие цивилизаций – суть мира. Развитие человеческой цивилизации – это “симфония”, состоящая из различных культур, а не “соло” одной... Без разнообразия не было бы человеческой цивилизации. Цивилизация каждой нации и этнической группы уникальна, каждая имеет свою ценность для существования. Только отстаивая равенство и уважение, отказываясь от высокомерия и предрассудков, различные цивилизации могут процветать и развиваться посредством диалога и гармоничного сосуществования» [32, р. 6].

За лучший мир: о промежуточных итогах проекта «Пояс и путь»

27 мая центр начал публиковать очередной обширный доклад, посвященный изложению китайского взгляда на развитие человеческой цивилизации. Его название – «За лучший мир. Взгляд на прошедшее десятилетие совместной реализации инициативы “Один пояс, один путь” с точки зрения прав человека». В нем был предпринят анализ китайских инициатив, направленных на достижение общего развития и содействие осуществлению прав человека для всех. Эксперты центра отметили, что за десятилетие реализации проекта «Один пояс, один путь» КНР провел большую работу, связанную с защитой прав человека в странах, являющихся

участниками проекта. Китай занимался содействием удовлетворению основных потребностей населения этих стран, содействием реализации права на труд, обеспечением повышения доходов их жителей, улучшением условий здравоохранения в этих странах. Кроме того, Китай поддерживал повышение стандартов образования в этих странах, развитие общественной культуры, сохранение религиозных обычаев, защиту окружающей среды. Особое внимание при этом Китай уделял защите прав и интересов женщин, а также прав и благополучия детей в странах – участницах проекта «Один пояс, один путь» [33].

Интеграционный проект «Один пояс, один путь» был и продолжает оставаться одним из главных детищ нынешнего руководства КНР. По этой причине Институт Синьхуа неоднократно уделял ему внимание в своих материалах. В рассматриваемом докладе прозвучал целый ряд суждений, освещающих новейший этап реализации данного проекта и его роль в условиях обостряющегося противостояния с США. В противовес американской политике гегемонизма китайский подход, как отмечают эксперты центра, это сотрудничество на равноправной основе. «Все страны-партнеры «Одного пояса, одного пути» имеют право на справедливые права, возможности и правила по мере своего развития. Все страны-партнеры... являются равноправными участниками, вкладчиками и бенефициарами, разделяя переплетенные интересы и судьбы. Совместная реализация инициативы «Одного пояса, одного пути» основывается на принципе “консультаций, вклада и общих выгод”, отвергая логику власти некоторых стран, направленную на завоевание или ассимиляцию различных культур и цивилизаций, и стремясь содействовать построению более справедливого и равноправного порядка и норм» [33].

Отстаивание культурной субъектности

12 сентября 2025 г. центром была начата публикация доклада «Отстаивание культурной субъектности в условиях динамического взаимодействия мировых культур: духовный краеугольный камень пути Китая к модернизации». Под этим говорящим названием скрывалась все та же тематика, над которой эксперты центры работали все предыдущие месяцы: цивилизационное многообразие вместо цивилизационной гегемонии. Основные идеи доклада были представлены уже в самых первых его строках. «Культурная субъектность воплощает историческую память и духовную сущность

страны и ее народа, служа краеугольным камнем поддержания национальной идентичности и социальной стабильности. Она является основополагающей предпосылкой культурного самосознания, уверенности, независимости и самоутверждения, а также духовным якорем, воплощающим уникальные особенности цивилизации на фоне глубоких преобразований мирового ландшафта» [34, р. 1].

Эксперты Института Синьхуа представили следующие рассуждения: культурная субъектность – основа уверенности в собственной культуре; она является неотъемлемым краеугольным камнем процесса модернизации. Уверенность в собственной культуре ведет формированию культурной независимости и далее – укреплению культурной устойчивости. Культурная субъектность Китая была возвращена и сформирована пятью тысячелетиями развития его цивилизации. Такой славной и долгой историей могут похвастаться лишь немногие существующие сегодня цивилизации. Китаю пришлось защищать свою культурную субъектность в непростой борьбе с Западом в XIX–XX вв. Распространение идей марксизма в Китае привело к возрождению страны, ее культуры и «второй интеграции» – соединению принципов марксизма с китайской спецификой и лучших достижений традиционной культуры Китая. «Перестройка и консолидация китайской культурной субъектности подняли историческую и культурную уверенность Китая на беспрецедентную высоту... мышление китайского народа претерпело фундаментальную трансформацию, перейдя от чувства неполноценности и тревоги к осознанной уверенности, что вновь укрепило культурный стержень китайской нации» [34, р. 8].

По словам экспертов центра, в ходе модернизации культуры некоторых стран подверглись воздействию «ошибочных идеологий», вследствие чего их культурная субъектность была ослаблена. Китай с его «укрепившейся культурной субъектностью» может служить «образцом для стран Глобального Юга». Его опыт, широко воспринимаемый сегодня развивающимися странами, «не только разрушает монополию культурной гегемонии на дискурс, но и способствует построению сообщества с единой судьбой для человечества, основанного на общих ценностях для всего человечества» [34, р. 21]. Тем не менее сохраняющееся влияние американского гегемонизма является серьезным вызовом для всех культур в современном мире. Сочетая экономическую и военную гегемонию со своей культурной гегемонией, США стремятся к увековечению своего «культурного империализма». При этом «они размахивают дубинкой санкций и пошлин». Китай демонстрирует свою реше-

мость противостоять гегемонии, опираясь на свою «институциональную мощь, экономическую устойчивость и уверенность в собственной культуре». Чтобы противостоять гегемонии, утверждают эксперты, «государства должны вместе занять правильную позицию в истории» [34, р. 22].

* * *

Знакомство с публикациями Института Синьхуа создает стойкое впечатление, что его эксперты сегодня находятся на самом остром информационно-пропагандистской работы, осуществляемой в КНР. Институт не только является еще одним рупором во внешний мир и элементом большой идеологической машины Китая, но и особым инструментом, позволяющим придать голосу китайского политического руководства дополнительный вес и изящество. Доклады Института Синьхуа являются своего рода политической каллиграфией – особой разновидностью письма, призванной расставить акценты в текущем внешнеполитическом нарративе КНР. На текущий момент, повестка, в рамках которой действует Институт Синьхуа, сосредоточена на двух главных тематических линиях – освобождении от оков западной (американской) колонизации сознания народов Глобального Юга и построении нового миропорядка, без гегемонии, по модели, предлагаемой Китаем – посредством «контактов между цивилизациями и взаимного обучения». Это именно то, что значимо для Китая – как для его высшего руководства, так и для экспертного сообщества, работающего в интересах государства. Сколь долго эти темы будут стоять на повестке дня, покажет время. Сегодня, в условиях разрастающейся информационной войны между Китаем и США их присутствие в поле зрения экспертов Института Синьхуа совершенно закономерно.

Список литературы

1. Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая: справочник. – Москва: Российский институт стратегических исследований, 2012. – 266 с.
2. Капишникова В.А., Абрамова Н.А. Классификация и особенности «мозговых центров» КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2017. – № 20. – С. 47–52.
3. Помозова Н.Б. Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии // Дискурс. – 2021. – № 7 (5). – С. 71–85.

4. Ван Синь, Чao Бинцин. «Мягкая сила» во внешней политике Китая при решении глобальных проблем современности // Век глобализации. – 2022. – № 3. – С. 97–111.
5. Чэнь Юйхун. Аналитические центры как инструмент внешней политики Китая // Политика и Общество. – 2025. – № 2. – С. 1–12.
6. Мнения об усилении строительства аналитических центров нового типа с китайской спецификой = Гуаньюй цзяцян Чжунго тэсэ синьсин чжику цзяньшэ дэ ицзянь. – URL: <https://baike.baidu.com/item/关于加强中国特色新型智库建设的意见> (дата обращения: 10.09.2025). – Кит. яз.
7. McGann J.G. 2020 Global Go to Think Tank Index Report // TTCSP Global Go to Think Tank Index Reports. – Lauder Institute, University of Pennsylvania, 2021. – N 18. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18 (дата обращения: 10.09.2025).
8. Baertl A., Nicolle S., Gilbreath D. Think Tank State of the Sector 2023. – Open Think Tank Directory. – 2023. – October. – URL: <https://onthinktanks.org/wp-content/uploads/2023/10/SoS-2023-Report-FINAL.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).
9. Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 6–22.
10. Xinhua Institute. – URL: <https://xinhuaireview.substack.com/about> (дата обращения: 13.09.2025).
11. Xinhua Institute. Archive. – URL: <https://xinhua-review.substack.com/archive> (дата обращения: 18.09.2025).
12. Полный текст Доклада о нарушениях прав человека в США в 2024 году. – Пекин: Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 17.08.2025 // Синьхуа Новости. – URL: <https://russian.news.cn/20250817/-cc95cbf4f5254e0d9cef7f2b7e2f4965/c.html> (дата обращения: 12.09.2025).
13. Госсовет КНР опубликовал доклад о массовых нарушениях прав человека в США // ТАСС. – 2025. – 17.08. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24803715> (дата обращения: 12.09.2025).
14. Сидоров А.Ю. Отношения США и Китая при администрации Дж. Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 4. – С. 27–48.
15. The Questionable U.S. China Strategy: Rand Paul’s Take on the U.S.-China Policy Dilemma / Xinhua Institute. – 2024. – 28.06. – URL: <https://xinhuaireview.substack.com/p/the-questionable-us-china-strategy> (дата обращения: 21.09.2025).
16. The National Endowment for Democracy: What It Is and What It Does // Ministry of Foreign Affairs People’s Republic of China. – 2024. – 9.08. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/wjbxw/202408/-t20240809_11468618.html (дата обращения: 21.09.2025).
17. The National Endowment for Democracy: What It Is and What It Does. The Mask of Democracy, the Tool of Interference / Xinhua Institute. – 2024. – 17.08. – URL: <https://xinhuaireview.substack.com/p/the-national-endowment-for-democracy> (дата обращения: 21.09.2025).

18. Кулагин В., Айнетдинов Р. Джо Байден и Си Цзиньпин провели последнюю встречу // Ведомости. – 2024. – 18.11. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/11/18/1075617-baiden-i-si-tszinpin-proveli-poslednyuyu-vstrechu> (дата обращения: 12.10.2025).
19. (Upcoming) Report Launch: Responsibility and Mission of News Media in AI Era / Xinhua Institute. – 2024. – 13.10. – URL: <https://xinhuareview.substack.com/p/upcoming-report-launch-responsibility> (дата обращения: 22.09.2025).
20. Responsibility and Mission of News Media in AI Era / Xinhua Institute. – 2024. – 14.10. – URL: <https://f3.xhinst.net/group1/M00/00/A5/CgoMnGcL32CEKXweAAAAABHADzY203.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
21. Jointly Promoting High-Quality Development and Building an Asia-Pacific Community with a Shared Future: Achievements of Future-Oriented APEC Development and China's Actions / Xinhua Institute. – 2024. – 8.11. – URL: <https://f2.xhinst.net/group1/M00/00/A5/CgoMnGct5k-EP-liAAAAAIXikvo963.pdf> (дата обращения: 24.09.2025).
22. A New Model for Human Advancement and Its Global Significance / Xinhua Institute. – 2024. – 15.11. – URL: <https://f1.xhinst.net/group1/M00/00/A5/CgoMm2crLLqEc2tDAAAAAHCyKpQ928.pdf> (дата обращения: 26.09.2025).
23. Making the South China Sea a Sea of Peace, Friendship and Cooperation: China's Actions / Xinhua Institute. – 2025. – 8.06. – URL: https://f3.xhinst.net/group1/M00/00/B4/CgoMnGhE_VCEDchGAAAAACwCuCM703.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
24. Historical and Legal Basis of China's Territorial Sovereignty and Maritime Rights in the South China Sea / Xinhua Institute. – 2025. – 23.10. – URL: https://f2.xhinst.net/group1/M00/00/C0/CgoMnGilbMWEIGfLAAAAAJ_sKQo425.pdf (дата обращения: 24.10.2025).
25. Incitement, Threats, and Lies. The Truth about External Forces Interfering in the South China Sea Issue / Xinhua Institute. – 2025. – 29.10. – URL: <https://f3.xhinst.net/group2/M00/00/C0/CgoMnWilbGCEQvXXAAAAAGrSGiw273.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).
26. Colonization of the Mind. The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare / Xinhua Institute. – 2025. – 8.09. – URL: <https://f2.xhinst.net/group2/M00/00/C6/CgoMnmi5oymET3IKAAAAAMhUE00792.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).
27. Empower China, Benefit the World: Launch of the New Quality Productive Forces Report. Release of the Report and Forum Overview / Xinhua Institute. – 2024. – 19.06. – URL: <https://xinhuareview.substack.com/p/empower-china-benefit-the-world-launch> (дата обращения: 16.10.2025).
28. The Road to Becoming a Sports Powerhouse. The Value and Inspiration of Xi Jinping's Important Discourses on Sports // Xinhua Institute. – 2024. – 27.08 – URL: <https://f1.xhinst.net/group1/M00/00/9F/CgoMm2bMXkSEevsyAAAAALhpWhg198.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).
29. China's Green Transformation: A Model for Global Development // Xinhua Institute. – 2024. – 1.10. – URL: <https://xinhuareview.substack.com/p/chinas-green-transformation-a-model> (дата обращения: 20.10.2025).
30. Toward a More Beautiful China and Cleaner World: Understanding Xi Jinping Thought on Ecological Civilization / Xinhua Institute. – 2024. – 26.10. – URL: <https://>

- f1.xhinst.net/group2/M00/00/A7/Cgo-MnWdEveGEAFKPAAAAACB5YmM310.pdf (дата обращения: 21.10.2025).
31. Fostering a Global Community of Shared Future: Contemporary Significance and Tangible Achievements / Xinhua Institute. – 2025. – 6.02. – URL: https://f1.xhinst.net/group2/M00/00/82/CgoMnmYwTcSAf-Vw3AAgWA672r_o068.pdf (дата обращения: 1.10.2025).
32. Promoting the Development and Progress of Human Civilization through Exchange and Mutual Learning / Xinhua Institute. – 2025. – 18.02 – URL: https://f1.xhinst.net/group1/M00/00/A8/CgoMm2e0DW-EH-jMAAAAAIz_kHM568.pdf (дата обращения: 4.10.2025).
33. For a Better World. Looking at the Past Decade of Jointly Pursuing the Belt and Road Initiative from a Human Rights Perspective / Xinhua Institute. – 2025. – 27.05. – URL: <https://xinhuareview.substack.com/p/for-a-better-world-looking-at-the> (дата обращения: 16.10.2025).
34. Upholding Cultural Subjectivity Amid the Dynamic Interplay of World Cultures: The Spiritual Cornerstone of China's Path to Modernization / Xinhua Institute. – 2025. – 12.09. – URL: <https://f2.xhinst.net/group2/-M00/00/B5/CgoMnWh54L6EOnoFAAAAAJeZR0U574.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).

ДЕМИДОВ К.Б.* ВРЕМЯ КАК ОРУЖИЕ (НЕО)КОЛОНИАЛИЗМА. Рец. на кн.: LAGJI A. POSTCOLONIAL FICTION AND COLONIAL TIME: WAITING FOR NOW. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. – 239 p.

Аннотация. В книге Аманды Лодзи (Питцер Колледж, Клермонт) рассматриваются современные попытки возрождения колониальной темпоральности и ее превращение в орудие неокolonиального переустройства мира. Художественная продукция стран глобального Юга демонстрирует, как навязанные модели управляемости превращаются в сложные временные ландшафты, на которых разыгрываются драматические истории сдачи и сопротивления.

Ключевые слова: Глобальный Юг; Третий мир; Африка; колониализм; темпоральность; временные ландшафты; управляемость; нарратив.

DEMIDOV K.B. Weaponising Time. Book Review: Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time: Waiting for Now. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 239 p.

Abstract. Amanda Lagji (Pitzer College, Clermont) considers present bringing forth of colonial temporalities as one of mechanisms of neocolonial readjustment of what is considered by TNC to be the periphery of “the first-class world”. Thus, temporal orders are being weaponised as a sort of regimes of governmentality, producing vulnerable populations. Non-Western art and literature produce complex timescapes which reflect gradations of powerlessness and resistance, although their imagined futures tend to be illusions.

Keywords: Third World; Africa; colonialism; temporality; timescape; governmentality; narrative.

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Для цитирования: Демидов К.Б. Время как оружие (нео)колониализма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 48–62. – Рец. на кн.: Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time; Waiting For Now. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. – 239 p. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.03

«Могущественные силы продолжают деятельность по колонизации времени» [13, с. 213] – данные слова Аманды Лодзи (Питцер Колледж, Клермонт) могли бы стать эпиграфом современности, настолько велико и разнообразно применение временных категорий ведущими игроками на международной политической сцене, причем очень часто в совершенно неблагоприятных целях: данный автор диагностировал попытки Запада «вновь укоренить такую модель исторического развития, согласно которой темпоральность своеобразного “зала ожидания”» [13, с. 63] предписана большинству земного населения.

Книга Аманды Лагджи представляется поразительно актуальной – именно теперь становится очевидной та изощренная игра с темпоральностями, которую Запад превратил в мощнейшее оружие: даже вполне «вегетарианская» идея «Европы разных скоростей» на деле – не что иное, как замаскированный неоколониализм. К сожалению, данная особенность Запада (превращение всего и вся в оружие) не была своевременно распознана мировой общественностью – так, уже Ост-Индская Компания добилась успехов в Индии именно благодаря жестокости и скорости – подобной быстроте хищника – не укладывавшейся в сознание аборигенов [13, с. 139]. Позднее именно скорость помогла англичанам взять верх над соперниками – французскими колонизаторами в Индии [13, с. 213]. Примечательно и то обстоятельство, что начиная со второй половины XIX в. временные категории начинают лидировать в западном сознании, уверенно оттесняя на второй план прежде господствовавшие категории пространственного характера [4, с. 17].

Книга А. Лодзи существенно дополняет данную картину, показывая, как, казалось бы, незначительное смещение акцентов, обрастая временными измерениями, способно изменить не только ритм жизни, но и сознание колонизируемых (часто не подозревающих о том, что их колонизируют) – таким образом, категории времени становятся психологическим оружием. Работа демонстрирует,

насколько могущественным – и часто, фатальным – способно оказаться грубое вмешательство одних темпоральностей, подходов, идей в сложную социальную ткань других культур, тем более что подлинная цель – создание неоколониальных «режимов управляемости» [13, с. 203].

Попытка привнести во вновь возникающие идеологические конструкции и структуры давно отжившие элементы – что заведомо обрекает вновь возникающие социумы на болезненную, гетерогенную, «дизъюнктивную темпоральность» [13, с. 80] едва ли подлежит сомнению. Однако особенно ужасным представляется то обстоятельство, что все это преподносится в обертке «морального европейского времени» [13, с. 117]. «Мораль» заключается в том, что освободившиеся народы ставят перед ложной альтернативой: либо принятие европейских ценностей и приобщение к прогрессу, либо застой, прокрастинация и бунт – «бессмысленный и беспощадный».

Автор уточняет в заглавии книги, что данные народы «ожидают наступления “теперь”» – ведь они оказались в своего рода временной «черной дыре», стали будто бы изгнанными из реального времени, лишились ощущения «всамделишности» происходящего: события приходят к ним из далекого мира «белых людей» – они-то и являются подлинными творцами данных событий.

Лодзи очень точно высвечивает проблему отсутствия у освободившихся государств собственной темпоральности – их собственное время было заменено колониальным темпом завоевания, так что в настоящее время их удел – лишь постколониальная фикция; необходимы некие радикальные шаги, чтобы упразднить заморскую «химеру», болезненную и болезнетворную выдумку: «Литературная симптоматика, свидетельствующая о “злокачественных образованиях” идеологического сорта – не что иное, как результат сращивания прежних форм с только нарождающимися... что приводит к сохранению отжившего – наряду с лишенной зрелости новизной» [13, с. 80]. «Химеричность» рассматриваемых художественных произведений – лишь отражение той бредовой действительности, которой они порождены.

Образцы абсолютно отжившего, однако непреодоленного идеологического наследия для Лодзи – творчество британского классика Дж. Конрада, Нобелевского лауреата (1991) Н. Гордимера (Южная Африка) и Нобелевского лауреата (2001) В.С. Найпола (Великобритания). Попытки преодоления колониального наследия, согласно А. Лодзи, содержатся в произведениях Нобелевского

лауреата (2003) Дж. Кутзее (Южная Африка), А.К. Арма (Гана) и других авторов.

Примечательно, что Дж. Конрада А. Лодзи ошибочно (о чем ниже) рассматривает как классического представителя концепции «бремени белого человека», изображающего Африку как царство иррациональности и хаоса.

Гордимер и Найпол, по мнению А. Лодзи, рассматривают Африку как своеобразный «зал ожидания, куда дух сопротивления никогда не может проникнуть» [13, с. 89]. У обоих авторов обыгрывается мотив неработающих часов, призванных продемонстрировать, что у африканцев (как в жизни, так и в сознании) существует лишь видимость прогресса, а реальная его «механика» отсутствует.

Немаловажно, что у Найпола (роман «A Bend in the River», 1979) непрерывная проверка героем времени на наручных – что немаловажно, сломанных – часах (признаке статуса и причастности западному образу жизни) призвана означать самоидентификацию героя с неокOLONиальной темпоральностью: Африка здесь предстает как «лишенная времени, неспособная измениться, не имеющая будущего» [13, с. 72].

У Гордимер (роман «July's people», 1981) мотив сломанных часов указывает не столько на неспособность «аборигена» воспринимать западную цивилизацию иначе, как внешне, поверхностно, сколько на «неуместность в данном контексте... синхронизирующего инструментария, представленного часами и календарем»: «Увязывая поломку часов героини... с ее решением во что бы то ни стало идти вперед, Гордимер оставляет место возможности сосуществования различных темпоральностей» [13, с. 89]. У обоих авторов присутствует мотив прокрастинации: герои не в состоянии самостоятельно обрести осмысленный образ жизни.

Несколько иной тип ожидания – не с только прокрастинации, сколько сопротивления – Лодзи усматривает в творчестве Кутзее, отразившего жизненную философию маронов – (беглых негров), стремящихся к непрерывному становлению, отвергающих все окончательное и сознательно сопротивляющихся «белому времени» (Ч. Милз): «Упомянув часы и календарь, Кутзее указывает на ту самую механику, которая, если верить Б. Андерсону, положена в основу государства эпохи Модерности» [13, с. 111]. Опираясь на собственное прочтение временных категорий (осмысленное, прочувствованное время), мароны восстают против андерсоновского «гомогенного, пустотного времени, в котором царст-

вуют простые совпадения и которое отмеривается часами и календарем» [13, с. 111].

Таким образом, автор обнаруживает одну из основных особенностей колониальной темпоральности – время может быть наполнено лишь инородным (в данном случае – западным) смыслом: «Несмотря на повсеместное... присутствие темпоральности ожидания в повседневной жизни, история дискурса, связанного с ничегонеделанием, прокрастинацией, отставанием или статичностью – когда данный дискурс... применяется для описания (пост) колониальных пространств и народов – склонна помечать ожидание как специфически пост-колониальную темпоральность... Временное измерение ожидания приходит во взаимодействие со специфическими особенностями обстановки, истории, обстоятельств – чтобы породить возможность действия и сопротивления, либо же привести к пассивности и капитуляции» [13, с. 213].

Лодзи делает попытку анализа и дистопических произведений, в которых присутствует неоколониальная тематика. (например, у Н. Гордимер). Автор рассматривает данные художественные произведения как проявление общего тяготения к «постмодерновой утопии» с характерным для нее «а-телеологичным нарративом» [13, с. 87]. «Запутанные временные ландшафты призваны... создать у читателей ощущение, что ожидание вовсе не делит людей на две однозначные категории – тех, кто обладает властью, и тех, у кого ее нет... На деле градации могущества и сопротивления склонны сдвигаться – в соответствии с различиями во временных схемах» [13, с. 158].

Таким образом, едва ли удивительно, что африканский постмодерн все еще отталкивается от европоцентричного видения реальности («социальная жизнь рассматривается как общество, представляющее собой согласованную тотальность институтов – либо взаимосвязанных групп» [11, с. 80], отсутствует допущение самой возможности разной структурности) – в нем все еще присутствует «темпоральность европейской морали» [13, с. 117].

Вполне понятно и отмеченное автором пренебрежение телеологией – в контексте, когда Африка стала континентом с наибольшим числом военных конфликтов – в немалой степени обусловленных сознательно проведенной Западом «полосы хаоса», отделяющей север континента от юга – трудно думать в терминах прогресса и развития.

Примечательно, что Запад пытается действовать в противофазе – всячески пестуя (в пространстве художественного творче-

ства, по крайней мере,) в освободившихся от колониализма странах пост-модерновую проблематику прокрастинации и неопределенности, сам он склонен «включать» темпоральность «повышенных скоростей»: «используя риторику «нулевой терпимости» и «действия без промедлений и проволочек», он проводит неокOLONиальную по своей сути «войну с террором», причем подает ее как продолжение борьбы за права человека [13, с. 212].

Ставится вопрос о контроле над картиной будущего (понимаемого теперь не как воплощенная утопия, но как некий набор возможностей) при помощи тех или иных политических «тумблеров», инициирования информационных пузырей, «включения/выключения» (полного или частичного) целых сообществ. Так, согласно А. Лодзи, «временное выключение мусульман из общественной жизни» [13, с. 206] после теракта 11 сентября 2001 г. получило политическое продолжение в образе антиковидных ограничений. Такого рода фрагментация социума, замедление отдельных его сегментов, сознательное разрыхление и перепутывание его временных пластов контрастирует с Модерностью, когда навязываемое обществам (прежде всего европейским) ускорение служило инструментом выработки своего рода «коллективной сингулярности» (Р. Козелек), с легкостью, превращающейся в «прямое действие» вполне фашистского характера.

Интересно, что Запад не склонен отказываться и от подобного «инструментария», однако наряду с ним теперь активно используется всяческая эфемерность, оттеняющая модерновую конкретность, эффективность и деловитость. Социальная эфемерность способствует взрывному росту противоборствующих мнений и тенденций. Автор ссылается на социологов Д. Харви, Л. Хант, указавших, что подобная социальная эфемерность автоматически – поскольку того требует политическая целесообразность – превращает «хозяев игры» в невидимых всем прочим кукловодов, будто бы существующих вне времени и способных управлять темпоральностями «плебса».

Лодзи отмечает, что «прямое действие» теперь все чаще заменяется на «упреждающее действие» (кстати, игра о категориями времени здесь вполне очевидна); таким образом, распространение страха перед неопределенным будущим вызывает еще и ужас перед возможностью непредсказуемых (и, как показали анти-ковидные меры, часто совершенно неадекватных) акций государства, казалось бы, призванных обеспечить безопасность, а на деле увеличивающих неуверенность и продуцирующих общественный психоз.

Как дополнительный инструмент контроля – либо агент хаоса – Запад привлекает темпоральность беженцев: «Сирийский конфликт высветил беженца как эмблематическую фигуру политики XXI в. – человека, который не располагает временем, чтобы ждать, поскольку вынужден спасаться бегством» [13, с. 208].

Мотив бегства обретает новое измерение, становясь своего рода парадигмой XXI в. – он обрастает разнообразными смыслами, в том числе и таким смыслом, как бегство от реальности. Так место «воображаемых сообществ» оказывается все более занятым «воображаемыми темпоральностями».

Маскируя свои подлинные устремления, Запад пытается создать ложную проблематику – своего рода дымовую завесу, сотканную из туманных перспектив, неясных чаяний, виртуальных структур и зыбких институтов, облеченных ореолом некой новой морали; мишенью / целевой аудиторией подобной продукции являются, прежде всего, интеллектуалы и художники: подобный подход «предполагает... внедрение европоцентризма в незападную социокультурную среду и обеспечивает культурное доминирование Запада над местными интеллектуальными традициями, равно как и над местными формами социальности: по словам Э. Валлерстайна, европейский универсализм – не что иное, как риторика власти» [13, с. 80].

В данных усилиях Западу содействует местная проблематика, «насыщенная остатками колониального дискурса и интеллектуальными движениями антинациональной направленности, которые берут... на вооружение добавочные «текстуры» комиссий по примирению, разочарованности освобождением от колониализма, и прочих подобных темпоральностей» [13, с. 213]. Комиссии по примирению часто лишь способствуют нагнетанию хаоса – доискиваясь до правды и устанавливая факты, они лишь разжигают внутреннюю рознь.

К сожалению, автор не замечает отголоски европейских «темпоральных» баталий в рассматриваемых произведениях. Например, в «Сердце тьмы» Дж. Конрада «наемное», «капитанское» время рассказчика оказывается намного более близким туземному, нежели откровенно колонизаторское время нанявшей его «Компании»; резко контрастирует и с первым, и со вторым бредовое «сверх-время» (или анти-время) полубезумного Курца, также нанятого «Компанией», однако эволюционировавшего в род тотема для туземцев. Автор не упоминает и об интересной параллели данной ситуации в «Пригоршне праха» И. Во, где «художествен-

ное» время путешествующего тори в сочетании с «научным» временем профессора, сопровождающего британского аристократа, оказывается поглощенным анти-временем бывшего авантюриста и колонизатора (в чем-то похожего на конрадовского Курца). Не замечает А. Лодзи и того обстоятельства, что «колонизаторское время» вступает в свои права лишь после того, как протагонисты терпят существенное поражение либо серьезную неудачу на родине – в результате оказываясь в безвременье, темпоральном вакууме: у них нет иного выбора, как попытаться украсть чужое время, навязать собственную темпоральность «аборигенам» того или иного сорта. Игнорирование подобных аспектов рассматриваемой проблематики приводит А. Лодзи к серьезному упущению. Так, этот автор рассматривает произведения Дж. Конрада (прежде всего «Сердце тьмы») как парадигматический колониальный дискурс, противопоставляющий деятельное время колонизаторов вынужденному или добровольному безделью колонизируемых, их тяготению к праздничному, «карнавальному времени» (М. Бахтин). Между тем, более внимательное изучение Конрада показывает, насколько тонко и сложно он трактовал соприкосновение и взаимное дополнение (не исключающее и противоборства) различных «колониальных» темпоральностей (в «Трилогии Лингарда», например, речь идет о западной, арабской и малайской темпоральностях). В «Сердце тьмы» «карнавальное время» царит именно у сверх-колонизатора Курца, чья темпоральность подобна своеобразной «черной дыре», вокруг которой вращается остальной мир, совершенно бессмысленный в своем стремлении поставить ее себе на службу. Таким образом, Конрад, во многом предвосхитил проблематику возникновения гитлеризма, возвращенного Западом из сугубо «прагматических» соображений (борьба с коммунистическими идеями, освоение «жизненного пространства» на Востоке и т.д.), однако заставившего тот же самый Запад, на какое-то время, по крайней мере – «крутиться» вокруг нацистского «карнавала».

Примечательно, что подобный западный волонтаризм, вызывающий колоссальный разрыв между темпоральностью «игры» (напоминающей пресловутую «Монополию») и реальностью, был всесторонне освещен в западной художественной литературе, однако остался незамеченным – как на «коллективном» Западе, так и на «глобальном» Востоке / Юге.

Так, Ф.С. Фитцджеральд прекрасно суммировал данную философию – весьма характерную для описываемого времени: «Сле-

дует ...даже если ты уверен, что положение безнадежно, пребывать в решимости изменить его... Данная теория замечательно соответствовала моим ранним годам, когда я воочию убеждался, что нечто невероятное, ... может быть претворено в действительность. Жизнь тогда представлялась чем-то, что ты обязан поставить под контроль, если ты вообще на что-либо годишься. Жизнь легко уступала – стоило только напрячь разум и волю» [10, с. 39].

Такое понимание жизни обусловило концепцию «бремени белого человека»: благодаря своей решимости и лидерским качествам только он способен стать своего рода «Прометеем». «Бремя белого человека», предполагавшее – по крайней мере, в идеале (иначе говоря, для «прогрессивной общественности», а не для реальных вершителей политики) – приобщение колонизируемых к благам цивилизации было благополучно забыто, а его коррелят – догоняющее развитие – предполагавшее прохождение как обществами, так и индивидуумами определенных стадий на пути к искомой цели (включению в семью «развитых» наций) сменилось пост-модерновым «концом истории»: образно говоря, приличный костюм «буржуазности», чтобы принять участие во всемирной «голой вечеринке», более не требуется – приходи хоть в перьях, хоть нагишом; впрочем, на устроителей «празднества», преследующих свои, далеко идущие планы, данные правила не распространяются: у этого автора / авторов собственное временное измерение (см. «Текущую модерность» З. Баумана), задающее радикально иную последовательность действий. – хотя таковая, особенно в том, что касается ее инаковости, вполне может быть для остальных и не очевидной.

Это возвращает нас к затронутой в проблематике, рассматриваемой работе Лодзи, поскольку данный автор упустил из внимания, пожалуй, самые важные аспекты вопроса. Так, Лодзи не рассматривает таких авторов, как Киплинг и Оруэлл. Между тем, первый из них в «Киме» демонстрирует именно игровую, беззаботную легкость, которая была присуща колониализму как явлению. Э. Саид в работе «Культура и империализм» блестяще подметил данную черту киплингеского мировосприятия – его несомненная любовь к Индии в основе своей опирается на чувство бесконечного превосходства «сахиба»: буквально захлебываясь от воодушевления «прогрессора», он не допускает и тени сомнения в том, что остальной мир может не принять – или даже, страшно сказать, сопротивляться – несомой им цивилизаторской миссии; его время – абсолютно, время колонизируемых пока просто не суще-

ствует (оно не доделано). Мир, понимаемый как «среда неусыпной проверки» [5, с. 399] (подразумевается выверенность, четкость, «прозрачность» Запада), «про-свещает» хаотические, безвременные тьмы Востока.

Игровое восприятие реальности и лежит в основе данных попыток упорядочить весь остальной мир – приспособить его к собственной игре (при этом реальная жизненная проблематика и воспринимается как хаос). Детское желание, превращающее слова в вещи, вполне отчетливо прослеживается в кипплинговском «хочу – значит, будет!». Австрийский поэт и публицист К. Краус вскоре после начала Первой мировой войны с поразительной точностью показывает игровую темпоральность, в основе которой лежит некая новая социальная механика, превращающая слова в действия и наоборот: «В нашу великую эпоху, ... когда происходит как раз то, что невозможно было себе представить, и когда должно случиться то, чего уже невозможно вообразить... в эту серьезную эпоху, которая смеялась бы до упаду, прослышав, что она якобы стала серьезной, и, застигнутая врасплох своим трагизмом, жаждет развлечений, а поймав себя с поличным, ищет подходящих слов; в эту грохочущую эпоху, что громыхает страшной симфонией деяний, которые порождают сообщения, и сообщений, которые влекут за собой деяния» [2, с. 197].

Именно такое восприятие времени и влекло людей авантюрного склада в колонии (об этом также – в «Призраках империи» К. Квартенги и в «Ориенталисте» Т. Риса): на родине данное предприятие превращалось в газетные сообщения (а значит, славу), приносило почести, необходимые знакомства, деньги. Даже трагизм ситуации, явленный во всей полноте Первой мировой войной, не смог отрезвить европейских «игроков».

Недостаток серьезности – а точнее, понимания, что все происходящее – реально, обусловлен игровым характером данной культуры; диагностированный Хейзингой в книге «Человек играющий», данный характер был существенно уточнен Р. Бартом, в ряде работ (прежде всего – в «Мифологиях», посвященных, прежде всего, мифам буржуазного сознания) показавшим, что таковой является следствием особой темпоральности: человеку при помощи игр с детства внушают, что он – лишь вещь среди прочих вещей, и что с вещами следует совершать правильные «манипуляции». Это, однако, касается лишь «среднего человека» – у представителей «праздного класса» (Веблен) несколько иная – хотя также игровая – темпоральность, поскольку полем их игр, их

«сафари» является весь остальной мир. Собственно, именно это и было блестяще продемонстрировано Кипплингом.

В сравнении с Кипплингом у Оруэлла мы видим абсолютно иную картину колониальный «подвигов» – и здесь впору вспомнить диагноз, который сделал той эпохе Краус: праздничное, веселое «плетение словес» и легковесный оптимизм Кипплинга своей оборотной стороной имеют вполне расистское по духу поведение британцев в Бирме, где «люди второго сорта» вынуждены все свое время жертвовать на благо развлекающегося «сахиба» – если не хотят получить пулю в лоб (как это на фактах продемонстрировал британский экс-министр и замечательный ученый К. Квартенги в своей книге «Призраки Империи»). Коррелят подобных процессов, по Оруэллу (в произведениях британского цикла, увенчанных «1984»), – ярко выраженная тенденция к квази-порабощению простых британцев – как материальному (правлящим классом), так и психологическому (отжившими условностями повседневности).

Еще одно существенное упущение А. Лодзи заключается в игнорировании «Формы и времени хронотопа в романе» М.М. Бахтина, в частности, показавшего генезис того новоевропейского понимания времени, которое и обусловило такое явление, как колониализм. Нарастание «сплошного», «вещевистского» (по терминологии А.Ф. Loseva) мировосприятия едва ли может быть поставлено под сомнение: «Самая замечательная ...попытка в мировой литературе нового сплошного овнешнения человека ...была сделана Рабле» [1, с. 286]. В результате внутреннее время (основа того хаоса, о котором шла речь выше) было признано несущественным. После Рабле (творчество которого лишь симптом нового отношения к миру) и стало возможным вынесение безапелляционного суждения – своего рода «вердикта» – о мире «со своей колокольни», причем лишь по внешним признакам (цвету кожи, например). После того, как «недоделанным» существам навязана искомая темпоральность, колонизатор превращается в этакое «божество», снисходительно наблюдающее за дольными трудами и контролирующее процесс.

Нет у А. Лодзи и понимания особенностей постмодерновых изменений в понимании темпоральности. До этого время обладало однозначностью пространства – существовали господствующие точки зрения на прошлое, настоящее и будущее; они считались очевидными – подобно тому ландшафту, который простирался впереди и оставался позади.

После открытий Дарвина, сделавшими относительным человеческое время (теперь оно лишалось прежней абсолютности, представало «каплей в море» естественной истории) время утратило ньютоновскую механистичность, перестало восприниматься как простая последовательность действий. Следующий шаг был совершен Бергсоном, противопоставившим абстрактное время «конкретной, проживаемой длительности», [12, с. 80] смысл которой – в изобретении человеком как Вселенной, так и самого себя. Новое понимание время было удачно суммировано М. Прустом, вознамерившимся, по его собственным словам, «описать людей (а значит, уподобить их неким доисторическим чудовищам) ... как занимающих, в силу того., что они способны касаться в одно и то же время колоссально разбросанных во времени эпох, такое значительное положение... по сравнению с тем местом, которое они занимают в пространстве» [12, с. 238]. Разное прочтение времени повлекло за собой возможность перетолковывать события, «жонглировать» их последовательностью – в зависимости от той аудитории, которой данное толкование предназначается.

Не наблюдается в работе А. Лодзи и ясного понимания темпоральности как таковой – равно как и той европейской ее разновидности, которая обусловила колониализм. Темпоральность формируется структурой зависимостей и связей, сложившихся в обществе – как справедливо отмечает А. Руткевич, «сеть зависимостей изменчива, она обладает специфическим строением в каждом обществе – у кочевников она иная, чем у земледельцев...» [9, с. 363]. Между тем социолог-классик Н. Элиас, о котором пишет Руткевич, критикуя «цивилизаторские» (колониалистские по духу), совершенно парадоксальным образом оказывается невосприимчивым к данной, казалось бы, банальной идее – он оправдывает колониализм, якобы дарующий «аборигенам» возможность приобщиться к «благому и реальному» времени «белых господ»: «Цивилизованные» формы поведения распространяются на прочие континенты именно потому, что через них осуществляется вхождение в сеть зависимостей, а центр этой сети занимают люди Запада» [9, с. 259].

Благие намерения колонизаторов часто усугубляют проблемы колонизируемых именно потому, что прикрывают циничную механику, положенную в основу вторжения: дело в том, что захватчики» веками вырабатывали временное функционирование собственных социумов – так, во Франции централизованное (и централизующее) время абсолютизма перехватило контроль над

темпоральностью корпоративных и семейных структур – ритм жизни которых был вынужден приспособливаться и подстраиваться под динамику политического «хайвэя» [3, с. 31]; в Англии развернулась ожесточенная борьба между той последовательностью и размеренностью жизни, к которой привыкли «тори», и новым порядком, продвигавшимся «вигами» [6].

Конечно, углубление в данную тематику не входило в задачи рассматриваемой работы. Печально, однако, что А. Лодзи, похоже, и не подозревает о ее существовании, будучи своего рода жертвой того «расскасирования» проблематик, когда общая картина должна складываться лишь у «посвященных», высшего руководства.

Тем не менее книга демонстрирует, насколько актуальной для всего современного мира может оказаться, казалось бы, сугубо локальная проблематика. «Ядовитые темпоральности», навязываемые миру, – отнюдь не случайное развитие, а централизованная повестка, целенаправленно продвигаемая вполне конкретными силами. Главную ответственность за данное развитие несет продвигавшаяся ТНК глобализация, навязывавшая миру максимальную структурную гомогенность – и, как коррелят – социальную и культурную гетерогенность, предполагающую транснациональную социализацию индивида [11, с. 86–87]. Кстати, оно вполне согласуется с еще недавно активно навязывавшейся теорией глобализации, согласно которой объединение мира (на путях и в интересах ТНК) должно сочетаться с дроблением на местах (чем успешно занимаются НКО, НПО и подобные организации) – ускоренное время в первом случае во втором дополнено его возможно большим замедлением (в идеале – отбрасывающим к совершеннейшему примитиву).

Соответственно, прокрастинация и хаос теперь преподносятся как «новая нормальность». Общим местом западного кинематографа и литературы (достаточно вспомнить хотя бы М. Уэльбека) стали структурно неформленные толпы и сборища мигрантов, навязывающих западному обывателю собственную, вполне хаотическую и часто разрушительную темпоральность.

Прекраснодушные и благонамеренные, бюргеры умеющие хорошо работать и – в награду за труды – хорошо развлекаться (вполне по Краусу), не могли взять в толк, что силы, которые они считали прирученными / покоренными, иначе говоря, подчиненными общему темпоритму «общественно полезного», «достойного», «цивилизованного» существования, вдруг вырвались из тех «черных дыр», которые им были уготованы. Именно развитие по-

следних прослеживает М. Фуко, и его слова о формировании буржуазного сознания как нельзя более актуальны – ибо речь, по сути, идет о колониальном / нацистском сознании: «Теперь... все в безумии должно получить свой внешний эквивалент... сама сущность безумия будет состоять в объективизации человека... в низведении его до уровня чистой природы, до уровня предмета [8, с. 511]. Это происходит именно потому, что предмет стал «божеством». Обворожительная героиня «Прекрасных и проклятых» Ф.С. Фитцджеральда, превратившаяся – вполне в духе того, что описывал Веблен в «Праздном классе», – «божественно» пустое времяпрепровождение, «дольше фар niente» в своеобразную идеологию, в конечном итоге эволюционирует именно в этом направлении: «Миллионы людей... кишащие словно крысы... лопочущие, как обезьяны... За один-единственный прелестный дворец... я бы пожертвовала бы сотнями, тысячами их, миллионами» [7, с. 406].

В настоящее время под влиянием обстоятельств Запад решил вернуться к современным темпоральностям. Однако возвращение к ценностям национального государства на деле оказалось не столь простым. Так, с неприятным удивлением Запад обнаружил, что реиндустриализация – чрезвычайно хлопотное, а часто и просто нереальное предприятие, поскольку прежние производственные цепочки (включая западные аналоги советских ПТУ и ОТК) были обусловлены буржуазной темпоральностью, которая вырабатывалась веками и восстановлению не подлежит в силу господствующего постмодернистского менталитета.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. – 506 с.
2. Беньямин В. Судьба и характер. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 448 с.
3. История частной жизни / под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. – Москва: Новое литературное обозрение, 2024. – Т. 3: от Ренессанса до эпохи Просвещения. – 720 с.
4. Томпсон Э. Виги и охотники: происхождение Черного акта 1723 года. – Москва: Новое литературное обозрение, 2025. – 235 с.
5. Рамирес А. Алхимия и жизнь. Как люди и материалы меняли друг друга. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2022. – 400 с.
6. Саид Э. Культура и империализм. – Москва: Гараж, 2024. – 791 с.
7. Фитцджеральд Ф.С. Прекрасные и проклятые. – Санкт-Петербург: Азбука, 2020. – 480 с.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 576 с.

9. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. – 382 с.
10. Fitzgerald F.S. The Crack-Up: With Other Pieces and Stories. – London: Penguin, 1977. – 154 p.
11. Ivanov D. Classical and Modern Sociological Theories. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2016. – 94 с.
12. Lagarde A., Michard L. XXe siècle. Les grands auteurs francais. – Paris: Editions Bordas, 1969. – 640 p.
13. Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time. Waiting for Now. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. – 248 p.

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

АЛЕКСАНИЯН Л.М.* ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ НИГЕРИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики гуманитарной политики Турции в отношении Нигерии. Рассматриваются ключевые направления турецкой гуманитарной деятельности, иллюстрируемые на примере взаимодействия с Нигерией, анализируются социально-гуманитарные инициативы, проекты по развитию образовательной инфраструктуры и системы здравоохранения. Особое внимание уделяется значению гуманитарной политики в укреплении двусторонних отношений между Турцией и Нигерией, а также ее роли в расширении турецкого присутствия в Африке. Исследование основано на актуальных данных и примерах конкретных программ, что позволяет выявить эффективность, перспективы и существующие вызовы в дальнейшем развитии гуманитарного сотрудничества между двумя странами. Автором сделан вывод о том, что гуманитарная составляющая внешней политики Турции в отношении Нигерии имеет цель усилить турецкие позиции в этой стране.

Ключевые слова: Турция; Нигерия; Африканский континент; гуманитарная политика; образование; здравоохранение.

ALEKSANYAN L.M. The Humanitarian Dimension of Turkey's Policy Toward Nigeria

Abstract. The article presents an analysis of the characteristics of Turkey's humanitarian policy toward Nigeria. It examines the main directions of Turkish humanitarian activities, illustrated through the case of engagement with Nigeria, including humanitarian initiatives, as

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

well as projects aimed at developing educational infrastructure and healthcare systems. Special attention is paid to the role of humanitarian policy in strengthening bilateral relations between Turkey and Nigeria, as well as its impact on expanding Turkey's presence in Africa. The study is based on up-to-date data and specific examples of programs, enabling an assessment of the effectiveness, prospects, and challenges of further humanitarian cooperation between the two countries. The author concludes that the humanitarian component of Turkey's foreign policy towards Nigeria aims to strengthen Turkey's position in that country.

Keywords: Turkey; Nigeria; African continent; humanitarian policy; education; healthcare.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Гуманитарное измерение политики Турции в отношении Нигерии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 63–76. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.04

Введение

За последние два десятилетия политика Турции в отношении Африканского континента приобрела системный и многоуровневый характер. Турецкое руководство сместило акцент от эпизодических гуманитарных акций к скоординированной сети инициатив, охватывающей разные сферы сотрудничества. Благодаря этой политике Турция стала заметной в этом регионе, претендуя на дальнейшее расширение своих позиций. Для поддержания и усиления своего военно-политического и экономического присутствия в Африке Турция активно применяет методы привлечения и убеждения, опираясь на весь арсенал инструментов «мягкой силы» [12, р. 290]. В этом плане Турция выделяется интенсивностью многоуровневых каналов взаимодействия – от реализации культурно-религиозных и образовательных проектов до гуманитарной помощи. Эти проекты, которые воплощаются в жизнь благодаря государственным институтам и НПО Турции, направлены на налаживание доверительных контактов с сообществами и лидерами африканских стран. Турция параллельно применяет публичную дипломатию и медиа платформы для формирования своего позитивного имиджа и распространения нарративов. В частности, Турция продвигает нарратив культурно-религиозного родства с африканскими мусульманскими сообществами, используя позитивную

ретроспекцию османского наследия как легитимирующий ресурс внешнеполитических инициатив. Представители турецкого руководства также продвигают нарратив о взаимной выгоде при сотрудничестве [3], выстраивая свою риторику вокруг идей независимости, мировой солидарности, уважении суверенитета и невмешательства, что позиционирует эту страну как альтернативного актора на Черном континенте. Дискурс вокруг антизападничества стал важным элементом турецкой стратегии на большой африканской шахматной доске.

Нигерия, как одна из крупнейших по численности населения¹ и экономике стран Африки² с ярко выраженной региональной значимостью и устойчивой этнорелигиозной поляризацией, является важным объектом воздействия турецкой «мягкой силы». Анализируя мотивы, по которым турецкое руководство выбрало Нигерию в качестве одного из приоритетных направлений своей внешней политики (многомиллионный рынок Нигерии, ключевая роль страны в региональной политике и международной торговле), следует отметить также наличие богатых природных ресурсов в этой стране и ее развитую нефтедобывающую отрасль. Нигерия занимает лидирующее место в Африке в сфере экспорта нефти и располагает крупнейшими на континенте запасами природного газа [13, р. 845]. Объем добычи нефти в 2022 г. достиг 1,4 млн баррелей в день, а запасы на 2023 г. оценивались в 37,1 млрд баррелей. Нефтяная отрасль обеспечивает примерно 95% экспортных доходов Нигерии. Запасы природного газа в 2021 г. составляли 5,8 трлн м³, при этом производство в 2022 г. достигло 40,4 млрд м³. Такие значительные энергетические ресурсы открывают широкие перспективы для реализации турецкой энергетической стратегии. Помимо этого, военно-политическое, экономическое и культурное присутствие Турции в Нигерии обеспечит ей стратегический доступ к морским транспортным артериям и важным сухопутным маршрутам в регионе [25, р. 6442].

¹ Нигерия является самой населенной страной Африки и шестой по численности населения в мире (237,5 млн чел.), что создает значительный рынок для турецких товаров и услуг. По прогнозам ООН, к 2050 г. Нигерия займет третье место по численности населения после Индии и Китая.

² С начала XXI века Нигерия демонстрирует один из самых высоких темпов роста ВВП в странах Африки к югу Сахары. И по данному показателю входит в топ-5 стран Африканского континента.

Нигерийское руководство, в свою очередь, рассматривает Турцию в качестве партнера, способного активизировать процессы социально-экономического развития страны. Турция привлекает внимание Нигерии как источник иностранных инвестиций, необходимых для ускорения экономического роста и модернизации инфраструктурных проектов. Партнерство с Турцией становится особенно актуальным для Нигерии с точки зрения турецкой поддержки в области безопасности и борьбы с терроризмом [2, с. 53].

Взаимный интерес в развитии двусторонних отношений позволил Турции занять, хотя и ограниченное, но относительно устойчивое место в военно-политическом и экономическом пространстве Нигерии. За последнее десятилетие активная политика Анкары сделала Нигерию одним из ключевых торгово-экономических и военно-стратегических партнеров Турции на Африканском континенте [2]. Для усиления и расширения своего присутствия в стране Турция активно использует также стратегию «мягкой силы», иницируя социально-гуманитарные и культурно-религиозные проекты. Помимо этого, несмотря на определенные успехи и видимую двустороннюю активность, эти отношения время от времени переживают кризис, что препятствует дальнейшему углублению двустороннего сотрудничества. Из-за ряда причин (соперничество с другими внешними акторами, финансовые и ресурсные ограничения Турции, сложная социально-экономическая и этнорелигиозная картина Нигерии и т.д.) Турция не сумела достичь прочного сотрудничества с Нигерией на сегодняшний день.

Адаптация политики «мягкой силы» Турции в отношении Нигерии

Политика «мягкой силы» Турции в отношении Нигерии реализуется благодаря разнообразным инструментам и механизмам, которые способствуют формированию положительного образа Турции в этой африканской стране. Важным инструментом «мягкой силы» Турции является культурно-гуманитарная политика, направленная на создание положительного восприятия Турции путем популяризации культурного наследия, искусства, распространения турецких идейно-ценностных установок, а также оказания помощи нуждающимся. «В процессе реализации культурной дипломатии Турция акцентирует распространение турецкой массовой культуры, включающей в себя музыку, киноиндустрию, телевидение и т.д.» [1, с. 107].

Турецкая культурно-гуманитарная дипломатия в Нигерии демонстрирует стратегическую адаптацию к сложному этнорегиональному и социально-экономическому многообразию страны. В основе этой адаптации лежит понимание региональных различий между севером и югом Нигерии [13, р. 846]. Дело в том, что в Северной Нигерии преобладает мусульманское население¹, а ислам играет ключевую роль в общественной жизни, культуре и политике. В этой части страны с низким уровнем социально-экономического развития [4] Турция фокусируется на религиозно-культурной и гуманитарной дипломатии, поддерживая исламское образование и религиозные учреждения, что укрепляет доверие и влияние Турции среди местного населения и религиозных лидеров как партнера и покровителя исламской культуры.

В отличие от Севера Южная Нигерия характеризуется религиозным и этническим многообразием, с преобладанием христианства и более светским общественным устройством. Здесь религия не играет столь доминирующей роли в политике и социальной жизни, как на Севере. Юг является экономическим центром страны с развитой инфраструктурой, крупными городами, промышленностью и значительными инвестициями, что создает условия для активного экономического и культурного обмена. Соответственно, в этой части страны Турция акцентирует экономическое сотрудничество и светские культурные инициативы. Образовательные программы ориентированы на технические дисциплины, а культурные проекты продвигают турецкий язык, искусство и музыку, что способствует формированию позитивного восприятия Турции среди молодежи и деловых кругов как прогрессивного партнера.

Адаптированный подход в отношении Нигерии имеет потенциал повысить эффективность внешней политики Турции. Адаптация «мягкой силы» в Нигерии может обеспечить устойчивое влияние Турции на общественное сознание населения страны. Однако чрезмерная концентрация Турции на мусульманском сообществе, и отсутствие равновесия в политике «мягкой силы» в отношении северной и южной частей страны могут создавать определенные риски для ее долгосрочной успешности. Кроме того, такой подход турецкого руководства может способствовать укреплению исламских идей и радикализации населения.

¹ Почти половина населения Нигерии исповедует ислам.

Гуманитарная помощь как инструмент «мягкой силы» Турции в отношении Нигерии

Важным элементом «мягкой силы» Турции в отношении Нигерии является гуманитарная помощь, направленная на смягчение бедности и социально-экономических кризисов, с которыми сталкивается, в первую очередь, северная часть страны. Турция использует этот инструмент для достижения конкретных целей – создания «инфраструктуры доверия» к своему присутствию в этой стране и формирования образа покровителя нуждающихся. Этим же объясняется и тот факт, что хотя турецкие государственные институты и НПО начали свою гуманитарную деятельность в Африке с 2002 г., их активизация в Нигерии пришлось на 2010-е годы, когда Западная Африка оказалась в центре внимания турецкого руководства.

Одним из ключевых институтов гуманитарной политики Турции в Нигерии является Управление по делам религии Турции (Диянет). Оно реализует конкретные проекты и инициативы, направленные на поддержку уязвимых групп населения, в большей степени мусульманских. Ключевыми компонентами его деятельности являются распределение продовольственной помощи, обеспечение предметами первой необходимости, поддержка инфраструктурных проектов, содействие в реабилитации и социальной интеграции. В рамках проекта «Спонсорская помощь сиротам» Диянет оказывает финансовую поддержку детям-сиротам в Нигерии. Например, в ноябре и декабре 2024 г. фонд оказывал денежную и материальную помощь сиротам штатов Насарава, Нигер, Плато, Борно и Адамава [19]. В апреле 2025 г. фонд предоставлял денежную помощь и школьные принадлежности сиротам столицы Абуджа и штата Насарава [20]. В мае и июне турецкую поддержку получили 25 сирот Нигерии.

Ключевым аспектом гуманитарной деятельности фонда также является проект по строительству скважин и фундаментных фонтанов под лозунгом «Капля жизни». В 2023 г. Диянет открыл 8 водяных скважин (оснащенные резервуаром на 10 тыс. л) в северной штате Нигерии Сокото [21]¹. Представитель фонда С. Энич недавно утверждал, что Диянет в целом открыл 18 водяных скважин в 12 разных регионах страны [22].

¹До того момента по данным турецких источников в Нигерии были открыты 23 скважин и фонтана с помощью разных турецких инициатив.

Диянет оказывает гуманитарную помощь с акцентом на исламские ценности и символику. Неслучайно, что свои проекты фонд реализует в основном в северной части государства. Одним из знаковых гуманитарных проектов фонда является «Курбан». Фонд в рамках данной инициативы занимается предоставлением мяса Курбан в Нигерию. В 2022 г. в программу были включены 90 тыс. семей [23]. В марте 2025 г. во время Рамадана также было роздано 4000 мешков продовольственных товаров, а 12 500 человек [22] (в Абудже, в штатах Кадуна, Нигер, Лагос и Насарава) получили ифтар¹. В июне фонд предоставлял 7650 коров уязвимым мусульманским общинам в 11 штатах Нигерии и столице Абудже в честь праздника Курбан-Байрам. Инициатива была успешно реализована в Ойо, Баучи, Сокото, Гомбе, Кано, Насараве, Плато, Кадуне, Кogi, Нигере и Дживане [11]. Таким образом, фонд старается продемонстрировать свою приверженность глобальной исламской солидарности и вызвать симпатию нигерийских мусульман.

Значительный вклад в развитие гуманитарной политики Турции в отношении Нигерии внесло Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) – один из ключевых институтов «мягкой силы» Турции. География деятельности Агентства в Нигерии указывает на то, что оно придерживается принципа адаптивной политики, реализуя проекты в основном в северной части государства.

Одним из направлений деятельности TİKA в Нигерии является быстрое реагирование на чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия. Например, в 2023 г. Агентство совместно с Турецким красным полумесяцем (Kızılay) и Управлением по чрезвычайным ситуациям и стихийным бедствиям (AFAD) оказало значительную помощь в ответ на разрушительные наводнения в Нигерии. Они совместно мобилизовали финансовую помощь в размере 5 млн долл., а также направили специализированный персонал и ресурсы для восстановительных работ в пострадавших от наводнения регионах Нигерии [9, р. 116]. Эти институты гуманитарной политики Турции организовывали доставку продовольствия, питьевой воды, медикаментов и предметов первой необходимости для пострадавших семей. Во время стихийного кризиса эти институты поддерживали местные медицинские учреждения, предоставляя оборудование и медикаменты. Турецкая помощь была многогранной.

¹ Вечерний прием пищи у мусульман во время исламского месяца Рамадан.

Например, в то время как Турецкий красный полумесяц предоставлял более 20 тыс. продовольственных пакетов и тысячи одеял и предметов медицинского назначения, TİKA и AFAD направляли экспертов для оказания помощи в восстановлении ирригационных систем, а также обеспечивали мобильными госпиталями [9, p. 112].

С другой стороны, наводнение 2023 г. стало катализатором ограничений и сложностей, с которыми сталкивается гуманитарная политика Турции в Нигерии. Основные ограничения связаны с политическими и административными проблемами в Нигерии, а также логистическими и финансовыми трудностями. Однако несмотря на все это, турецкое реагирование на наводнения в Нигерии открыло новые дороги к усилению политического диалога между двумя странами, к чему стремится турецкое руководство. В частности, в конце 2023 г. турецкая сторона выразила готовность сотрудничать с Министерством гуманитарных вопросов и борьбы с бедностью Нигерии в области социальной защиты и реагирования на чрезвычайные ситуации. Нигерийский министр, в свою очередь, одобрил турецкие намерения, заявив, что соответствующие соглашения будут подписаны в обозримом будущем [18].

Развитие образовательной инфраструктуры является еще одной ключевой сферой деятельности TİKA. Оно реализует проекты по строительству и реконструкции учебных заведений, обеспечивает необходимыми учебными материалами и современным оборудованием. Например, в 2021 г. Агентство отремонтировало и оснащало лаборатории физики, химии, биологии и домоводства в государственной средней школе в Абудже [15], обеспечив доступ учеников к практическим знаниям. В 2024 г. TİKA завершило проект по реконструкции школы Kano Capital School, расположенной во втором по величине городе Нигерии (Север) Кано [16], который является центром исторического и культурного наследия государства и местом проживания значительной части мусульман народа хауса. В рамках данного проекта главное здание школы подверглось масштабной реконструкции. Были отремонтированы стены, полы, окна, двери, крыша, были обновлены электро- и водоснабжение. Кроме ремонтных работ, TİKA предоставило необходимую мебель и оборудование. Кроме таких проектов турецкое агентство разрабатывает образовательные программы для уязвимых групп населения. Например, в нигерийском штате Насарава (находится в северной части страны) была организована мастерская профессиональной подготовки, рассчитанная на 100 мальчиков и девочек,

которые не имели возможности посещать школу [14]. Эта шестимесячная программа предусматривала обучение шитью, вышиванию и портняжному делу, предоставляя необходимые навыки. Агентство поддерживает проекты по подготовке учителей и совершенствованию их педагогических навыков. ТІКА также участвует в реализации проектов по профессиональному развитию журналистов и укреплению медийных отношений между двумя странами. Например, в мае 2025 г. Агентство совместно с TRT организовало «Тренинг по журналистике соцсетей и цифровых медиа» для 19 журналистов из Нигерии и Мозамбика [17].

Кроме всего этого, ТІКА также занимается оказанием помощи нуждающимся, в основном, северной части страны. Агентство предоставляет продовольственные товары, одежду, предметы первой необходимости. Например, в 2023 г. ТІКА обеспечило детей детского дома Халяль (г. Абуджа) одеждой и канцелярскими товарами [24]. Кроме того, оно отремонтировало часть этого детского дома. В 2010-е годы Агентство предоставляло гражданам Нигерии продовольственный товар в относительно больших размерах.

На официальном сайте ТІКА и в турецких СМИ можно найти фрагментарную информацию о деятельности Агентства в Нигерии, что не способствует формированию целостного представления реальности. Однако эта фрагментарная информация позволяет утверждать, что ТІКА старается запустить корни на нигерийском ландшафте, хотя бы в северной части страны, способствуя развитию инфраструктуры доверия.

Заметным сектором гуманитарной политики Турции в отношении Нигерии является здравоохранение. Сотрудничество между двумя государствами в данной сфере развивается в рамках обмена опытом и медицинскими технологиями, а также улучшения качества медицинских услуг. Для систематизации и усиления сотрудничества в 2022 г. правительства двух стран подписали Меморандум о взаимопонимании в области медицины и здравоохранения [8]. В документе были акцентированы такие направления сотрудничества, как усиление системы здравоохранения, развитие общественного здравоохранения и частных медицинских услуг, обучение и подготовка нигерийских медицинских работников, проведение совместных тренингов для повышения квалификации персонала, реализация программ по борьбе с инфекционными заболеваниями, внедрение цифровых технологий для улучшения доступа к медицинской помощи в удаленных районах Нигерии

и т.д. В 2024 г. нигерийская медицинская компания RFSI Healthcare и турецкая сеть больниц Memorial Hospital (сеть из 11 больниц и 4 медицинских центров) подписали соглашение об улучшении медицинских услуг в Нигерии за счет передовых технологий и обмена опытом (в первую очередь, в сферах лечения сердца и трансплантации органов) [10].

Важным аспектом взаимодействия стал также медицинский туризм, что является крайне актуальным для нигерийцев. В 2024 г. ведущая компания в Нигерии по телемедицине Doctorcare247 заключила партнерское соглашение с Турецким советом по медицинскому туризму [7], направленное на предоставление населению Нигерии более легкого доступа к медицинской помощи в Турции.

Турецкие компании инвестируют также в строительстве медицинских учреждений. В начале 2024 г. в СМИ появилась информация о том, что FIT Healthcare LTD (Нигерия) и Lokman Hekim Health Group (Турция) подписали соглашение по строительству медицинского города в Энугу, который полностью заработает в 2027 г. [5]. Проект будет включать в себя многопрофильную больницу с полным спектром услуг, отель, школы, торговые центры, кафе и т.п. на территории 1,2 млн м².

Анализ данного сотрудничества указывает на то, что Lokman Hekim Health Group реализует интересную экспансионистскую политику, используя такие ключевые направления партнерства, как предоставление медицинской помощи гражданам Нигерии в Lokman Hekim Health Group в Турции до открытия города и обучение медицинских работников Нигерии в Медицинском университете Локмана. Этот подход позволит сформировать понимание ценностей, культуры и поведения нигерийцев. Кроме того, эта инвестиция будет сделана в южной части Нигерии, что обеспечит Турции важным рычагом влияния в экономическом центре страны и будет способствовать формированию положительного образа Турции как передового партнера.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что гуманитарная политика Турции в отношении Нигерии, которая активизировалась за последнее десятилетие, реализуется по нескольким ключевым направлениям: оказание помощи социально уязвимым слоям населения, развитие образовательной инфраструктуры, реагирование на чрезвычайные ситуации, а также совершенствования

системы здравоохранения. Комплексный и многосторонний анализ свидетельствует о том, что инициативы по оказанию гуманитарной помощи преимущественно сосредоточены и активно развиваются в северных регионах Нигерии, что обусловлено как религиозно-культурными особенностями, так и социально-экономическими потребностями данной части страны. В контексте формирования доверительной атмосферы с нигерийским обществом, Турция стратегически учитывает религиозную идентичность значительной части населения (преимущественно исповедует ислам и самоидентифицируется прежде всего через религиозную принадлежность, а не национальную) и часто реализует свою гуманитарную политику с акцентом на исламские ценности и символику. Это способствует формированию позитивного образа Турции как защитницы мусульман и желанного партнера. Используя этот инструмент «мягкой силы», Турция намерена влиять на сознание и поведение нигерийцев для достижения стратегических целей по укреплению своего влияния в Нигерии и на Африканском континенте в целом.

Помимо этого, существуют риски подпитки исламистских движений через мусульманскую направленность турецкой помощи в Нигерии. Турецкие проекты, сопровождающиеся религиозной пропагандой, могут способствовать радикализации местного населения. С одной стороны, религиозно-ориентированный подход Турции может вызвать критику и серьезное негативное восприятие среди представителей иных конфессиональных групп [6, р. 241]. Это может усилить межрелигиозные конфликты и создать благоприятную почву для экстремистских настроений. С другой стороны, такой подход может способствовать ухудшению имиджа Турции в регионах с преобладанием христианского населения (~ 48%), что, в свою очередь снижает уровень их лояльности к более широкому стратегическому партнерству. Помимо этого, важно отметить, что религиозно-ориентированный подход во внешней политике отражает позицию турецкого руководства в международных отношениях. Если в будущем произойдет изменение баланса сил во внутренней политике Турции, и оно приведет к снижению роли религии во внешнеполитическом курсе, то это может негативно сказываться на восприятии страны зарубежной общественностью. Следовательно, можно предполагать, что сугубо религиозный подход несет риски в плане достижения долгосрочных целей.

Несмотря на определенные достижения, гуманитарная политика Турции в отношении Нигерии сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые влияют на ее эффективность и стабиль-

ность. Во-первых, ситуация с безопасностью в Нигерии остается крайне сложной. Например, активность террористических групп, таких как Бoko Харам, создают серьезные трудности для работы турецких организаций. Во-вторых, инфраструктура в некоторых регионах Нигерии недостаточно развита, что приводит к логистическим проблемам и снижению охвата программ. В-третьих, бюрократические барьеры, возможные политические разногласия внутри страны и трудности в двусторонних отношениях осложняют сотрудничество в данной сфере. В-четвертых, ограниченность финансовых ресурсов Турции и конкуренция с другими внешними акторами (США, Китай и т.д.) оказывают негативное влияние на гуманитарную дипломатию Турции, снижая масштабы и качество проектов.

Список литературы

1. Алексанян Л.М. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» Турции в отношении Африканского континента // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 2. – С. 104–112.
2. Алексанян Л.М. Нигерийское направление внешней политики Турции на современном этапе (военно-политический и экономический аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2025. – № 3. – С. 51–62.
3. Cannon B., Donelli F. Turkey-Africa Relations and Turkey's National Role Conception as the Center Country: Continuity or a Break with the Past? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2024. – Vol. 26, N 3. – P. 295–310. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19448953.2023.2236511> (дата обращения: 11.09.2025).
4. Dapel Z. Poverty in Nigeria: Understanding and Bridging the Divide between North and South // Center for global development. – 2018. – 06.04. – URL: <https://www.cgdev.org/blog/poverty-nigeria-understanding-and-bridging-divide-between-north-and-south> (дата обращения: 11.08.2025).
5. FIT Group Partners Turkish Firm to Build First Medical City in Nigeria // This Day. – 2024. – 25.01. – URL: <https://www.thisdaylive.com/2024/01/25/fit-group-partners-turkish-firm-to-build-first-medical-city-in-nigeria/> (дата обращения: 10.08.2025).
6. Jibril Z.A. Nigeria-Türkiye Relations: A Multifaceted Partnership in the 21st Century // Insight Turkey. – 2024. – Vol. 26, N 3. – P. 223–250.
7. Medical tourism: Turkey Enticing Nigerians with 'Convenient Access to Advanced Healthcare' // Arise News. – 2024. – 10.03. – URL: <https://www.arise.tv/medical-tourism-turkey-enticing-nigerians-with-convenient-access-to-advanced-healthcare/> (дата обращения: 10.08.2025).
8. Memorandum of understanding between the government of the Republic of Türkiye and the government of the Federal Republic of Nigeria in the fields of health and

- medical sciences. – 2022. – 28.02. – URL: <https://legalbank.net/uploads/ekler/mevzuat/4322309/Ekleri.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).
9. Minko A.E. International Collaboration and Diplomacy in Disaster Management: Analyzing Türkiye's Response to the 2023 Nigerian Floods // *İletişim ve Diplomasi (Communication and Diplomacy)*. – 2024. – Issue 13. – P. 113–130. – URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4298460> (дата обращения: 12.08.2025).
 10. Nigeria Partners with Turkey for Major Healthcare Boost // *The Nigerian Patriot*. – 2024. – 28.09. – URL: <https://patriot.ng/2024/09/28/nigeria-healthcare-partnership/> (дата обращения: 10.08.2025).
 11. Sallah: Türkiye Diyanet Foundation Shares 7650 cows to Nigerians // *The Nation*. – 2025. – 20.06. – URL: <https://thenationonline.ng/sallah-turkiye-diyanet-foundation-shares-7650-cows-to-nigerians/> (дата обращения: 12.08.2025).
 12. Tepeciklioğlu E., Vrey F., Baser B. Introduction Turkey and Africa: Motivations, Challenges nad Future Prospects // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. – 2024. – Vol. 26, N 3. – P. 289–294. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/19448953.2023.2236514?needAccess=true> (дата обращения: 11.09.2025).
 13. The Statesman's Yearbook 2025 // *Springer Nature*. – 2024. – URL: <https://link.springer.com/referencework/10.1057/978-1-349-96112-2> (дата обращения: 11.09.2025).
 14. TİKA empowers youth with skills, food security, sports globally // *Daily Sabah*. – 2025. – 26.09. – URL: <https://www.dailysabah.com/turkiye/tika-empowers-youth-with-skills-food-security-sports-globally/news> (дата обращения: 10.08.2025).
 15. TİKA, Nijerya'daki Ortaokulun Laboratuvarlarını Yeniledi // *TİKA*. – 2021. – 22.10. – URL: https://tika.gov.tr/detail-tika_nijerya_daki_ortaokulun_laboratuvarlarini_yeniledi/ (дата обращения: 10.08.2025). – Тур. яз.
 16. TİKA, Nijerya'daki Okulda Kapsamlı Yenileme Çalışması Gerçekleştirdi // *TİKA*. – 2024. – 26.11. – URL: <https://tika.gov.tr/tika-nijeryadaki-okulda-kapsamli-yenileme-calismasi-gerceklestirdi/> (дата обращения: 10.08.2025). – Тур. яз.
 17. TİKA ve TRT'den Nijerya ve Mozambikli Gazetecilere Dijital Medya Eğitimi // *TİKA*. – 2025. – 29.05. – URL: <https://tika.gov.tr/tika-ve-trtden-nijerya-ve-mozambikli-gazetecilere-dijital-medya-egitimi/> (дата обращения: 10.08.2025). – Тур. яз.
 18. Turkey to partner Nigeria on social protection, emergency responses // *TVC News*. – 2023. – 20.12. – URL: <https://www.tvcnews.tv/turkey-to-partner-nigeria-on-social-protection-emergency-responses/> (дата обращения: 10.08.2025).
 19. Türkiye Diyanet Vakfı: Nijerya'daki yetimlerin yüzünü güldürdü // *Anadolu Ajansı*. – 2024. – 19.12. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-diyanet-vakfi-nijeryadaki-yetimlerin-yuzunu-guldurdu/3428983> (дата обращения: 11.08.2025). – Тур. яз.
 20. Türkiye Diyanet Foundation Extends Aid to Orphans in Nigeria // *Türkiye Diyanet Vakfı*. – 2025. – 15.04. – URL: <https://tdv.org/en-EN/turkiye-diyanet-foundation-extends-aid-to-orphans-in-nigeria/> (дата обращения: 11.08.2025).
 21. Türkiye Diyanet foundation opened 8 water wells in Nigeria // *Türkiye Diyanet Vakfı*. – 2023. – 25.08. – URL: <https://tdv.org/en-EN/turkiye-diyanet-foundation-opened-8-water-wells-in-nigeria/> (дата обращения: 12.08.2025).

22. Türkiye Diyanet Vakfı tarafından Nijerya'da 12 bin 500 kişiye iftar verildi // Star. – 2025. – 13.03. – URL: <https://www.star.com.tr/guncel/turkiye-diyanet-vakfi-tarafindan-nijeryada-12-bin-500-kisiye-iftar-verildi-haber-1931709/> (дата обращения: 12.08.2025). – Тур. яз.
23. Türkiye Diyanet Vakfı Nijerya'da 90 bin aileye kurban eti ulaştırdı // Ahaber. – 2022. – 11.07. – URL: <https://www.ahaber.com.tr/din/2022/07/11/turkiye-diyanet-vakfi-nijeryada-90-bin-aileye-kurban-eti-ulastirdi> (дата обращения: 12.08.2025). – Тур. яз.
24. Türkiye, Nijeryadaki Yetimhaneye Yardım Etti // Haberler. – 2023. – 02.12. – URL: <https://www.haberler.com/guncel/turkiye-nijerya-daki-yetimhaneye-yardim-etti-16589432-haberi/> (дата обращения: 10.08.2025). – Тур. яз.
25. Ugwukah A., Oladimeji D. Nigerian-Turkey Relations: An Examination Of Challenges And Prospects For Viable Strategic Economic Partnership // Journal of Namibian Studies. – 2023. – Vol. 33. – P. 6439–6468. – URL: <https://namibian-studies.com/index.php/JNS/article/view/5683/3916> (дата обращения: 12.02.2025).

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* ОСОБЕННОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В АФРИКЕ: ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ

Аннотация. В статье представлены некоторые особенности энергопотребления африканских стран, а также влияние применяемых на континенте методов приготовления пищи на окружающую среду и социально-экономическое развитие, на населения с точки зрения сохранения здоровья, возможностей получения образования и выхода на рынок рабочей силы. Подчеркивается тот факт, что доступ к экологически чистым методам приготовления пищи является одной из ключевых проблем трансформации энергопотребления африканских стран в условиях энергетического перехода. Рассматриваются реалии распространения в Африке экологически чистого приготовления пищи, участие в этом процессе разных акторов. В качестве фактора успеха стратегии продвижения современных технологий приготовления пищи выделяется ее увязка с мерами в сфере энергоснабжения населения африканских стран благодаря расширению доступа к экологически чистой энергии.

Ключевые слова: Африка; энергетический переход; экологически чистое приготовление пищи; выбросы парниковых газов; экологически чистые технологии.

PRYAZHNIKOVA O.N. Features of the Energy Transition in Africa: The Factor of Clean Cooking

Abstract. The article presents some of the characteristics of energy consumption in African countries, as well as the impact of cooking methods used on the continent on the environment and socio-economic development, on the population in terms of health, educational oppor-

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН.

tunities and participation in the labour market. It highlights that access to clean cooking is one of the key challenges in transforming African countries' energy consumption amid the energy transition. The reality of the spread of clean cooking in Africa and the participation of various actors in this process are shown. The article points out that the key success factor of the strategy for promoting modern cooking technologies is its linkage with energy supply measures in African countries through expanded access to clean energy.

Keywords: Africa; energy transition; clean cooking; greenhouse gas emissions; clean technologies.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Особенности энергетического перехода в Африке: фактор экологически чистого приготовления пищи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 77–88. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.05

Введение

Энергетический переход, предполагающий трансформацию энергетических систем стран мира, включает в себя инициативы, направленные на переход от использования источников энергии с высоким уровнем выбросов углерода к экологически устойчивым источникам с низким уровнем выбросов. Это позволит сократить парниковые газы в атмосфере, усугубляющие кризисные явления, обусловленные изменением климата. На фоне глобальной тенденции трансформации сферы энергетики африканские страны сталкиваются с уникальным набором вызовов. Многие из них борются с энергетической бедностью¹ и крайне уязвимы перед климатическими изменениям, а для их экономик характерен низкий уровень производительности. При этом доступ к энергии является основополагающим фактором роста производительности и экономического роста в целом. Прогнозы показывают, что к 2040 г. спрос на энергию в Африке увеличится более чем втрое, и не только со стороны отраслей экономики. Вклад в рост спроса на электроэнергию вносит продолжающийся рост населения континента. Так, например, в странах Африки южнее Сахары в 2023 г. доступ к электричеству получили 35 млн человек, но прирост населения за тот же

¹ С энергетической бедностью сталкиваются домохозяйства, которые не могут позволить себе приобрести достаточное количество энергии и услуг энергоснабжения для удовлетворения основных потребностей жизнедеятельности.

год составил 30 млн, поэтому чистый разрыв в доступе к электричеству в регионе сократился всего на 5 млн индивидуальных пользователей – с 570 млн в 2022 г. до 565 млн в 2023 г. В настоящее время в Африке проживает 85% от мирового населения, лишённого доступа к электричеству. Из стран с наибольшим количеством населения без доступа к электроэнергии по данным за 2023 г. можно назвать Нигерию (86,6 млн человек), Демократическую Республику Конго (79,6 млн человек) и Эфиопию (56,4 млн человек) [14, р. 3].

Некоторые особенности потребления энергии в африканских странах

Важно отметить, что особенностью энергопотребления на континенте является то, что сектор домохозяйств здесь представляет собой крупнейшего потребителя энергии: на его долю приходилось до 54% потребленной энергии в 2017 г., что более чем вдвое превышает соответствующий средний показатель по странам мира, составляющий 22%. В регионах с высоким уровнем использования биомассы доля потребления значительно выше: в Западной Африке домохозяйства потребляют 77% всей энергии, в Центральной и Восточной Африке – более 60%. Южная Африка и Северная Африка находятся между этими двумя регионами, с долей в 30% и 20% соответственно [5, р. 8].

Отметим, что энергетический переход особенно актуален в странах Африки южнее Сахары. По данным на 2023 г. только 21% населения региона имел доступ к экологически нейтральным видам топлива и технологиям для приготовления пищи. Соответственно порядка 955 млн человек использовали загрязняющие окружающую среду виды топлива и технологии для приготовления пищи, и их число ввиду роста населения будет увеличиваться в ближайшие годы в среднем на 14 млн человек ежегодно и превысит 1 млрд к 2030 г. [14, р. 35].

Важно подчеркнуть, что расширение доступа населения к современным источникам энергии способствует росту эффективности энергопотребления. Так, например, по оценкам Международного Энергетического Агентства всеобщий доступ к экологически чистому приготовлению пищи (ЭЧПП) (задача поставлена ООН для достижения глобальных Целей устойчивого развития) может сократить к 2030 г. потребность населения планеты в топливе почти на 60% в сравнении с 2023 г. Ключевым фактором, по

мнению экспертов, станет переход от традиционных технологий приготовления пищи с использованием биомассы, угля и керосина к улучшенным кухонным плитам, работающим более эффективно и / или на иных источниках энергии [9, р. 123]. По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) при ЭЧПП используются чистые (солнечная энергия, электричество, биогаз) переходные виды топлива (природный газ, сжиженный газ и спиртовое топливо, включая этанол) [4].

В настоящий момент для домохозяйств по всей Африке биомасса является основным источником энергии, используемой при традиционных методах приготовления пищи, для нагрева воды и освещения. Как правило, используемая биомасса представляет собой древесину и древесный уголь, но может включать и другие виды твердого топлива, такие как отходы, солома и животный навоз. В 2018 г. потребление биомассы как источника энергии в Африке приравнивалось к 300 млн тонн условного топлива (тут). По данным на тот же год электроэнергия – второй по доли использования источник энергии – достиг 20 млн тут; нефтепродукты (дизельное топливо, керосин, сжиженный нефтяной газ) находились на уровне около 13 млн тут и, по всей видимости, в ближайшее время будут вытеснены газом, который в тот же период сравнялся по объемам потребления домохозяйствами с нефтепродуктами [5; 11].

Негативные эффекты традиционных методов приготовления пищи

Использование традиционных методов приготовления пищи наносит значительный вред экологии, потому что, как правило, предполагает сжигание на открытом огне или в примитивных кухонных плитах твердых видов топлива, таких как древесина и древесный уголь. При этом в значительных количествах выделяются вредные загрязняющие вещества и парниковые газы, такие как черный углерод (сажа), углекислый газ и метан. Исследования показали, что за счет сжигания твердого топлива для приготовления пищи в домохозяйствах по всему миру образуется более чем 50% антропогенных глобальных выбросов черного углерода, который оказывает значительно большее воздействие на потепление климата, чем обычные углеродные выбросы (CO₂). Более того, примерно 55% заготавливаемой в мире древесины используется для приготовления пищи и отопления домов [13, р. 10].

Применение древесного топлива для приготовления пищи составляет 75% от общего объема спроса на энергию в регионе Африки южнее Сахары, где находятся страны с наибольшим прогнозируемым в период до 2040 г. ростом спроса на древесный уголь и древесное топливо. В таких африканских странах, как Бурунди, Эритрея, Эфиопия, Гвинея-Бисау, Кения, Лесото, Либерия, Руанда и Уганда, выбросы от древесного топлива составляют более 50% национальных выбросов парниковых газов [13, р. 11].

Помимо негативного влияния на климат массовое использование древесины как источника энергии в Африке приводит к деградации лесов. Отсутствие ЭЧПП приводит к потере 1,3 млн гектаров африканского леса ежегодно [15, р. 11]. Наиболее велика угроза сокращения лесов в таких странах, как Эфиопия, Нигерия, Гана, Уганда [3, р. 25]. Экологически несбалансированный сбор биомассы для приготовления пищи приводит к разрушению среды обитания растений и животных и сокращению биоразнообразия, а также усугубляет эрозию почв и нарушает естественные локальные процессы круговорота воды.

Вместе с тем в условиях роста урбанизации на континенте растет спрос на древесный уголь, сжигание которого производит вредные выбросы. Многие городские жители используют его как легкодоступный источник энергии для жизнедеятельности домохозяйств и приготовления пищи. Прогнозируется, что потребление древесного угля в странах Африки южнее Сахары удвоится с 2023 до 2030 г., в первую очередь в быстро растущих городских агломерациях региона [13, р. 11]. Наибольшие негативные экономические последствия испытывают бедное население городских трущоб, которое тратит 15–20% своего ежемесячного дохода на достаточно дорогое топливо для приготовления пищи. Объем этих трат связан с неэффективностью энергопотребления используемых традиционных кухонных плит [3, р. 22].

Помимо экологического ущерба (вырубки лесов и роста выбросов парниковых газов) традиционные методы приготовления пищи влекут за собой серьезные финансовые, а также медицинские издержки. С экономической точки зрения, нехватка экологически чистого и более эффективного топлива для приготовления пищи приводит к снижению производительности и увеличению медицинских расходов [11, р. 2]. В 2019 г. загрязнение воздуха, вызванное быстрой урбанизацией и индустриализацией, стало одной из причин смерти 1,1 млн человек на континенте. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, около 63% этих смертей

были связаны с загрязнением воздуха внутри помещений от сжигания твердого топлива для приготовления пищи и отопления [13, р. 20].

Отсутствие доступа к ЭЧПП представляет собой значимый фактор, усугубляющий гендерное неравенство в африканских странах, так как ложится особенно тяжелым бременем на женщин и девочек. Они вынуждены тратить в среднем четыре часа ежедневно на сбор топлива и приготовление пищи на неэффективных плитах, что ограничивает их образовательные и экономические возможности [15, р. 11; 14, р. 33]. Также женщины и дети, проводящие больше времени вблизи мест приготовления пищи, непропорционально чаще страдают от респираторных заболеваний. Согласно данным, приведенным Президентом Африканского Банка развития А. Адесина (A. Adesina): «ежегодно в Африке умирают около 600 тыс. женщин и детей из-за отсутствия доступа к экологически чистым методам приготовления пищи» [6].

Преимущества распространения экологически чистых методов приготовления пищи

Использование экологически чистых технологий приготовления пищи, таких как современные плиты и / или менее вредные для окружающей среды виды топлива (биогаз (газ, образующийся в результате разложения органических веществ), этанол, сжиженный попутный нефтяной газ (метан, этан, пропан и бутан)) сокращает выбросы, способствующие изменению климата. Также снижается спрос на древесину и древесный уголь, что уменьшает нагрузку на леса и экосистемы. Современные высокоэффективные плиты могут сократить расход топлива на 30–60%, что приведет к существенному сокращению выбросов углерода. Новые исследования показывают, что согласованный переход от сжигания древесины и древесного угля к приготовлению пищи на газе, возобновляемой энергии (электричестве) или их комбинации приведет к тому, что совокупные выбросы CO₂ могут сократиться примерно на 3 млрд тонн к 2040 г., что эквивалентно годовым выбросам трети автомобильного парка планеты [13, р. 12].

Дополнительно стоит упомянуть важные социальные преимущества доступа к более ЭЧПП. Они экономят времени и сокращают трудозатраты для женщин, девочек-подростков и детей, так как отпадает необходимость сбора дров, дополнительной подготовки биомассы и усилий по разведению и поддержанию огня.

Это сокращает время на приготовление пищи, освобождая его для получения образования и / или участия в экономической деятельности. Кроме этого, домохозяйства получают экономические выгоды: переход на современные кухонные плиты уже в течение года может в четыре раза сократить расходы семьи, которая до этого в качестве топлива покупала дрова или древесный уголь [1, р. 55].

Преимущества распространения ЭЧПП также включают новые возможности для создания рабочих мест на рынках африканских стран в секторах производства и продажи технологически усовершенствованных кухонных плит и зеленой энергетики. По оценкам Международного энергетического агентства в процессе реализации цели всеобщего доступа к ЭЧПП к 2030 г. занятость в странах Африки южнее Сахары смогут получить порядка 1,5 млн человек [1, р. 55].

Реалии распространения экологически чистого приготовления пищи в странах Африки

Среди международных организаций, вносящих вклад в поддержку энергетического перехода в Африке, ведущую роль играет Международное энергетическое агентство, которое активно формирует политическую повестку для достижения всеобщего доступа к ЭЧПП на Африканском континенте к 2040 г. Так по итогам Саммита по экологически чистому приготовлению пищи в Африке (Summit on Clean Cooking in Africa), состоявшегося в Париже в мае 2024 г. и организованного Международным энергетическим агентством совместно с Африканским Банком развития и правительствами Норвегии и Танзании, африканские страны внедрили 42 новые стратегии в секторе ЭЧПП. В ходе Саммита удалось привлечь 2,2 млрд долл. в виде обязательств от государственного и частного секторов, из которых по данным на начало 2025 г. на африканские программы по продвижению ЭЧПП было выделено 470 млн долл. [10]. Среди подобных программ выделяется инициатива «Современные методы приготовления пищи для Африки» (Modern Cooking Facility for Africa – MCFA). Это пятилетний проект, запущенный в 2022 г. для разработки, внедрения и масштабирования экологически чистых технологий приготовления пищи в странах Африки, а именно в Танзании, Кении, Мозамбике, Замбии, Зимбабве, Малави и Демократической Республике Конго. Основным донором инициативы является Шведское агентство развития (SIDA), при этом активно привлекаются и другие спонсоры.

В рамках проекта финансирование получают местные поставщики услуг и технологий в сфере приготовления пищи, соответствующие определенным экологическим критериям и целевым показателям. На конец 2024 г. таких компаний было 13 и еще 12 рассматривались в качестве претендентов на получение финансирования [7, р. 11].

Инвестиции в инфраструктуру экологически чистого приготовления пищи в Африке также растут благодаря вкладу частного сектора экономики. Международное энергетическое агентство оценивает прямые инвестиции в Африке, вложенные в соответствующую инфраструктуру, кухонные плиты и оборудование для распределения / доставки топлива в 2023 г. в примерно 675 млн долл. Годовой прирост инвестиций составил 10% и связан в первую очередь с развитием инфраструктуры распределения сжиженного нефтяного газа. Анализ текущих и заявленных к реализации в этой сфере проектов указывает на увеличение темпов роста инвестиций в сектор приготовления пищи в странах Африки в ближайшие годы [15, р. 12].

Самые быстрые темпы распространения «чистых» практик приготовления пищи на континенте в период 2018–2023 гг. по оценкам Международного энергетического агентства наблюдались в Западной и Восточной Африке, за ней следует Восточная Африка. Можно выделить пять стран, которые наиболее быстро продвигаются в данной области, – Кот-д'Ивуар, Кения, Лесото, Нигерия и Республика Конго. Эти страны добились увеличения доступа к ЭЧПП на 1,7–2,7% в год. Вместе с тем в подавляющем большинстве остальных стран этого региона (страны Африки южнее Сахары) в тот же период соответствующий показатель прироста был менее 0,5% в год. Важно отметить, что драйвером позитивных изменений в сфере приготовления пищи стал рост урбанизации на континенте: на городские поселения пришлось более двух третей прироста чистых практик приготовления пищи в 2023 г. [15, р. 20]. За последние два десятилетия разрыв в доступе к ЭЧПП между городскими и сельскими районами африканских стран увеличился, главным образом, из-за таких факторов, характерных для сельской местности, как ненадежность поставок оборудования и энергии, неразвитость инфраструктуры, бедность населения и низкий уровень его осведомленности о выгодах ЭЧПП, а также отсутствие финансовой поддержки со стороны государства в ряде стран [2].

Вместе с тем во многих африканских странах уже несколько лет осуществляются программы развития технологий ЭЧПП и их

распространения среди населения, в том числе обеспечивающие финансовую поддержку их внедрения. Рассмотрим особенности и результаты их реализации на примере некоторых стран континента.

Наиболее примечателен пример Кении, которая является одним из лидеров в секторе ЭЧПП, привлекая для его развития значительные иностранные инвестиции, в стране успешно реализуется политика продвижения ЭЧПП, способствующая разнообразию рынка поставщиков соответствующих технологий и видов топлива. По мнению специалистов Африканской энергетической комиссии, (AFREC) ключевой фактор успеха заключается в эффективном и последовательном руководстве реализацией соответствующих мер со стороны сменяющих друг друга правительств, а также во внедрении инновационных решений в быстро развивающемся частном секторе ЭЧПП [11, р. 22].

В Египте и Марокко уже произошел полный переход от традиционного использования биомассы к природному или сжиженному газ (что считается теоретически считается переходным топливом, но не экологически чистым). При этом марокканское правительство субсидирует потребление газа домохозяйствами на уровне порядка 50% его стоимости, а в денежном выражении в 2023 г. субсидии составили около 2,1 млрд долл. В целях сокращения выбросов парниковых газов в масштабах всей экономики в Марокко ведутся обсуждения перехода на электротехнологии в сфере приготовления пищи, однако для поддержания экономического роста признается целесообразность использования газа [11, р. 22].

Интересен опыт Замбии, где последние два десятилетия растет потребление электроэнергии, но при этом сохраняется высокий уровень вырубки лесов, вызванный ростом использования населением древесного угля. Это объясняется тем, что Государственная электроэнергетическая компания Замбии¹, удовлетворяя спрос на рынке электроэнергии, отдает приоритет горнодобывающему сектору, а не коммунальному, что подрывает прогресс в расширении доступа замбийцев к пользованию электричеством и ЭЧПП. Для решения этой проблемы необходимо на уровне правительства совершенствовать комплексное энергетическое планирование, в том числе способствующее распространению технологий для приго-

¹ Государственная электроэнергетическая компания Замбии (Zambia Electricity Corporation Limited) находится в ведении Министерства энергетики Замбии и является основным поставщиком электроэнергии в стране.

товления пищи на базе электроэнергии для удовлетворения спроса широких масс населения [11, р. 24].

Национальная стратегия электрификации Мозамбика направлена на достижение всеобщего доступа к электроэнергии к 2030 г., однако в ней также не наблюдается последовательной связи между электрификацией и продвижением ЭЧПП. Политика в области электроэнергетики закреплена в Национальной стратегии электрификации, но направление развития сектора ЭЧПП не подкреплено четким набором мер [8, р. 7].

Танзания за последнее десятилетие добилась значительных успехов в расширении доступа к электроэнергии: доля населения, получившая его увеличилась с 15 до 40%. Однако эти достижения не были в той же мере продемонстрированы в секторе ЭЧПП, и, хотя за последние несколько лет появились расширились возможности для приготовления пищи на базе электроэнергии и сжиженного газа, внедрение подобных технологий было ограниченным [12, р. 5].

В Бенине и Демократической Республике Конго (ДРК) на сегодняшний день также наблюдается разрыв между планированием электрификации страны и продвижением ЭЧПП. Кроме того, ДРК находится в особенно сложной экономической ситуации, усугубленной войной на востоке страны, длящейся более двух десятилетий. В условиях неравномерности и несбалансированности инвестиций в инфраструктуру зеленой энергетики и наличия значительных лесных ресурсов переход от традиционных методов приготовления пищи к ЭЧПП здесь крайне ограничен [11, р. 22].

В целом, несмотря на значительный прогресс, за последние два десятилетия достигнутый некоторыми африканскими странами, доступ к экологически чистым видам топлива и технологиям для приготовления пищи в Африке расширился в среднем на 1,76% в год.

Заключение

Особенность энергетического перехода в странах Африки заключается, в росте спроса на энергию, в том числе со стороны растущего населения, на фоне дефицита ее современных источников. В связи с этим ключевая задача трансформации энергетики для развивающихся стран континента заключается в том, чтобы обеспечить большее предложение энергии и одновременно сократить вредные выбросы. Значимый вклад в решение этой задачи

могут и должны внести ЭЧПП, использующие технологии на основе сжиженного газа, этанола, переработанной в биотопливо биомассы, электричества, так как они способные в значительной степени снизить загрязнение воздуха.

Следует отметить, что ввиду разнообразия социально-экономических условий и культурных традиций стран Африки, их обеспеченности энергоресурсами, различий в уровне развития энергетической инфраструктуры, качестве управления, наличии соответствующей политики и нормативно-правовой среды, трудно сформировать универсальный подход к обеспечению всеобщего доступа к ЭЧПП на континенте к 2030 г. в соответствии с Целями устойчивого развития, поставленными ООН. Вместе с тем накопленный опыт ряда африканских стран показывает, что на страновом уровне ключевым фактором при разработке и реализации успешной политики в сфере ЭЧПП является согласованность и последовательность действий государства и частного сектора, опирающихся на поддержку международных организаций. Сбалансированная стратегия развития ЭЧПП позволяет максимизировать преимущества их распространения, далеко выходящие за рамки поддержания экологической устойчивости, а именно: социальные выгоды, снижение вреда здоровью населения, смягчение последствий изменения климата и экономическое развитие в целом.

Список литературы

1. A Vision for Clean Cooking Access for All: World Energy Outlook Special Report // International Energy Agency, African Development Bank. – 2023. – 84 p.
2. Abou-Zeid A. Addressing Clean Cooking Challenges in Africa: Call for African Leadership / African Union. – 2024. – 12.11. – URL: <https://au.int/en/speeches/20241112/welcome-remarks-he-dr-amani-abou-zeid-commissioner-infrastructure-and-energy> (дата обращения 22.09.2025).
3. Clean and Improved Cooking in Sub-Saharan Africa: A Landscape Report / World Bank. – Washington, D.C., 2014. – 176 p.
4. Defining clean fuels and technologies / WHO. – URL: <https://www.who.int/tools/clean-household-energy-solutions-toolkit/module-7-defining-clean> (дата обращения 22.09.2025).
5. Household energy use in Africa: A Special Policy Report on Energy // African Energy Commission (AFREC). – 2023. – 31 p.
6. Makoye K. Ambitious Fund Aims to Connect 300 Million Africans to Reliable, Cleaner Energy by 2030 / Health Policy Watch. – 2025. – 05.02. – URL: <https://healthpolicy-watch.news/ambitious-fund-aims-to-connect-300-million-africans-to-reliable-cleaner-energy-by-2030/> (дата обращения 22.09.2025).

7. Modern Cooking Facility for Africa: Annual Results Report 2024. – 2025. – 43 p. – URL: https://www.moderncooking.africa/wp-content/uploads/sites/3/2025/05/mcfa-annual-results-report-2024_digital_pages.pdf (дата обращения 22.09.2025).
8. Mozambique eCooking Market Assessment / Modern Cooking Facility for Africa. – 2022. – 23 p.
9. Net Zero roadmap: a global pathway to keep the 1.5°C goal in reach. 2023 Update // International Energy Agency. – 2023. – 224 p.
10. Summit on Clean Cooking in Africa: Summit Outcome Document and Action Plan / International Energy Agency. – 2024. – 29 p. – URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/819d54ab-4afe-4787-8dde-3c032825cb5f/SummitonCleanCookinginAfrica-OutcomeDocumentandActionPlan.pdf> (дата обращения 22.09.2025).
11. Sustainable Scaling: Meeting the Clean Cooking Challenge in Africa: Summary Brief 2024 // African Energy Commission (AFREC). – 2024. – X, 33 p.
12. Tanzania eCooking Market Assessment / Modern Cooking Facility for Africa. – 2022. – 24 p.
13. The Future of Africa's Sustainable Cities: Why Clean Cooking Matters // Clean Cooking Alliance. – 2023. – 36 p. – URL: <https://cleancooking.org/reports-and-tools/the-future-of-africas-sustainable-cities-why-clean-cooking-matters/> (дата обращения 22.09.2025).
14. Tracking SDG 7: The Energy Progress Report 2025 // International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank. – Washington, DC, 2025. – 177 p.
15. Universal Access to Clean Cooking in Africa Progress update and roadmap for implementation: World Energy Outlook Special Report // International Energy Agency. – 2025. – 149 p.

РАХМАТУЛЛИН Ш.Д.* РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЪЕДИНЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ ТАНЗАНИЯ, 1961–1978 гг.

Аннотация. В статье рассматривается формирование государственной политики в сфере образования Объединенной Республики Танзания (ОРТ) в 1961–1978 гг. Анализ охватывает период от обретения независимости до этапа преобразований, связанных с африканским социализмом и политикой Уджамаа, проводимых в образовательном секторе по инициативе первого президента Танзании Джулиуса Ньерере. Аргументы подкреплены данными статистического института ЮНЕСКО, региональной неправительственной организации NakiElimu, отчетов министерства образования в ОРТ. Для российской аудитории обращение к этой теме актуально как в сравнительном плане – в контексте изучения взаимодействия идеологии и образовательной политики в странах глобального Юга, – так и в прикладном, учитывая возрастающий интерес к Африке и значимость культурно-гуманитарного сотрудничества России с африканскими государствами.

Ключевые слова: Танзания; Танганьика; образование; начальное и среднее образование; политика Уджамаа; африканский социализм; суахили; Джулиус Ньерере.

RAKHMATULLIN S.D. Development of the Primary and Secondary Education System in United Republic of Tanzania, 1961–1978

Abstract. The article analyzes the history of state education policy in the United Republic of Tanzania (URT) between 1961 and 1978. The analysis covers the period from independence to the stage of transformations associated with African socialism and the Ujamaa policy, implemented in the educational sector under the initiative of Tanzania's

* © Рахматуллин Шамиль Дамирович – ассистент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма, Тюменский государственный университет.

first president, Julius Nyerere. The arguments are supported by data from the UNESCO Statistical Institute, the regional non-governmental organization HakiElimu, and reports from the Ministry of Education in URT. This topic is relevant for the Russian audience because it examines the interaction of African ideology and educational policy in the countries of the global South, as well as because of the growing interest in Africa and the importance of cultural and humanitarian cooperation between Russia and African states.

Keywords: Tanzania; Tanganyika; education; primary and secondary education; Ujamaa policy; African socialism; Swahili; Julius Nyerere

Для цитирования: Рахматуллин Ш.Д. Развитие системы начального и среднего общего образования в ОРТ, 1961–1978 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 89–104. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.06

Сфера образования неизменно находится в центре внимания танзанийского государства. Особенно это важно в анализе стран Восточной Африки с многообразным культурным кодом и историческим наследием. Объединенная Республика Танзания (ОРТ) имеет большую территорию, которая состоит из материковой части – Танганьики и островной части – о. Занзибар, Пемба и Мафия, обладает богатым историческим и культурным наследием, что накладывает определенные вызовы в формировании единой национальной образовательной политики. Влияние арабской, восточно-африканской и европейской культур привело к разнообразию в языковой, религиозной и социальной сферах. Это разнообразие обусловило необходимость поиска новых единых образовательных подходов.

Выбор хронологических рамок 1961–1978 гг. связан с обретением Танзанией независимости и завершением первых этапов реализации политики *уджамаа*. Руководство страны во главе с президентом Джулиусом Ньерере поставило задачу формирования новой модели развития, основанной на принципах африканского социализма. Концепция *Уджамаа*, провозглашенная в «Арушской декларации» (1967), стала не только социально-экономическим ориентиром для Танзании, но и определила ключевые направления в сфере образования.

Рассмотрение этой темы позволяет не только выявить особенности становления национальной системы образования в Танзании, но и расширить этот опыт в более широкий процесс постколониальной трансформации и этапа деколонизации Африки, когда большинство стран континента искали пути независимого развития и опробовали различные модели социальной организации.

Обращение к этой проблематике представляется особенно актуальным для Российской Федерации. Исследование образовательного опыта Танзании способствует более глубокому пониманию культурно-гуманитарных оснований взаимодействия России со странами Африки к югу от Сахары (АЮС), которое в последние годы приобретает особую значимость. Подтверждением этому стали итоги 2023 г., одного из самых успешных в российско-африканских отношениях за последние десятилетия. Были проведены важные мероприятия: II саммит «Россия – Африка» в Санкт-Петербурге (27–28 июля), XV саммит БРИКС в Йоханнесбурге (22–24 августа) и подписание соглашения о создании Альянса государств Сахеля (16 сентября, пакт Липтако-Гурма) [9, с. 145].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать эволюцию системы начального и среднего общего образования в Танзании в 1961–1978 гг., выявив взаимосвязь между политикой *Уджамба*, идеологией африканского социализма и практическими результатами образовательных реформ, включая региональные различия в их реализации.

Образование после обретения независимости: первые реформы (1961–1967)

С обретением независимости в 1961 г. правительство Танзании унаследовало колониальную систему образования [20, с. 63]. Система была элитарной по своей природе, была разработана для меньшинств, отличающихся по расе, экономическому статусу, географическому положению и религиозной принадлежности. Школьные учреждения для коренного населения Танзании были наименее обеспечены преподавателями, оборудованием и учебными пособиями [22]. Эта ситуация требовала немедленного проведения реформ путем принятия нового закона.

В 1962 г. был принят Закон об образовании № 37, который отменил указ об образовании 1927 г., а также систему, установленную колониальным правительством. Этот закон предусматривал внедрение единых стандартов для школьных программ, а так-

же регулировал финансирование и управление образовательными учреждениями, устраняя расовую дискриминацию в сфере образования [12, с. 175]. Суахили, на котором разговаривает большинство жителей Танзании, был введен в качестве учебного языка наряду с английским. Одним из значимых положений документа была передача финансовой и административной ответственности за начальное образование местным органам власти. Экзамены были упорядочены для обеспечения единообразия и устранения разделения на младшую и старшую ступени начальной школы путем введения полного восьмилетнего курса обучения во всех начальных школах [18].

В 1963 г. была организована миссия ЮНЕСКО по планированию и изучению потребностей в образовании в Танганьике. На встрече были даны рекомендации в отношении «Плана развития Танганьики на 1961–1964 годы» с учетом запланированных образовательных целей для Африканского континента в целом, первоначально сформулированных на конференции африканских государств, организованной ЮНЕСКО в Аддис-Абебе в 1961 г. Этот план включал в себя реформирование системы образования путем расширения среднего образования, создания в большом количестве высших учебных заведений для решения проблемы нехватки рабочей силы (например, первый университет Дар-эс-Салама был открыт уже в 1961 г.).

Внедрение этого плана предусматривало шаги по снижению чрезмерной зависимости от обучения детей в школах-интернатах, которое не только было затратным, но и часто отдаляло учеников от сельской среды, в которой они росли. Педагогическому образованию стали уделять больше внимания. Одной из главных задач пятилетнего плана было увеличение уровня квалификации учителей начальных классов. По оценкам, в 1962 г. 90% танзанийцев старше 10 лет были неграмотными [19, с. 354]. Особое внимание уделялось созданию среды распространения грамотности, для чего были выпущены буклеты по различным темам, таким как сельское хозяйство и здравоохранение. Радио, музыка, чтение газет использовались для поощрения молодых людей к обучению чтению и письму.

Первый президент Танзании Джулиус Камбараре Ньерере (1922–1999), руководивший страной с 1964 по 1985 г., активно занимался реформированием образовательной системы. Он придавал большое значение народному образованию, полагая, что это способствует укреплению международного авторитета и улучшению

экономических показателей страны [5, с. 165]. Понимая, что экономика Танзании еще очень долго будет преимущественно аграрной, Дж. Ньерере выступал за развитие сельских районов. Он считал, что, поскольку большинство жителей страны живут и работают в деревнях, именно в этих деревнях нужно улучшать условия жизни путем предоставления социальных услуг [6, с. 89].

Джулиус Ньерере неслучайно удостоился звания «Отца нации» (на суахили *Baba wa Taifa*) в своей стране. Одним из ключевых достижений Джулиуса Ньерере в государственном строительстве и объединении наций стало подписание договора 26 апреля 1964 г. В этот день две бывшие британские колонии – Республика Танганьика и Народная Республика Занзибара и Пембы – объявили о своем слиянии, создав новую страну, известную как Объединенная Республика Танганьики и Занзибара. Уже 30 октября 1964 г., государство официально изменило свое название на Объединённая Республика Танзания. Дж. Ньерере стал президентом нового государства, а Абейд Каруме, занимавший пост президента Занзибара в 1964–1972 гг., стал первым вице-президентом ОРТ [11, с. 36].

В 1964 г. на территории Занзибара произошла национализация учебных заведений, и раздельное обучение было отменено. С сентября 1964 г., впервые в Восточной Африке, было введено бесплатное обучение для детей [12, с. 176–177]. После объединения Танганьики и Занзибара в ОРТ была сформирована единая система школьного образования, включающая 8-летнее начальное и 4-летнее среднее обучение. С 1965 по 1968 гг. произошел переход от 8-летней начальной школы к 7-летней системе (стандарт введенный Восточноафриканским сообществом). Количество учащихся в начальных школах выросло с 486 тыс. чел. в 1961 г. до 825 тыс. чел. в 1967 г. Число учеников в средних школах возросло с 11 тыс. чел. до 25 тыс. чел., что было достигнуто при незначительном снижении академических стандартов, в соответствии с результатами внешних экзаменов [14].

В этот период Министерство образования Танзании, следуя установкам политики *Уджамаа*, акцентировало внимание на всеобщей грамотности населения в особенности сельских и бедных регионов. Отменялись или смягчались вступительные тесты, возрастной ценз увеличивался, что позволяло принимать детей, ранее не соответствовавших формальным требованиям. Экзаменационные стандарты на уровне завершения начальной и средней школы были пересмотрены: сокращалось количество обязательных предметов для итоговых экзаменов, снижались проходные баллы, а

также увеличивалось число школ, получивших право самостоятельно оценивать успеваемость без обязательной верификации британскими экзаменационными советами.

Африканский социализм и политика Уджамаа в образовании (1967–1978)

Следующий период развития образования в ОРТ с 1967 по 1978 г., характерен важными изменениями. Из-за постоянного повышения темпов экономического роста и увеличение производства, требовалось больше квалифицированных рабочих, необходимо было в кратчайшие сроки увеличить количество учащихся, особенно в средних школах и университетах. Сильное политическое давление с целью африканизации должностей среднего и высшего звена, а также уход от политики колониализма и установления политико-экономической независимости также повлекло к дефициту образованной элиты и нехватки управленцев.

4 марта 1967 г. на конференции партии Национальный союз африканцев Танганьики (*Tanganyika African National Union*, TANU, ТАНУ) была принята *Арушская декларация*. Этот документ объявил о выбранном курсе на создание уникальной версии африканского социализма, известной как *уджамаа* (с суах. переводится как «семья» или «община»). Идея построения общества равных возможностей в духе социализма была воспринята с большим удовольствием т. к. была доступна, понятна и импонировала менталитету широких масс [4, с. 37].

В Арушской декларации, принятой в 1967 г., подчеркивался принцип «опора на собственные силы» (политика *Self-Reliance*)¹. Дж. Ньерере указал, что социализм стремится к равенству и отвергает всяческие формы дискриминации. Президент также подчеркнул необходимость перехода от этнического и расового восприятия к гражданскому пониманию принадлежности к танзанийской общности. Особое внимание он уделил отказу от колониальной политики.

В 1967 г. был создан документ «Образование для политики опоры на собственные силы», который подкреплял идеи Арушской декларации, адаптируя их для танзанийской образовательной системы [7, с. 158–159]. Школьные программы претерпели значи-

¹ Nyerere J. Education for self-reliance. CrossCurrents. – 1968. – Vol. 18, N 4, P. 415–434.

тельные изменения в соответствии с определенными в документе принципами и целями. Особое внимание было уделено интеграции учебного процесса с производительным трудом. На всех уровнях образования были внедрены элементы политического и трудового воспитания, чтобы учащиеся были готовы к труду, особенно в сельском хозяйстве. Для решения этой цели были построены сельскохозяйственные средние школы такие как: *Руву, Ифакара, Кибити и Канталамба*. В этих школах учащиеся изучали растениеводство, животноводство и агромеханику.

Принципы «уджамаа» отразились в школьной программе, особенно в цикле гуманитарных дисциплин, например в истории, или географии. Принцип единства формировался через правильное объяснение *африканского социализма* т.е. объяснение детям законов морали: любовь к родине, единство народа и языка, уважение к труду.

В рамках формирования политики идентичности и национального строительства значительная роль была отведена языку суахили, который получил статус государственного в соответствии с законом 1967 г. Особенно подчеркивалось, что суахили является подлинным проявлением африканской культуры. Это свидетельствует о том, что становление танзанийской нации произошло без влияния европейцев и колониального периода [2, с. 89].

Школьные программы и учебники начали изменяться с учетом новых целей достижения социально-экономической независимости и самостоятельности [4, с. 165]. Особое внимание уделялось преподаванию естественнонаучных и технических дисциплин, а также математики, так как это должно было способствовать значительному улучшению уровня знаний для практической деятельности.

Важно отметить, что помимо общеизвестных постулатов политики «Уджамаа», формировалось и другое важное движение, которое также имело важную составляющую в образовательных реформах в период 1967–1975 гг. – общественное направление и мысль «Ндогу» (суах. «братство», «равенство»). Руководство страны стремилось сформировать общее и единое региональное самосознание. В центре интересов, прежде всего, был *коллектив*, в соответствии с нормами африканского социализма. В образовательной системе для учителей ставилась особая задача привить учащимся чувство солидарности к другим соседствующим народам, как в регионе, так и на континенте в целом. Школы старались сформировать сильного и независимого человека, который бы трудился на благо родины. Обучение строилось на ценностях: *Ухуру* (суах.

«свобода»), *Куджитегемеа* (суах. «уверенность в себе»). Это было важно с учетом объединения народов материковой части Танганьики и островной части Занзибара и Пембы с учетом различий в религиозных ценностях, истории и культуры.

Вдохновившись примером Советского Союза и его плановой экономикой, Танзания также начала внедрять пятилетние планы развития в своей экономике, что затронуло и образовательную сферу. В 1964 г. в Танзании был принят план развития народного хозяйства до 1980 г., который предполагал расширение всеобщего среднего образования и подготовку новых национальных кадров. Первый пятилетний план (1964–1969) и второй пятилетний план (1969–1974 гг.) были сосредоточены на достижении всеобщего начального образования к 1989 г. За относительно короткий срок правительство страны поставило цель осуществить африканизацию, т.е. произвести кадровое замещение образованными африканцами вместо европейцев и индийцев [23].

Необходимо отметить, что сохранялись и значительные барьеры для получения базового образования. Несмотря на то что законодательство предусматривало право каждого ребенка на обучение, реальные финансовые возможности семей зачастую не позволяли обеспечить непрерывный образовательный процесс всем детям. В Танзании взимались школьные сборы, составлявшие в среднем 20–40 танзанийских шиллингов (\$2,7–5,6)¹ в год на одного ребенка. Для бедных сельских домохозяйств эта сумма соответствовала одному–двум месяцам семейного дохода, что делало обучение недоступным для значительной части населения (основываясь на статистике суммарного коэффициента рождаемости 1975 г., показатели были крайне высокими, в среднем женщина в Танзании в этот период рожала около 5–7 детей)².

В 1970-е годы, в контексте задач второго пятилетнего плана и принятия закона о всеобщем начальном образовании (1974)³, все большее внимание уделялось развитию начальных школ. Для реализации этих целей правительство выделяло ежегодно около 20% национального бюджета [4, с. 38].

¹ В период 1965–1973 гг., в Танзании действовала фиксированная валютная система, курс 1 доллара США \approx 7,1–7,5 танзанийских шиллингов (TZS).

² World Bank. Total fertility rate (births per woman) – Tanzania [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=TZ> (дата обращения: 10.08.2025).

³ The National Educational Act No. 25. Ministry of Education. 1978.

В период с 1967 по 1978 г. правительство реализовало наибольшее количество реформ, приняло ряд основополагающих законов и актов, направленные на легитимизацию перемен, осуществленные в результате Арушской декларации такие как: Акты об образовании 1969 и 1978 гг., Программа децентрализации 1972 г¹; Акт о Национальном экзаменационном совете 1973 г²; «Всеобщее начальное образование» 1974 г.; Акт об институте обучения для взрослых 1975 г. [12, с. 176].

В 1974 г. правительство Танзании приступило к осуществлению политики всеобщего начального образования (ВНО)³. В соответствии с этой политикой начальное образование стало обязательным для каждого ребенка, достигшего семилетнего возраста. Была отменена плата за обучение, что привело к массовому набору учащихся, так что в 1980 г. показатель охвата школьным образованием достиг 98%.

Несмотря на высокую приверженность изменениям и проводимым реформам, в работах российских и танзанийских ученых прослеживается определенная критика в отношении развития системы образования в 1960–1980-е годы. Основной тезис заключается в том, что в этот период произошло резкое снижение качества школьного образования вследствие масштабных мер по увеличению числа зачисленных учащихся. К таким факторам можно отнести, например: повсеместное привлечение к преподаванию в школе людей, не имеющих специального педагогического или даже законченного среднего школьного образования; обучение в 2–3 смены; увеличение школьных классов до 80–100 и более учеников; отсутствие или нехватка учебных пособий: один учебник на 10 и более школьников; неразвитость инфраструктуры: занятия нередко проводились под открытым небом при отсутствии у школьников тетрадей.

Перечисленные проблемы танзанийской реформы были характерны для попыток форсированного развития начального школьного образования в 1960–1970-е годы. Реформы привели к быстрому увеличению количества начальных школ, в то время как

¹ The act of Decentralization of Government Administration (No. 27 of 1972). Government Printer, Dar es Salaam. Tanzania. 1972.

² The National Examinations Council of Tanzania (No. 21 of 1973). Government Printer, Dar es Salaam. Tanzania. 1973.

³ United Republic of Tanzania Education Sector Development Programme Primary. – Dar es Salaam: Basic Education Development Committee, 2001.

рост средних школ оставался медленным. В 1969 г. в государственные средние школы поступало около 12% выпускников начальных школ, однако к началу 1980-х годов только 2–4% этих выпускников имели возможность продолжить обучение в государственных средних школах. Создавшееся положение порождало сильное недовольство граждан [8, с. 46–47]. В период с 1965 по 1975 гг. в ОРТ наблюдались значительные региональные диспропорции. ОРТ имела два фактора, которые ограничивали ее мобильность и скорость распространения реформ.

Карта. Географическое расположение регионов ОРТ
Map. Geographical location of the regions of the URT

Источник: данные из архива <https://gect.ru/>

Во-первых, ОРТ получила модель образования от Великобритании. В колониальный период под ее управлением развитие образования и строительство инфраструктуры концентрировалось в районах, представлявших наиболее высокий экономический интерес, избегая менее развитые районы (например, в зонах планта-

ционного хозяйства и вокруг городов; если рассматривать материковую часть Танганьики в качестве примера, стоит выделить регион Килиманджаро – центр выращивания кофе, Мванза и Шиньянга – основные районы выращивания хлопка, Геита близ Мванзы – добыча золота с 1920-х годов), о. Занзибар – мировой лидер по производству гвоздики (см. карту). Рассматривая общую прогрессию и процентное соотношение детей, которые были зачислены в образовательные учреждения, это видно невооруженным взглядом. За десятилетие регионы показали стабильные показатели зачисления: Килиманджаро с 60 до 85%, Рувума с 45 до 88%, Додома с 31 до 64% (см. табл.) [14].

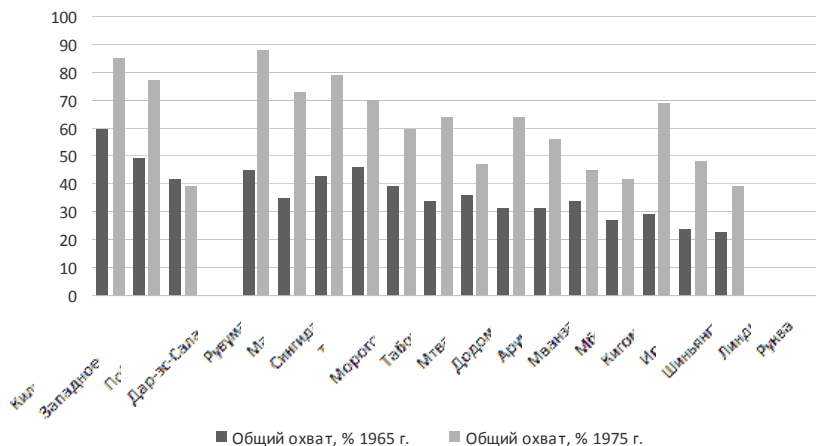

График. Общий охват зачисления детей в школы, 1965–1975 гг.

Источник: составлено автором на основе <https://unesdoc.unesco.org/>

Во-вторых, в отдаленных и труднодоступных регионах – горных районах и засушливых зонах (например, *Мтвара*, *Линди*, *Рувума*) – наблюдалось ограниченное количество образовательных учреждений. Это объясняется в первую очередь отдаленностью территорий и сложностью построения логистических маршрутов в этих зонах и их низкой пригодностью для интенсивного сельского хозяйства, что обуславливало ограниченные потребности в подготовке новых рабочих кадров и ненужности наращивать трудовые ресурсы. На тот момент значительная часть населения ОРТ занималась аграрной деятельностью. Такое положение вещей отразилось и на системе образования. Ограниченность данных о состоянии образования до 1975 г. свидетельствует об этом. Хотя в

некоторых регионах имеются данные по зачислению детей, сравнение этих показателей с другими районами выявляет более низкий уровень зачисления (см. табл.), (см. граф.)¹.

Существенное влияние на увеличение числа учащихся в относительно короткий период оказали несколько факторов. Прежде всего, отмена платы за обучение и постепенная ликвидация школьных сборов в начале 1970-х годов сделали получение образования более доступным для сельского населения. Важную роль сыграло и развитие инфраструктуры – активное строительство школ за счет усилий местных общин и при поддержке государства, что способствовало расширению сети начальных образовательных учреждений, особенно в отдаленных районах. Политика «образования для самодостаточности» (Education for Self-Reliance) формировала новую ценностную установку, в соответствии с которой всеобщее начальное образование рассматривалось как обязанность и право каждого ребенка. Упрощение экзаменационных и вступительных требований также способствовало росту числа зачисляемых учащихся. Кроме того, необходимо отметить пик рождаемости в период с 1967 по 1975 г., что привело к массовому зачислению детей в школы к концу 1980-х годов.

Несмотря на то что плата за обучение была отменена, оснащение ребенка в школу оставалось задачей родителей (учебники, тетради, школьная форма), такого рода расходы превосходили возможности существенной части сельского населения [25; 26].

Однако все представленные замечания и образовавшиеся проблемы стоит рассматривать в контексте развития всей страны для понимания сложившейся ситуации. Необходимо отметить, что к концу 1970-х годов катастрофически ухудшилось положение танзанийской экономики: из-за принудительной коллективизации доходность сельского хозяйства резко упала; война с Угандой пробила широкую брешь в бюджете страны. Стоит отдать должное – несмотря на ряд ограничений, ОРТ сохраняла показатели зачисления детей по стране в пределах нормы.

¹ Данные об общем зачислении с 1965 по 1975 г. относятся исключительно к начальному образованию, т.е. к учащимся стандартов 1–7. Общее количество учеников, впервые принятых и продолжающих обучение в начальной школе.

Таблица

**Общий охват зачисления детей в школы в регионах ОРТ,
1965–1975 гг.**

Регион	Зачисление детей на период 1965 г.	Зачисление детей на период 1975 г.	Общий охват, % 1965 г.	Общий охват, % 1975 г.
Килиманджаро	78,445	125,749	60	85
Западное озеро	52,941	96,845	49	77
Побережье	42,847	49,298	42	39
Дар-эс-Салам	–	48,495	–	–
Рувума	28,119	70,703	45	88
Мара	35,748	81,332	35	73
Сингида	30,353	68,408	43	79
Танга	56,360	105,911	46	70
Морогоро	43,718	78,299	39	60
Табора	28,118	66,133	34	64
Мтвара	55,263	90,784	36	47
Додома	36,164	54,570	31	64
Аруша	31,040	69,226	31	56
Мванза	57,529	95,564	34	45
Мбея	48,321	88,089	27	42
Кигома	22,342	64,920	29	69
Иринга	31,755	76,674	24	48
Шиньянга	31,497	72,986	23	39
Линди	–	53,608	–	–
Руква	–	35,359	–	–

Источник: [Court, Kinyanjui, 1980]¹.

В 1977 г., благодаря инициативе ТАНУ, была начата программа введения обязательного и бесплатного начального образования. За три года почти все семилетние дети начали посещать школу, а их количество увеличилось до 3,6 млн, что более чем в семь раз превышало число школьников в период обретения независимости. Также наблюдался рост студентов вузов: с 3 тыс. чел. в 1975 г. до 5 тыс. человек в 1993 г. Особое внимание было уделено борьбе с неграмотностью среди взрослых, начавшейся в 1968 г. при поддержке ЮНЕСКО. Учебные программы включали помимо грамотности на суахили также основы гигиены, агротехники, ре-

¹ Court D., Kinyanjui K. Development policy and educational opportunity: the experience of Kenya and Tanzania. Brighton: University of Sussex, 1980.

месленничества, математики и концепции *уджамаа*. К 1971 г. такие курсы посещали 75 тыс. человек, а к 1973 г. это число достигло 3 млн. В период с 1967 по 1977 г. уровень неграмотности среди взрослых снизился с 67 до 39%, и к 1984 г. грамотность в Танзании достигла 75%, что значительно превышало средний показатель по Африке в 48% [12, с. 176].

Однако существовали и недостатки, которые были связаны с нехваткой финансирования, школы страдали от дефицита учителей и материалов, особенно в сельской местности. Программы стали менее эффективными из-за спада экономики в 1980-х годах.

Система образования Объединенной Республики Танзания претерпела ряд изменений в результате как местных, региональных, так и международных условий. Начальный этап с 1961 по 1978 г. заложил крепкий фундамент для развития сектора образования при президентстве Джулиуса Ньерере его политики *уджамаа* и программы «Образование для самообеспечения». Народ Танзании был объединен общей идеологией построенной на законах морали и трудолюбия. Британская колониальная система была устранена, школы были национализированы, были запущены программы для развития среднего образования и высшего образования. Особый акцент был сделан на обучении и подготовки взрослых. Обучение велось на языке суахили, что сделало образование доступным для большей части населения. Было введено обязательное базовое 7-летнее образование, система стала эгалитарной и доступной.

Отношения между СССР и ОРТ (после объединения Танганьики и Занзибара в 1964 г.) в 1960–1980-е годы развивались в русле стратегического партнерства, основанного на общей идеологической платформе антиколониализма и построения социалистически ориентированного общества. Президент Джулиус Ньерере, несмотря на свою приверженность уникальной модели «африканского социализма» (*уджамаа*), видел в СССР противовес западному влиянию. Помощь СССР в сфере образования была системной и являлась краеугольным камнем всего двустороннего сотрудничества. Между СССР и ОРТ были подписаны ряд важных документов: «Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и ОРТ от 13 ноября 1966 г.», «Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве от 26 мая 1966 г.»¹.

¹ А. Петров – А.М. Тимошенко, Г.И. Фомину. Проект Протокола о культурном обмене между СССР и Танзанией на 1966 г. 13 ноября 1965 г. // АВП РФ. Ф. 591. Оп. 8. П. 4. Д. 9. Л. 9–12. Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

В соответствии с соглашениями СССР строил школы и техникумы, поставлял учебное оборудование, наглядные пособия, лабораторные приборы и учебную литературу, помогая создавать материально-техническую базу (например, советские специалисты построили технический колледж в г. Мбея в 1980 г.¹ или оказывали помощь для развития технических классов школы Мзумбе в Морогоро в 1967 г.). СССР представлял государственные стипендии на обучение, был налажен процесс отправки танзанийских студентов в советские вузы для получения высшего образования. Например, если в 1962 г. было отправлено – 7 человек, то уже в 1975 г. – 209 человек [1].

Построенные и оснащенные учебные заведения и тысячи выпускников советских вузов, занимающих сегодня ключевые позиции в государстве, сформировали уникальный «мост доверия» между нашими странами. Понимание этого контекста необходимо для анализа не только исторического развития танзанийского образования, но и тех прочных, дружественных отношений, которые существуют между современной Россией и Танзанией, базирующихся на общей исторической памяти.

Список литературы

1. Балезин А.С. СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой (по архивным источникам) // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. – 2020. Т. 20, № 1. – С. 54–66.
2. Бондаренко Д.М. Историко-культурные аспекты формирования наций в постколониальных государствах Африки // Вестник РАН. – 2022. – Т. 92, № 1. – С. 86–96.
3. Грибанова В.В. Образование и политика в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. – 2020. – Т. 50, № 1. – С. 71–81.
4. Грибанова В.В., Пономарев И.В. Школа и политика. Из истории создания и реформирования школьной системы в странах Восточной и Южной Африки. – Москва: ИАФР РАН, 2018. – 176 с.
5. Денисова Т.С. Джулиус Камбараре Ньерере – первый президент свободной Танзании // Восток (Oriens). – 2011. – № 5. – С. 199–203.
6. Иванченко О.В. «В поисках лучшей жизни»: идентичность горожан Танзании // Фольклор и антропология города. – 2024. – Т. 6, № 4. – С. 84–101.
7. Лазарев А.В. Помощь СССР в развитии системы среднего образования в Танзании в период 1960–1980-х гг. // Ученые записки Института Африки РАН. – 2024. – № 3. – С. 155–168.
8. Николаева О.Л. Африка: опыт культурный преобразований. – Москва: ИАФР РАН, 1991. – 258 с.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 5017. Л. 25.

9. Рахматуллин Ш.Д. Российско-африканские отношения в области образования: новые пути развития // Вестник ученых-международников. – 2024. – № 4. – С. 145–155.
10. Тетерин О.И. Социально-политическое развитие Занзибара: дис. ... канд. ист. наук. – Москва: ИАФР АН СССР, 1972. – 404 с.
11. Турьинская Х.М. Занзибар и союзный вопрос в Танзании: новое «время политики» // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 6. – С. 34–41.
12. Шлёнская С.М. Объединенная Республика Танзания. Справочник. – Москва: ИАФР РАН, 2014. – 261 с.
13. Шлёнская С.М. Танзания: 50 лет социально-экономического и политического развития // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 7. – С. 55–59.
14. Court D., Kinyanjui K. Development policy and educational opportunity: the experience of Kenya and Tanzania. – Brighton: University of Sussex, 1980. – 107 p.
15. Dismas A., Manang F. Impact of the Secondary Education Development Program on Access to Secondary Education in Tanzania // International Journal of Economy, Education and Entrepreneurship. – 2022. – Vol. 2, N 3. – P. 692–706.
16. Galabawa C.J. Developments and Issues Regarding Universal Primary Education (UPE) in Tanzania. Report Presented at ADEA Biennial Meeting, Arusha, Tanzania. – 2001. – 29 p.
17. Magoti E. Did Tanzania Achieve the Second Millennium Development Goal? Statistical Analysis // Journal of Education and Practice. – 2016. – Vol. 7, N 8. – P. 58–69.
18. Msabila D.T. Dynamics of Education Policy Reforms in Tanzania: The Trend, Challenges and Way forward // UONGOZI: Journal of Management and Development Dynamics. – 2013. – Vol. 24, N 1. – P. 46–82.
19. Mpogolo Z.J. Post-literacy and Continuing Education in Tanzania. International Review of Education. – 1985. – Vol. 30. – P. 351–358.
20. Joint review of the Primary Education Development Plan / Mushi K., Penny A., [et al.]. – Dar es Salaam, United Republic of Tanzania: Ministry of Education and Culture, 2003. – Vol 1. – 119 p.
21. Orodho J.A. Policies on Free Primary and Secondary Education in East Africa: Are Kenya And Tanzania On Course To Attain Education For All (Efa) Goals By 2015? // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). – 2014. – Vol. 19, N 1. – P. 11–20.
22. Omari I.M., Mbise A.S., Mahenge S.T. Universal Primary Education in Tanzania. – Ottawa: International Development Research Centre. Canada, 1983. – 87 p.
23. Sabot R.H. Education, income distribution, and Rates [of] urban migration in Tanzania. – Dar Es Salaam: Economic research Bureu, University of Dar Es Salaam, 1972. – 40 p.
24. Shukia R. Fee-free Basic Education Policy Implementation in Tanzania: A ‘Phenomenon’ Worth Rethinking // Huria Journal. – 2020 – Vol. 27, N 1. – P. 115–128.
25. Thiong’o N. Kiroro F., Ngware M. Access to Quality Education for Children Living in Low-Income Urban Neighborhoods in Tanzania. Urban Education Research Report – Tanzania. – Hakielimu: African Population and Health Research Center, 2024. – 48 p.
26. Wedgwood R. Education and Poverty Reduction in Tanzania // International Journal of Educational Development. – 2007. – Vol. 27, N 4. – P. 383–396.

ТРУНОВ Ф.О.* ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА ФРГ СО СТРАНАМИ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА (К СЕРЕДИНЕ 2020-х годов)

Аннотация. В начале 2020-х годов стратегическое влияние ФРГ на Глобальном Юге сократилось. Ключевая причина состояла в неспособности Германии, ее партнеров по ЕС и НАТО выработать результативные схемы урегулирования вооруженных конфликтов. Турне канцлера в Африку мая 2022 г. (Сенегал – Нигер – ЮАР) задачей имело сохранить присутствие в Сахеле. Но к весне 2024 г. ФРГ вывела контингенты из Мали и Нигера. Попыткой найти новые возможности для влияния в Западной Африке стал визит О. Шольца в Гану и Нигерию (октябрь 2023 г.). Поездка мая 2023 г. в Кению и Эфиопию должна была укрепить влияние ФРГ на Африканском роге. На примере ИРИ показана тактика ФРГ по закрытию диппредставительств системных оппонентов. В ходе турне в Латинскую Америку (январь 2023 г.) О. Шольцу удалось обеспечить перезапуск формата межправительственных консультаций с Бразилией. Берлин приглашал партнера противодействовать РФ, уже в данном контексте предлагал активизировать совместную борьбу за постоянные места в СБ ООН. Аналогичные задачи Германия преследовала и в диалоге с Индией.

Ключевые слова: Германия; Глобальный Юг; дипломатия; региональные турне; межправительственные консультации; Западная Африка; Африканский Рог; Мали; Нигер; Сомали; Ближний Восток; палестино-израильский конфликт; Иран; Бразилия; Индия; конфронтация; «сдерживание»; Россия.

TRUNOV Ph.O. Political-diplomatic Tactics of Germany's Cooperation with the Global South Countries (by the mid-2020 s)

* Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. In the early 2020 s, FRG's strategic influence in the Global South has noticeably declined. The key reason was the inability of Germany and its EU and NATO partners to develop effective schemes of armed conflicts' resolution. Chancellor's transregional tour to Africa in May 2022 (Senegal – Niger – South Africa) had the main objective to maintain a strategic presence in the Sahel. But by the spring of 2024, Germany withdrew its troops from Mali and Niger. An attempt to find new opportunities for influence in West Africa was Scholz's visit to Ghana and Nigeria (October 2023). The May 2023 tour to Kenya and Ethiopia was intended to strengthen Germany's position in the Horn of Africa. On the example of IRI the article shows Germany's tactics to close the diplomatic missions of opponents. During tour of Latin America (January 2023), O. Scholz managed to restart the format of intergovernmental consultations with Brazil. Berlin invited its partner to counteract Russia, and only then to intensify joint struggle for permanent seats in the UN SC. Germany pursued similar objectives in its dialogue with India.

Keywords: Germany; Global South; diplomacy; regional tours; intergovernmental consultations; West Africa; Horn of Africa; Mali; Niger; Somali; Middle East; Palestinian-Israeli conflict; Iran; Brazil; India; confrontation; deterrence; Russia.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Политико-дипломатические тактики сотрудничества ФРГ со странами Глобального Юга (к середине 2020-х годов) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 105–127. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.07

В середине 2020-х годов возросла роль ФРГ в попытках Евро-Атлантического сообщества¹ сохранить высокую степень западноцентричности для вновь формирующегося миропорядка. См.: [2]. Наиболее отчетливо вклад Германии в этот процесс проявляется в «сдерживании» России: Берлин наращивает объемы развертывания войск у границ РФ, использования против нее вооружений (через передачу Украине), в целом следует по пути заметного снижения порога (условий для) применения силы. Тем самым Берлин стремится обеспечить доминирование Евро-Атлантического сообщества в рамках Глобального Севера.

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств-членов НАТО и ЕС, сами данные институты. – *Прим. авт.*

Придать западноцентричный характер миропорядку в целом невозможно без поддержания и укрепления позиций «западных демократий» на Глобальном Юге и вновь возникающем Глобальном Востоке. В статье к Глобальному Югу применительно к современным реалиям отнесены Южная Азия, Ближний и Средний Восток (кроме Израиля и Турции), Африка и Латинская Америка. Пространства Дальнего Востока, особенно Китай и страны Юго-Восточной Азии, автор рассматривает как формирующийся Глобальный Восток.

Масштабный рост вовлеченности в «сдерживание» РФ временно ограничивает возможности Германии, особенно военные, обеспечивать свое влияние на других направлениях. Запущенная милитаризация ФРГ направлена среди прочего на преодоление данного «узкого места». В увязке с ним на Глобальном Юге наличествует еще одна трудность для использования бундесвера, но уже качественного, а не количественного характера. ФРГ в числе государств-партнеров по НАТО и ЕС проявила себя как недостаточно эффективный и результативный участник урегулирования вооруженных конфликтов, особенно борьбы с международным терроризмом. В конце 2010-х – начале 2020-х годов. Берлин был вынужден резко сузить географию военного присутствия в зонах нестабильности. Произошло свертывание активности бундесвера в зоне Африканского рога, на Среднем Востоке (эвакуация личного состава из Афганистана к середине 2021 г.), Сахаро-Сахельском регионе (вынужденный вывод военнослужащих из Мали и Нигера к весне 2024 г.). Наблюдалось также серьезное сокращение направлений и объемов применения бундесвера на Ближнем Востоке. Если к 2014 г. на Глобальном Юге в зонах конфликтов находилось единовременно порядка 7 тысяч военнослужащих бундесвера (в отдельные моменты – до 10 тысяч) [23, S. 8–11], то десятилетие спустя, к середине 2020-х годов, – менее 1 тысячи [18], т.е. произошло кратное уменьшение размеров военного присутствия. Компенсировать критическое ослабление данной составляющей стратегического присутствия Берлин мог прежде всего ростом политико-дипломатической активности.

Задача статьи – исследовать ряд современных тактик ФРГ по использованию ее политико-дипломатических возможностей в отношениях со странами Глобального Юга. В политографии основное внимание уделено ее контактам с конкретными государствами, реже – макрорегионами [10], притом часто фокус сделан на экономические аспекты [3]. Единичны работы, в которых изуча-

лись отношения ФРГ с огромным пространственно Глобальным Югом в целом, особенно на практическом, а не только доктринальном уровне (см.: [1]). Методически автор статьи предпринял попытку осмыслить на примере Германии применяемые сегодня некоторые формы политико-дипломатических контактов, их результативность.

Историко-политические особенности влияния ФРГ на Глобальном Юге

Берлин стремится обыгрывать ряд положений, которые создавали ему положительный имидж в странах Глобального Юга.

Последние ассоциировали Германию с понятием «колонизаторство» в заметно меньшей степени, чем Великобританию и Францию. Свои колонии, прежде всего в Африке южнее Сахары, Берлин захватил в последней четверти XIX в., а полностью утратил уже в ходе Первой мировой войны (1914–1918). Пример Намибии (Германской Юго-Западной Африки) показал, что по жестокости к коренному населению германский колониализм отнюдь не был мягче, чем британский или французский, однако он вынужденно завершился намного раньше, а географически имел несоизмеримо меньший охват.

Во Вторую мировую войну скованность и масштаб потерь вермахта на советском-германском фронте, а также противодействие Великобритании не позволили Третьему рейху развернуть агрессию на Ближнем Востоке, большей части Африки, ограничив зону боевых действий (1941–1943) лишь Северной Африкой. Соответственно, тогда у Германии не хватило возможностей превратить в объекты для эксплуатации народы будущего Глобального Юга, что в будущем положительно сказалось на их отношении к ФРГ.

Масштабной оказалась немецкая эмиграция в Латинскую Америку, прежде всего в Аргентину, Бразилию, Парагвай и Чили. Заметная волна пришлась на время после окончания Второй мировой войны, когда сюда перебрались нацистские преступники, пытаясь избежать наказания. Фактор достаточно многочисленных групп немецкоязычного населения в государствах южной части Латинской Америки оказывает заметное благоприятное влияние на их взаимоотношения с ФРГ.

В «холодную войну» Западная Германия была в военном отношении полностью сосредоточена на «сдерживании» СССР, его союзников в Европе, а потому за ее пределами Бонн не был готов

проявлять какую-либо военную активность. Одновременно ФРГ превратилась в одного из основных доноров по предоставлению официальной помощи развития (ОПР) для многих стран «третьего мира», что являлось важной составляющей формирования положительного облика Федеративной Республики.

Являясь органичной частью «коллективного» Запада, ФРГ не педалировала данного факта в отношениях со странами «третьего мира» в прошлую «холодную войну». Определенную роль играла и «прецедентная дипломатия»: среди «западных демократий» ФРГ первой или одной из таковых признавала или устанавливала дипломатические отношения с вновь возникавшими акторами Глобального Юга. Например, в 1960 г. Бонн был в авангарде при учреждении посольства в Мали, а в 1994 г. в опережение партнеров по ЕС и НАТО создал заграничное бюро в Рамалле, т.е. диппредставительство в Палестинской национальной автономии [7] (при этом на 2025 г. ФРГ не демонстрировала готовности признать Палестину как государство).

В ситуации, когда завершилась прошлая «холодная война» и, главное, исключительно выгодно для Бонн оказался решен «германский вопрос», ФРГ развернула полноценную стратегическую – политико-дипломатическую и военную – активность на Глобальном Юге, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора. Германия в числе государств-партнеров по НАТО и ЕС пыталась стать гарантом мира и безопасности для стран происхождения вооруженных конфликтов.

Бундесвер стал участвовать в решении задач по миротворчеству и поддержанию мира, а также в проведении реформы сектора безопасности. Германские военные действовали¹ в Афганистане (2001–2021), Ираке (с 2014 г.), воздушном пространстве Сирии (2016–2021), в Ливане (с 2006 г.), а также в Сомали (2010–2018), Мали (2013–2024), Нигере (2018–2024). Следует подчеркнуть, что как минимум де-юре речь во всех перечисленных случаях шла исключительно о небоевых (несиловых) формах применения бундесвера. Германия отказалась в военном отношении участвовать в наземном вторжении «коалиции желающих» во главе с США и Великобританией в Ирак (2003), военно-воздушной операции группы стран-участниц НАТО против Ливии (2011), а также планировавшихся США ударах ВВС по Сирии (2013) [10]. Данной

¹ Страны даны в их расположении с востока на запад; сначала – в Азии, затем в Африке. – *Прим. авт.*

тенденцией ФРГ стремилась создать на Глобальном Юге свой образ как стратегически взвешенного игрока, который заметно более осторожно, чем другие «западные державы» (США, Великобритания, Франция) подходил к силовому применению вооруженных сил.

Однако положительный эффект оказался к середине 2020-х годов в существенной мере сведен на нет из-за недостаточной результативности усилий ФРГ, ее западных партнеров по урегулированию вооруженных конфликтов на Среднем и Ближнем Востоке, в Африке севернее экватора. Значимое проявление тому – итоги работы переговорных форматов, в функционировании которых Германия играла заметную роль. Так, длительное время считавшийся успешным Боннский процесс по Афганистану (2001–2005) был обнулен в ходе экстренной эвакуации контингентов стран-участниц НАТО, в т. ч. самой ФРГ, последовавшего прихода к власти «Талибана» (2021). «Группа друзей Сирии» (2012–2014) и «Малая группа по Сирии» (2018–2020)¹ не сумели решить стоявших перед ними задач по продвижению влияния в САР «умеренной» оппозиции. Германия наряду с Францией стала гарантом для межмаллийских – между официальным Бамако и восставшими туарегами – соглашений о прекращении огня и примирении (2015). Однако последние не были выполнены, прекратили существовать де-факто и де-юре в начале 2020-х годов. Берлинская конференция по Ливии (с 2020 г.; наиболее активная фаза работы – до 2022 г.) сумела добиться прекращения огня. Однако на практике конфликт остается далеким от урегулирования: об этом свидетельствуют непроведение выборов президентов (должны были состояться еще в декабре 2021 г.), вновь вспыхивающие в мае 2025 г. боестолкновения. Данные положения болезненны для ФРГ, учитывая ту направляющую роль, которую она провозгласила для себя в рамках переговорного формата по Ливии [9].

Как результат у Германии к середине 2020-х годов заметно сократился набор политико-дипломатических тактик, с помощью которых она пытается сохранять и укреплять свое стратегическое влияние на Глобальном Юге.

¹ В скобках приведены даты фактической работы данных форматов. – *Прим. авт.*

Региональные турне канцлера

Как имиджево, так и содержательно значимой формой развития контактов ФРГ со странами Глобального Юга выступали региональные (в случае Африки иногда трансрегиональные) политические турне канцлера. Глава правительства обычно посещал поочередно три государства (иногда – два; редким явлением был визит в четыре и более стран). В ходе турне канцлер обычно совершал визиты в две категории государств: те, что имели развитые отношения с Германией и в углублении кооперации с которыми Берлин был особенно заинтересован. Представители первой категории часто были срединными (Нигер во время турне мая 2022 г.) или завершающим (Катар в поездке О. Шольца сентября 2022 г.).

В легислатуру О. Шольца (3,5 года) глава правительства ФРГ провел пять региональных турне на Глобальном Юге. Географически три из них – в Африке (притом ни разу одна и та же страна не повторялась в списке посещенных), по одному – на Ближнем Востоке и Латинской Америке (таблица). Хронологически на 2022 г. пришлось две региональных поездки, а на 2023 г. – три таковых. В 2024 г. не состоялось ни одной. Данный факт отражал росшее фокусирование Германии на «сдерживании» России, т.е. стремление Берлина резко укрепить позиции и партнеров по Западу в рамках Глобального Севера. Данная сосредоточенность должна была среди прочего компенсировать и отчасти информационно ретушировать те возраставшие трудности, которые возникли у ФРГ в ее стремлении сохранить и укрепить свое влияние на Глобальном Юге.

Региональные турне могли иметь следующие направленно-сти, одна из которых преобладала:

- продемонстрировать наличие уже имеющихся сильных позиций, готовности и способности их укреплять далее (поездка в Африку мая 2022 г.);

- стремление восстановить утраченные в недавнем прошлом объемы и качество сотрудничества (турне по монархиям Аравийского п-ова в сентябре 2022 г. и крупнейшим странам Латинской Америки января 2023 г.);

- попытаться обеспечить влияние в регионах, где до того оно было незначительным (оба посещения О. Шольцем групп стран Африки в 2023 г.).

**График визитов канцлера О. Шольца
в страны Глобального Юга¹**

Страна/год	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Африка			
Гана		28.10–29.10.	
Кения		5.05–6.05.	
Нигер	22.05–23.05.		
Нигерия		30.10.–31.10.	
Сенегал	22.05.		
Эфиопия		4.05–5.05.	
ЮАР	24.05.		
Ближний Восток			
Египет	7.–8. 11. (Конференция ООН по климату)	18.10.	
Иордания			17.03.
Катар	25.09.		
ОАЭ	24.09.–25.09.	1.12. (Конференция ООН по климату)	
Саудовская Аравия	24.09.		
Южная Азия			
Индия		24.02–26.02; 9.09–10.09. (саммит G20)	24.10–26.10.
Латинская Америка			
Аргентина		28.01.–29.01.	
Бразилия		30.01–31.01.	18.11.–19.11. (саммит G20)
Чили		30.01.	

Построено на основе: [19; 20; 22; 27; 28].

Результативность конкретных турне заметно различалась. В ходе поездки в *Африку мая 2022 г.* О. Шольц стремился обеспечить поставки нефти и газа из Сенегала в ЕС (в условиях отказа от недорогих российских углеводородов), подчеркнуть продвинутость отношений с ЮАР [27], особенно с учетом ее участия в БРИКС. Де-факто во многом в противовес этому О. Шольц при-

¹ За январь – начало мая 2025 г. данные не представлены, т. к. в это время О. Шольц не посещал страны Глобального Юга. – *Прим. авт.*

гласил южноафриканского президента С. Рамафосу в качестве специального на саммит *G7* (состоялся в июне 2022 г. в ФРГ). Но главным для Берлина было продемонстрировать сам факт наличия военного присутствия на африканском континенте. В конце 2010-х годов таковое наличествовало в двух регионах: в зоне Африканского рога (в Сомали, сопредельном Аденском заливе) и в Сахаро-Сахельском регионе (прежде всего, в Мали и Нигере). По состоянию на весну 2022 г. данная система резко сузилась географически и функционально, что главной причиной имело ограниченную результативность усилий бундесвера по урегулированию вооруженных конфликтов. Официальный Берлин свернул участие в миссиях ЕС, ответственных за подготовку кадров армии Сомали (*EUTM Somali*, 2010–2018 гг.¹) и борьбу с пиратством в Аденском заливе (*Atalanta*, 2008–2022 гг.). Берлин считал, что на обоих треках, особенно втором, наметился существенный прогресс. Вместе с тем на практике сложно утверждать о прохождении «точки невозврата». Решение вывести контингенты власти ФРГ – соответственно IV кабинет А. Меркель и правительство О. Шольца – принимали без лишней огласки, см.: [11, S. 2–6], притом это было инициативное решение Германии в национальном качестве (обе миссии продолжили функционировать).

Иначе складывалась ситуация в Сахаро-Сахельском регионе. В Мали с апреля 2022 г. ФРГ совместно с другими странами-участницами ЕС приостановила деятельность военных инструкторов *EUTM Mali* вынужденно – под влиянием новых властей в Бамако [14, S. 6–9]. Германия участвовала в многосторонних усилиях по стабилизации обстановки в Мали с 2013 г. (по линии как *EUTM Mali*, так и миротворческой миссии ООН *MINUSMA*). Во второй половине 2010-х годов суммарная численность двух контингентов бундесвера возросла, приблизившись к 1,5 тысячам солдат и офицеров [21, S. 4–8]. По этому показателю среди стран – участниц ЕС Германия стала занимать второе место после Франции (бывшей метрополии, главного вкладчика военных усилий в регионе Сахеля со стороны Запада). Соответственно, совместно с Парижем Берлин нес ответственность за то, что отряды боевиков радикальных НВФ сумели частично перегруппироваться в конце 2010-х годов с севера на юг Мали, сопредельные районы Буркина-Фасо, вступили здесь в симбиотические связи с силами оргпреступности, резко

¹ Здесь и далее для миссий указаны даты участия бундесвера в них. – Прим. авт.

усилили свой потенциал и террористическую активность в отношении гражданского населения и военных Мали [31, S. 6–11]. На таком фоне последние отстранили от управления прежнее руководство и провозгласили себя переходными властями (в августе 2020 г. и в более полной форме в мае 2021 г.). В январе 2022 г. это же произошло и в Буркина-Фасо. Новые власти в Бамако подчеркивали, что усилила Францию и ее европейских союзников неэффективны, призвали свернуть присутствие Пятой республики, а также деятельность миссии ЕС (с учетом ограниченной эффективности и того, что в ней были представлены лишь страны Запада). Ликвидация одной из опор военного присутствия Германии в Мали означало резкое ослабление ее позиций в целом в странах так называемой «сахельской пятерки» (*G5 Sahel*, также Буркина-Фасо, Нигер, Мавритания, Чад). Вместе с тем, по состоянию на весну 2022 г. малийские военные не выступали с жесткой критикой сил *MINUSMA* (в основном ее комплектовали контингенты африканских стран, а из числа европейских крупнейшим вкладчиком имела именно ФРГ) [14, S. 4–9].

На таком фоне в конце мая 2022 г. О. Шольц в рамках трансрегионального турне прибыл в Нигер и посетил расположение контингента германских инструкторов в составе миссии ЕС *Gazelle* (с 2018 г.; порядка 200 человек личного состава [27]). Ее важнейшая задача – подготовка отрядов полиции (по сути, с военным оснащением), способных вести борьбу с радикальными НВФ, силами оргпреступности. Указав на встрече с президентом М. Базумом восприятие Нигера как «демократии», О. Шольц обозначил германский контингент миссии *Gazelle* как инструмент «борьбы за демократию». Для ФРГ было крайне подчеркнуть сохранение неизменным военного присутствия в Нигере в увязке с тогдашним стремлением продолжать использовать военнотружеников в составе сил *MINUSMA* [27].

Одновременно канцлер крайне жестко высказался о российских военных добровольцах, которые по просьбе официального Бамако включились в борьбу с международным терроризмом в Мали. О. Шольц назвал их «наемниками», безосновательно обвинил в неких многочисленных преступлениях против мирных граждан [27]. Тем самым не только в Европе, но и в Африке, т.е. части Глобального Юга, Берлин четко демонстрировал свою последовательную готовность «сдерживать» РФ. Данная линия не могла не вредить имиджу ФРГ как взвешенного игрока, тем самым заметно усиливала критическое отношение к ней. Наиболее отчетливо это

проявилось именно в Сахеле. В июле 2023 г. в Нигере вслед за южным соседом к власти пришли военные. Они потребовали от ведущих «западных демократий» вывести их войска: это относилось не только к Франции и США, но и Германии. Заметно ухудшилось отношение к контингенту бундесвера в составе *MINUSMA* и со стороны официального Бамако. В начале мая 2023 г. власти ФРГ впервые в практике использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО заявили о последнем продлении на год мандата контингента в Мали [15, S. 3–4]. К весне 2024 г. был выведен не только он, но и германские военные инструкторы из Нигера [30].

Тем самым всего через год после трансрегионального турне О. Шольца по Африке намечилось критическое ослабление военного присутствия ФРГ в Сахеле, тем самым на континенте в целом: именно этого канцлер стремился не допустить, совершая свою поездку в мае 2022 г.

На таком фоне в *мае 2023 г.* О. Шольц побывал в государствах вблизи Сомали (но отнюдь не самой данной стране), где Берлин без видимого внутреннего воздействия свернул военное присутствие. Компенсировать данную утрату позиций Берлин пытался, демонстрируя заметное улучшение отношений с Эфиопией (с конца 2010-х годов) и наличие достаточно доверительного диалога с Кенией [22]. В случае Аддис-Абебы ФРГ приветствовала поправление руководства, избрание премьер-министром А.А. Абия (2018), переход в оппозицию пребывавшего у власти с 1991 г. «Народного фронта освобождения Тыграя» (НФОТ). В ходе вооруженного конфликта между НФОТ и официальной Аддис-Абебой (2020–2022) Берлин обозначал солидарность с последней, но воздерживался от оказания ей какой-либо практической, особенно военной, поддержки. Де-факто не участвуя в урегулировании конфликта, Германия по его завершении попыталась обозначить себя как одного из миротворцев: О. Шольц в мае 2023 г. в Эфиопии провел встречу с А.А. Абием, губернатором провинции Тыграя и президентом страны [22]. Однако в отношениях с Эфиопией турне (2023) О. Шольца во многом не дало ожидаемых результатов, поскольку в октябре 2024 г. на саммите БРИКС, который проходил в России, было объявлено о присоединении Эфиопии к объединению. Президент Эфиопии посетил парад в Москве 9 мая 2025 г. в честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Тем самым вопреки пожеланиям официального Берлина эфиопское руководство демонстрировало неготовность соучаствовать в попытках бойкотировать Россию.

В ходе турне в Восточную Африку 4–6 мая 2023 г. канцлер уделял особое внимание контактам с аппаратом Африканского союза (АС; штаб-квартира в Аддис-Абебе). Благодаря сотрудничеству с АС в области миротворчества Германия рассчитывала сохранить точечное военное присутствие в Южном Судане [22] («потолок» контингента – до 50 военнослужащих, реальная численность была ниже [13, S. 2–3]), а в будущем – вновь развертывать контингенты в зонах нестабильности (так, поддержка Африканского союза была крайне важна для ФРГ в Мали в 2013–2023 гг.). Примечательно, что на пресс-конференциях О. Шольц сосредоточился на сотрудничестве ФРГ с АС, но обошел вниманием перспективы использования «треугольника» ЕС – ООН – АС. Данному формату в германском внешнеполитическом планировании еще в начале 2020-х годов уделялось повышенное внимание. Однако неудачи с использованием «треугольника» в Мали снизили к нему публичное внимание Берлина. Это было его косвенным признанием роста критического отношения к ЕС, его странам-участниц в Африке.

В *октябре 2023 г.* О. Шольц осуществил еще одного турне в Африку – в этот раз не Восточную, но Западную. Канцлер посетил Гану и Нигерию, притом в каждой провел по два дня (а не одному) [18], стремясь укрепить влияние ФРГ в регионе на фоне скорой неизбежной утраты военного присутствия в Мали и Нигере. Однако и данная поездка дала ограниченные результаты. Нигерия, располагавшая достаточно сильным военным потенциалом, но скованная борьбой с «Боко Хорам»^{*1} («Западной провинцией Исламского государства»^{*}), традиционно рассматривала США важнейшим партнером, а связи с европейскими партнерами носили скорее точечный характер. Поездка О. Шольца не изменила данного положения, в целом не позволила ФРГ найти новых возможностей для полноценного стратегического присутствия в Западной Африке взамен утрачиваемых. См., например: [18]. На фоне вывода германских войск из двух стран Сахеля к весне 2024 г. в последующие полтора года не происходило новых региональных турне канцлера в Африку.

Основными задачами в ходе поездки О. Шольца в ведущие монархии Аравийского п-ова в *сентябре 2022 г.* выступали: договориться о поставках дополнительных объемов углеводородов в ЕС и восстановить доверие в диалоге ФРГ и КСА. Последнее было

¹ Здесь и далее (*) – запрещенные в России организации.

утрачено в конце 2010-х годов, когда кабинет А. Меркель неоднократно вводил полугодовые эмбарго на военный экспорт в Саудовскую Аравию (до того он был объемным, включал широкую номенклатуру наземной и морской техники) с целью побудить ее и партнеров по ССАГПЗ отказаться от продолжения боевых действий в Йемене. Берлин опасался, что данная борьба с местными хуситами, дружественными Ирану, может привести к полноценному региональному конфликту с участием официальных Эр-Рияда и Тегерана. В свою очередь, власти КСА фактически расценили эмбарго со стороны ФРГ как попытки вмешиваться во внешнюю политику Саудовской Аравии. Весной 2021 г. на фоне решения администрации Дж. Байдена прекратить поддержку действий коалиции ССАГПЗ в Йемене последняя прекратила здесь боевые действия. В ходе поездки 24–25 сентября 2022 г. О. Шольц стремился подчеркнуть уважение к КСА (оно стало открывающей страной в ходе турне), побудить к восстановлению качества диалога с ФРГ, демонстрируя высокое таковое в отношениях не только с ОАЭ, но и Катаром См.: [19]. Однако сложно утверждать, что данная задача была достигнута. Это тем более примечательно, что ФРГ в феврале 2024 г. направила контингент («потолок» – 700 военнослужащих) [12, S. 2–4] в состав военно-морской миссии ЕС *Aspides* в Красном море, стремясь оказать помощь ВМС США и Великобритании в их борьбе с йеменскими хуситами. Тем самым в открытую борьбу с ними как элементом «оси сопротивления» Ирана включился Берлин. Напротив, уже Эр-Рияд не стал действовать симметрично. Контингент бундесвера не внес какого-либо заметного вклада в ослабление потенциала хуситов. См.: [12, S. 4–6]. Последней цели не сумели достичь основные участники – ВМС США и Великобритании.

«Разморозка» палестино-израильского конфликта (с 7 октября 2023 г.) – сухопутная атака боевиков ХАМАС и особенно продолжительная масштабная наземная операция ЦАХАЛ в секторе Газа – потенциально должна была привести к интенсификации региональных турне канцлера на Ближнем Востоке с целью урегулирования. Действительно, в середине октября 2023 г. руководство ФРГ осуществляло двусторонние консультации с высшими должностными лицами ряда арабских стран и, прежде всего, Израиля. Так, в первый месяц канцлер провел телефонные консультации с эмиром Катара (12 октября), переговоры в Берлине с королем Иордании (17 октября), уже в Каире – с президентом Египта (18 октября), созвонился с президентом ОАЭ (25 октября) и премьер-

министром Ирака (3 ноября) [10]. Перечисление данных стран составляло основу фокусных партнеров ФРГ в регионе; показательное отсутствие в нем Саудовской Аравии, свидетельствуя о неудачном результате поездки О. Шольца в монархии Аравийского п-ова (сентябрь 2022 г.). Притом уже 8 и 14 октября, 1 ноября О. Шольц созванивался с премьер-министром Б. Нетаньяху, а 17 октября 2023 г. прибыл в Тель-Авив.

Однако, несмотря на повышенную политико-дипломатическую активность ФРГ в связи с «разморозкой» палестино-израильского конфликта, новых региональных турне не состоялось ни в 2023 г., ни в 2024 г. Почему? Официальный Берлин подчеркивал свою солидарность с Тель-Авивом, указывая, что «безопасность Израиль – государственная забота Германии» и «место Германии – твердо на стороне Израиля» [17]. Декларируя восприятие ХАМАС и «Хезболлы» как террористических группировок, одновременно Берлин стал с весны 2024 г. выступать за скорейшее прекращение наступления ЦАХАЛ в Газе, а на фоне операций ВС Израиля в Ливане (сентябрь – ноябрь 2024 г.) был против удержания Тель-Авивом территорий последнего. Кроме того, ФРГ вновь стала декларировать приверженность принципу «два государства для двух народов» как единственного способа урегулировать палестино-израильский конфликт. Для того, чтобы подчеркнуть приверженность данным подходам, канцлер Германии мог бы совершить турне с посещением официального Бейрута, Иордании, Египта (каждый из них был весьма дружественны к ФРГ), провести переговоры с представителями Палестинской национальной автономии. Однако такая поездка организована в 2024 – первом полугодии 2025 гг. не была; состоялся лишь визит О. Шольца в Хашимитское королевство (таблица 1). Данный факт отражал как стремление Германии резко не ухудшить отношений с Израилем, так и общую ограниченность стратегических возможностей Берлина на Ближнем Востоке, в т. ч. в деле урегулирования «палестинской проблемы».

Дипломатический бойкот оппонентов Запада

ФРГ пыталась укрепить свои позиции в регионе через подписание к «сдерживания» ИРИ. Если в конце 2010-х годов Берлин активно доказывал необходимость сохранить СВПД (на фоне выхода из соглашения Д. Трампа), то уже в 2022–2023 гг. приостановил

новил участие в соглашении, что иллюстрировало общую деградацию германо-иранского диалога.

31 октября 2024 г. власти Германии объявили решение закрыть все три генеральные консульства Ирана – в Гамбурге, Мюнхене и Франкфурте-на-Майне [24], что также означало высылку из ФРГ работавшего в них персонала из ИРИ. Данная провокационная мера была осуществлена без согласования с Тегераном. Свое решение ФРГ декларировала как ответ на казнь в ИРИ лица с двойным, в том числе германским, гражданством Дж. Шармахда, обвиненного в организации теракта в Ширазе (2008). Однако вердикт иранского суда представляется не только и не столько причиной, но поводом. Его руководство ФРГ использовало, чтобы осуществить чувствительную в практическом и имиджевом плане меру, превращать ИРИ в политического изгоя. Жесткостью давления в дипломатической сфере Берлин также стремился компенсировать низкую эффективность своего военного вклада в миссию ЕС *Aspides* (германский фрегат осенью 2024 г. был отозван на родину, без оперативной ротации, не сумев нанести какого-либо заметного урона потенциалу хуситов). Одновременно Германия уравнила число диппредставительств с Ираном: каждая из сторон на территории другой располагала лишь посольством.

Решение закрыть все три генеральных консульства ИРИ стало примером реализации тактики, которую ФРГ уже активно применяла в отношении другого, важнейшего, оппонента – России. 31 мая 2023 г. Германия объявила о закрытии четырех из пяти российских генеральных консульств (в Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне; оставлено лишь в Бонне), а затем – об окончании работы всех, кроме одного, своих генконсульств в РФ.

Последнюю практику ФРГ осуществляла также в странах происхождения конфликта на Глобальном Юге, откуда происходила эвакуация контингентов ВС Германии, ее западных партнеров, и где к власти приходили силы, не ориентированные на Запад. В 2021 г. в Афганистане МИД ФРГ был вынужден свернуть работу не только генконсульства в Мазари-Шарифе (на севере страны, где были сосредоточены основные усилия бундесвера), но и посольства в Кабуле. Германия не демонстрировала готовности возобновлять его работу и признавать движение «Талибан». Притом в самой ФРГ продолжают работу дипучреждения уже несуществующих ныне властей Афганистана, которые являлись адептами западного влияния. К весне 2024 г. прекратило функционировать германское генконсульство в Гао в Мали; этот город был местом дислокации

контингента бундесвера, который был выведен. При этом, данные шаги, в отличие от решений закрыть генконсульства РФ и ИРИ в ФРГ, германский МИД практически не освещал, так как это означало как минимум опосредованно признавать резкую утрату стратегического влияния. Как в отношении крупнейших системных оппонентов, так и конфликтогенных стран, где утвердились власти, не заинтересованные в военном присутствии Запада, Германия преследовала единую цель – обеспечить их политический бойкот, не признавала в принципе их демократическими.

Функционирование форматов межправительственных консультаций с Бразилией и Индией

Главной задачей латиноамериканского турне О. Шольца (январь 2023 г.) являлось восстановление качества политического диалога с Бразилией середины 2010-х годов. Поездка в Латинскую Америку состоялась уже в первый месяц после вступления в должность президента Бразилии Л. да Силвы. Заметный спад в диалоге наблюдался после отстранения от власти Д. Русеф и особенно при Ж. Болсонару. Он демонстрировал солидарность с 45-м президентом США Д. Трампом, который избрал ФРГ объектом для противодействия внутри Евро-Атлантического сообщества. Деградацию отношений с Бразилией Берлин стремился компенсировать активизацией контактов с Аргентиной и Чили. Однако достигнутые здесь результаты не смогли в принципе заменить утрат диалога с официальным Бразилиа, подчеркивая его безальтернативность как ключевого партнера для ФРГ. Тем не менее, посещая сначала Аргентину и Чили в январе 2023 г., канцлер Германии стремился подчеркнуть диверсифицированность стратегических контактов в Южной Америке, дополнительно побудить Бразилию перезапустить диалог. Берлин сумел добиться успеха.

Ключевой иллюстрацией тому стала договоренность О. Шольца и Л. да Силвы на переговорах 30 января 2023 г. о возобновлении работы формата межправительственных консультаций [20]. В июле 2015 г. при Д. Русеф была проведена первая встреча в данном формате. Предполагалось, что он будет собираться с двухгодичной частотностью [5, с. 73]. В реальности вторые переговоры в формате состоялись 4 декабря 2023 г. [29], т.е. спустя более чем восемь лет, что отражало неустойчивую динамику межгосударственного сотрудничества. Первые межправитель-

ственные консультации (2015) прошли в Бразилиа, вторые (2023), в соответствии с очередностью, – в Берлине.

Содержательно стороны наибольшее внимание уделяли торгово-хозяйственным и экологическим сюжетам [20; 29]. Не в пример диалогу до конца 2010-х годов в переговорах на высшем уровне заметно *большим* стал удельный вес политических вопросов. Это обусловлено прежде всего тем, что Берлин настойчиво стремился к секьюритизации переговорной повестки, стремясь втянуть страны Глобального Юга в конфронтацию с Россией.

На встречах с Д. да Сильвой О. Шольц последовательно указывал, что СВО является не европейским сюжетом, а затрагивает всех игроков в мире. Канцлер ФРГ безосновательно обвинял РФ в приверженности «империалистическим традициям» [20; 29]: данная формулировка была весьма чувствительна для стран Глобального Юга, учитывая длительное пребывание их территорий в качестве колоний и полуколоний. Однако Россия, в отличие от держав Западной Европы, в том числе Германии, никогда не имела колоний. Напротив, Отечество всячески содействовало в прошлом и настоящем процессам деколонизации, национально-освободительной борьбы. Тем самым О. Шольц стремился искусственно противопоставить Россию странам Глобального Юга, приписать ей агрессивную природу внешней политики, которая реально не присуща Отечеству в принципе. Со своей стороны ФРГ подчеркивала восприятие Бразилии как «демократии», общее участие в работе *G20*.

Германия пыталась предельно ослабить сотрудничество Бразилии с Россией, особенно в рамках БРИКС. Цель-максимум – вовлечь Бразилиа политически и экономически в осуществление мер по «сдерживанию» РФ. Одна из задач-минимум для Германии – интенсифицировать свою кооперацию с Бразилиа в вопросе совместной, в том числе в рамках *G4* (также с участием Индии и Японии), борьбы за постоянные места в Совете Безопасности ООН. Новым в движении в данном направлении являлось желание Берлина увязать его с порицанием России на площадках Совета Безопасности и Организации Объединенных Наций.

На межправительственных консультациях 4 декабря 2023 г. Л. Да Силва подверг критике всех постоянных членов СБ ООН, включая США, Великобританию и Францию. Президент Бразилии указал, что именно они ответственны за «мир во всем мире. Однако именно эти страны производят больше всего оружия, продают его и ведут войны, даже не уведомляя об этом Совет Безопасно-

сти» [29]. Тем самым Л. да Сильва выразил недовольство, прежде всего в отношении ведущих «западных демократий», а не только и, главное, не столько России. Бразильский президент призвал скорее урегулировать конфликт на Украине с учетом интересов всех сторон, подчеркивал готовность скорее и полнее использовать для этого политико-дипломатические возможности [20; 29]. Формально О. Шольц соглашался с этим, однако фактически такой подход противоречил линии Берлина: в реальности он считал необходимым оттягивать переговоры, истощая Россию как можно сильнее.

Формат межправительственных консультаций у Германии наличествовал с двумя странами Глобального Юга – помимо Бразилии также с Индией. С Нью-Дели данная площадка была создана еще в 2011 г. (с Бразилиа – в 2015 г.), на середину 2020-х годов работала без сбоев с заданной двухгодичной частотностью. Очередная, 7-я по счету, встреча прошла в Индии 25–26 октября 2024 г. [32]. Показательно, что в начале 2020-х годов средняя частота посещений канцлером страны была ежегодной; притом поездки обычно продолжались два дня (а не день), и проходили вне региональных турне (таблица 1). Ф. Мерц созвонился с премьер-министром Н. Модии в течение двух недель по вступлении в должность канцлера, притом стороны договорились о посещении Индии главой кабинета ФРГ [16]. Это произошло на фоне весьма ограниченных контактов Ф. Мерца в первые месяцы его пребывания у власти с руководством стран Глобального Юга в целом. Тем самым Германия подчеркивала особое внимание к диалогу с Индией.

Переговорная повестка с ней демонстрировала ту же эволюцию, что и с Бразилией. Существенную часть объема продолжали составлять торгово-хозяйственные и экологические сюжеты (энергетические практически не присутствовали, так как Индия, как и Бразилия, импортировала углеводороды). Одновременно наблюдалась секьюритизация содержания переговоров. В отношении Нью-Дели, как и Бразилиа, у Берлина наличествовал в основе тот же набор задач в вопросе выстраивания конфронтации с Россией. Германия подчеркнуто воспринимала Индию как крупнейшую по численности населения «демократию» в мире, встречая поддержку Нью-Дели в деле сотрудничества G4 с целью обрести постоянные места в СБ ООН. Притом Индия, как и Бразилия, не демонстрировала готовности ослаблять политические контакты с Россией, также призывала к скорейшему урегулированию «украинского вопроса» через поиск компромиссов [26; 32]. На практике данный

подход содержал заметные отличия от германского. Таковые де-факто наличествовали и в связи с «разморозкой» палестино-израильского конфликта. Формально и Германия, и Индия декларируют необходимость быстрее прекратить боевые действия [32]; де-факто ФРГ политически не препятствовала Израилю, особенно в первое полгода (до весны 2024 г.) при проведении ЦАХАЛ операций в секторе Газа.

По завершении межправительственных консультаций 25–26 октября 2024 г. О. Шольц побывал в порту Гоа на германских кораблях, которые участвовали в совместных с ВМС Индии и Индонезии учениях [25]. Это было второе, после посещения инструкторов в Нигере (май 2022 г.), прибытие канцлера в расположение контингента бундсвера в странах Глобального Юга. География размещения и состав военных в каждом случае символизировали, как изменялись стратегические приоритеты.

Не сумев стать результативным гарантом мира и безопасности для стран происхождения вооруженных конфликтов в Африке севернее экватора, на БСВ, ФРГ начала наращивать присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), прежде всего стремясь к «сдерживанию» КНР. См.: [4]. Тем самым не только в рамках Глобального Севера, но и Глобального Юга Германия выстраивает конфронтации с оппонентами, которые для «западных демократий» считаются системными. Притом логично, что во втором случае как масштабы, так провокационность форм политико-дипломатической и особенно военной активности ФРГ заметно ниже, чем в первом. Соответственно, бундсвер на Глобальном Юге стал развертывать преимущественно уже не наземные войсковые (сухопутные подразделения) и тренировочные (из инструкторов и советников), но, прежде всего, морские (и воздушные). Формально последние направлялись в ИТР для участия в много- и двусторонних учениях, с заходами в порты партнеров [6, с. 233–235]. В данной связи особую практическую ценность для ФРГ приобрела Индия [25]. Не только военное сотрудничество с ней, но и формализованное политическое (прежде всего, использование механизма межправительственных консультаций) Берлин во многом рассматривает как образец для углубления диалога в сфере безопасности и обороны с Бразилией.

На важнейшего партнера как в Южной Азии, так и Латинской Америки указывало функционирование в диалоге с ним формата межправительственных консультаций. Вместе с тем такой ФРГ не создала ни с одним из арабских государств (лишь с Израи-

лем), ни с одной из стран Африки [8]. Данный факт отражал реальное (а не декларируемое) отношение Берлина к большинству акторов Глобального Юга, а также указывал на пределы стратегических возможностей ФРГ на Ближнем Востоке и в Африке. На середину 2020-х годов на практике Берлин не рассматривал крупнейшие арабские и африканские страны в числе наиболее приоритетных партнеров, косвенно подчеркивал, что они уступали Германии по экономическому потенциалу и стратегическим возможностям, не был готов и (или) способен стабильно развивать с ним долгосрочное полномасштабное сотрудничество.

* * *

На середину 2020-х годов сократился набор политико-дипломатических тактик, которые ФРГ могла использовать, чтобы сохранять и укреплять свое влияние. Причины этого кроются не только в том, что Германия, ее партнеры по ЕС и НАТО не сумели выработать схем урегулирования вооруженных конфликтов, которые были бы результативны. Для Берлина это сужало возможность использовать имевшиеся и создавать новые профильные переговорные форматы, а также организовывать региональные турне канцлера. В сопоставлении с прошлой «холодной войны» и периодом 1990-х – 2010-х годов ФРГ стала заметно отчетливее подчеркивать свою принадлежность к Евро-Атлантическому сообществу. Политический диалог со странами Глобального Юга, в т. ч. крупнейшими, Берлин к середине 2020-х годов выстраивал сквозь призму необходимости «сдерживать» Россию, а также в целом системных для Запада оппонентов. Данная тенденция также стала ограничивать возможности для региональных турне канцлера, вела к секьюритизации переговорной повестки, что четко проявилось в работе форматов межправительственных консультаций Германии с Бразилией и Индией.

Географически на начало 2020-х-годов в рамках Глобального Юга на Ближний и Средний Восток, Африку севернее экватора приходился основной объем стратегической активности ФРГ. В середине десятилетия он сократился, притом наиболее заметной стала деятельность Германии уже не в условном центре Глобального Юга, а на флангах – в Южной Азии и Латинской Америке, прежде всего сотрудничество с Индией и Бразилией соответственно. С Нью-Дели начало развиваться сотрудничество вооруженных сил, особенно ВМС, которое имеет заметные перспективы.

В середине 2020-х годов Берлин стоит перед необходимостью серьезно обновить стратегию взаимоотношений со странами Африки, арабскими государствами Ближнего Востока. При этом фокусирование на «сдерживание» России, в том числе проводимая в данном контексте милитаризация ФРГ заметно уменьшает те ресурсы, которые она бы могла задействовать на Глобальном Юге. Так, планируемый при Ф. Мерце масштабный рост военных расходов будет сказываться на возможностях Германии как донора по предоставлению ОПР.

Список литературы

1. Арзаманова Т.В. «Императив стратегической деконструкции»: изменение стратегической культуры и ментальности как рамочные условия формирования новой идентичности германии // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 1. – С. 173–195.
2. Братерский М.В. Введение. Поиск Западом своего места и роли в меняющемся мире // Актуальные проблемы Европы. – 2025. – № 2. – С. 7–21.
3. Котов А.В. Африканский вектор внешнеэкономической политики Германии // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – № 12. – С. 72–79.
4. Сидоров А.Ю. Отношения США и Китая при администрации Дж. Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 4. – С. 27–48.
5. Трунов Ф.О. Бразильское направление линии ФРГ на мировой арене: политико-военные аспекты // Латинская Америка. – 2021. – № 3. – С. 65–78.
6. Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 4. – С. 223–239.
7. Трунов Ф.О. «Прецедентная дипломатия» Г. Коля // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. – 2017. – № 4. – С. 93–97.
8. Трунов Ф.О. Теория и практика функционирования форматов межправительственных консультаций: кейс ФРГ // Вестник международных организаций. – 2024. – № 2. – С. 55–68.
9. Трунов Ф.О. Участие ФРГ в форматах урегулирования конфликтов в Азии и Африке // Общественные науки и современность. – 2025. – № 1. – С. 67–80.
10. Трунов Ф.О. Эволюция политического и военного влияния ФРГ на Ближнем Востоке (на начало 2020-х годов) // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – № 6. – С. 108–118.
11. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten EU NAVFOR Somalia Operation Atalanta. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/27662. – 2021. – 17.03.–8 S.
12. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation European Un-

- ion Naval Force ASPIDES (EUNAVFOR ASPIDES). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/14044. – 2024. – 04.12. – 8 S.
13. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Mission der Vereinten Nationen in der Republik Südsudan (UNMISS). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/14045 – 2024–04.12. – 8 S.
 14. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. – 2022. – 11.05. – 12 S.
 15. Antrag der Bundesregierung. Letztmalige Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/6655. – 2023. – 03.05. – 12 S.
 16. Bundeskanzler Merz telefoniert mit Premierminister von Indien, Modi // Bundeskanzleramt. – 2025. – 20.05. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-merz-telefoniert-mit-premierminister-von-indien-modi-2348848> (дата обращения: 1.08.2025).
 17. “Deutschlands Platz ist fest an der Seite Israels” // Bundeskanzleramt. – 2023. – 19.10. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/regierungserklaerung-scholz-2231140> (дата обращения: 1.08.2025).
 18. Die Bundeswehr im Einsatz // Bundeswehr. – 2025. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/auftrag/einsaetze/missionen> (дата обращения: 1.08.2025).
 19. Drei Golfstaaten in zwei Tagen // Bundeskanzleramt. – 2022. – 25.09. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/bk-reise-golfstaaten-2129104> (дата обращения: 1.08.2025).
 20. Exzellente Beziehungen zu Lateinamerika weiter ausbauen // Bundeskanzleramt. – 2023. – 31.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/scholz-in-lateinamerika-2160952> (дата обращения: 1.08.2025).
 21. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. – 2019. – 03.04. – 12 S.
 22. Für einen neuen Aufbruch im Nord-Süd-Verhältnis // Bundeskanzleramt. – 2023. – 6.05. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/kanzler-aethiopien-kenia-2187534> (дата обращения: 1.08.2025).
 23. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel / Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. – Berlin: SWP, 2018. – 52 S.
 24. Iran: Außenministerin Baerbock zu den Folgen der Ermordung Jamshid Shadmahds // Auswärtiges Amt. – 2024. – 31.10. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2682642-2682642> (дата обращения: 1.08.2025).
 25. Kanzler würdigt Arbeit Deutscher Marine // Bundeskanzleramt. – 2024. – 26.10. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/kanzler-in-go-a-2317714> (дата обращения: 1.08.2025).
 26. “Mit Indien verbinden uns die grundlegenden Werte der Demokratie” // Bundeskanzleramt. – 2023. – 25.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/interview-times-of-india-2167952> (дата обращения: 1.08.2025).

27. Partnerschaften auf dem afrikanischen Kontinent ausbauen // Bundeskanzleramt. – 2024. – 24.05. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/bundeskanzler-scholz-in-afrika-2041830> (дата обращения: 1.08.2025).
28. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem nigerianischen Präsidenten Bola Ahmed Tinubu am 29. Oktober 2023 in Abuja // Bundeskanzleramt. – 2023. – 29.10. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-nigerianischen-praesidenten-bola-ahmed-tinubu-am-29-oktober-2023-in-abuja-2233816> (дата обращения: 1.08.2025).
29. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Präsident da Silva zu den deutsch-brasilianischen Regierungskonsultationen am 4. Dezember 2023 in Berlin // Bundeskanzleramt. – 2023. – 4.12. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-praesident-da-silva-zu-den-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-4-dezember-2023-2247178> (дата обращения: 1.08.2025).
30. Rede von Bundeskanzler Scholz bei der zentralen Abschlussveranstaltung der Bundeswehr nach Ende der UN-Mission in Mali // Bundeskanzleramt. – 2024. – 11.04. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-bei-der-zentralen-abschlussveranstaltung-der-bundeswehr-nach-ende-der-un-mission-in-mali-2270716> (дата обращения: 1.08.2025).
31. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080. – 2020. – 25.03. – 20 S.
32. Zusammen wachsen – mit Innovation, Mobilität und Nachhaltigkeit // Bundeskanzleramt. – 2024. – 26.10. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/kanzler-in-indien-2316966> (дата обращения: 1.08.2025).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

МИХЕЛЬ И.В.* ВАНДАНА ШИВА И «НАВДАНИЯ» НА ЗАЩИТЕ СЕМЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА: БОРЬБА ЗА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Аннотация. В Индии проблемы продовольственной безопасности находятся в центре внимания не только властей, но и широкой общественности. Важную роль играют экологические общественные движения, в частности движение «Навдания» (Девять семян), выступающее за сохранение биоразнообразия и семенного суверенитета. Его лидер, ученый и общественный деятель Вандана Шива, связанная с международным движением антиглобалистов, в своих исследованиях анализирует последствия глобализации для продовольственных систем стран третьего мира. Ей удалось вскрыть хищническую роль глобальных корпораций, обещающих накормить «голодные страны» Юга с помощью своей высокотехнологичной сельхозпродукции, но в реальности занятых грабежом местных биоресурсов и традиционных знаний. Начиная с 1980-х годов под эгидой «Навданий» Шиве удалось мобилизовать силы индийской общественности и противопоставить био-империализму и био-пиратству корпоративного капитализма био-демократию традиционного крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: глобализация; глобальные корпорации; движение антиглобалистов; Индия; Вандана Шива; «Навдания»; биоразнообразие; биопиратство; продовольственная безопасность; семенной суверенитет.

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

MIKHEL I.V. Vandana Shiva and “Navdanya” on Seed Sovereignty Protection: The Struggle for Food Security in Contemporary India

Abstract. In India, food security issues are the focus of attention not only for the authorities but also for the general public. Environmental social movements play an important role, in particular the Navdanya (Nine Seeds) movement, which advocates for the preservation of biodiversity and seed sovereignty. Its leader, scientist and social activist Vandana Shiva, who is associated with the international anti-globalization movement, analyzes the consequences of globalization for the food systems of third world countries in her research. She has succeeded in exposing the predatory role of global corporations that promise to feed the “hungry countries” of the South with their high-tech agricultural products, but are in fact engaged in plundering local biological resources and traditional knowledge. Since the 1980 s, under the auspices of Navdanya, Shiva has managed to mobilize the Indian public and oppose the bio-imperialism and bio-piracy of corporate capitalism with the bio-democracy of traditional peasant farming.

Keywords: globalization; global corporations; anti-globalization movement; India; Vandana Shiva; Navdanya; biodiversity; biopiracy; food security; seed sovereignty.

Для цитирования: Михель И.В. Вандана Шива и «Навдания» на защите семенного суверенитета: борьба за продовольственную безопасность в современной Индии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 128–148. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.08

В настоящее время Индия остается страной с наиболее многочисленным в мире крестьянством. Из 1,46 млрд ее жителей на период 2025 г. более 900 млн (65% населения) живут в деревне и заняты в сельском хозяйстве. Не единожды пережив голод, засухи и иные бедствия в прошлом, индийские крестьяне хорошо знают цену продовольственной безопасности. Они все еще хранят память о голоде, который опустошал страну в годы британского правления¹, и отдают себе отчет в том, что его причиной были не только природные катаклизмы, но и британская политика продовольст-

¹ О голоде в Британской Индии во второй половине XIX в. см.: [9].

венных реквизиций, из-за которой в 1942–1943 гг. в Бенгалии погибло от 4 до 5 млн человек¹.

Примечательной особенностью Индии является то, что вопрос о продовольственной безопасности является делом не только властей страны, но и широкой общественности – рядовых общественно-политических деятелей и гражданских активистов, постоянно или подолгу проживающих в сельской местности и потому хорошо знающих его изнутри – так, как его видят простые крестьяне. Важную роль в этом плане играют многочисленные общественные движения, многие из которых придерживаются идей самоуправления (*сварадж*), самообеспечения (*свадеши*), благополучия для всех (*сарводая*) и ненасильственного сопротивления (*сатьяграха*), связанных с именем Махатмы Ганди. На протяжении вот уже более полувека одним из эпицентров общественно-политической активности в Индии является север страны – Индийские Гималаи, где на территории штата Уттаракханд, в долине Дун, в 1980-е годы зародилось общественное движение «Навдания»², на базе которого в 1991 г. возникла неправительственная организация с тем же названием, которую возглавляет ученый-эколог Вандана Шива (род. 1952 г.). «Навдания» ставит своей целью сохранение биологического разнообразия, а также поддержку органического земледелия, защиту прав фермеров и сохранение семян культурных растений.

Мы уже не раз писали о Шиве и ее НПО «Навдания» [4; 5; 6; 7; 8]. При этом основное внимание в основном уделялось анализу философских взглядов Шивы, ее вкладу в развитие идей гандизма, а также ее связи с движением по защите гималайских лесов³, получившим мировую известность в начале 1980-х годов. В данной

¹ Специально о роли продовольственных реквизиций, проводившихся правительством Уинстона Черчилля см.: [10]. Помимо природных катаклизмов, голод был спровоцирован совокупностью факторов военного времени: от оккупации Бирмы, из которой ввозился рис, до вывоза продовольствия из голодающего региона колониальной администрацией. Решающую роль в массовой гибели населения (по разным оценкам от недоедания и болезней умерло 0.8–3.8 млн. жителей Бенгалии) сыграла дороговизна, сделавшая продовольствие недоступным для бедноты См.: Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. – New York: Oxford University Press, 1981. – Chapter 6: The Great Bengal Famine. – *Прим. ред.*

² «Навдания» в переводе с хинди – «девять семян». Об экологическом движении «Навдания» см.: [14].

³ Движение вошло в историю под названием «Чипко», что в переводе с хинди означает «обхватыватели деревьев».

статье речь пойдет о той стороне деятельности Шивы, что связана с защитой семенного суверенитета и обеспечением продовольственной безопасности Индии; она была начата на рубеже 1980-х и 1990-х годов и продолжается по сей день. В этом же контексте будет рассмотрена и работа возглавляемой Шивой «Навдании».

Вандана Шива и движение антиглобалистов

Вандана Шива, получив ученую степень в Канаде, к началу 1980-х годов вернулась в Индию и стала работать научным сотрудником Центра исследований науки, технологии и экологии Индийского института науки (*Indian Institute of Science*) в Бангалоре. Это было время, когда страну охватило движение Чипко, участники которого, заручившись поддержкой правительства во главе с Индирой Ганди (1917–1984), добились прекращения вырубki древних лесов в Гималаях. Шива не была непосредственной участницей тех событий, но смогла установить связь со многими действующими лицами Чипко. Она тщательно проанализировала их опыт борьбы за спасение лесов и стала своеобразным летописцем Чипко, посвятив этому свою первую большую книгу [25].

В конце 1980-х годов, когда Шива еще только занималась историей Чипко, в поле ее зрения как эколога и гражданского активиста попал вопрос о биотехнологиях и их влиянии на развитие медицины, фармакологии и сельского хозяйства. Как сама она сообщает, «переломным событием» в ее жизни стала конференция «Законы жизни», проведенная в 1987 г. в Швеции Фондом Дага Хаммаршёльда¹ – там впервые прозвучали предостережения по поводу развития биотехнологий и появления практики патентования живых организмов. По словам Шивы, именно тогда ей стало ясно, что в мире начала формироваться новая система контроля над жизнью в ее биологическом и экологическом смысле, предполагающая неизбежный контроль над сельским хозяйством и традиционными методами производства продовольствия, – система, в которой ведущая роль отводится глобальным американским «биологическим корпорациям»². В ходе конференции 1987 г. она ре-

¹ Фонд был учрежден в Упсале в 1961 г. шведским правительством в память о погибшем в авиакатастрофе Даге Хаммаршёльде (1905–1961), втором по счету Генеральном секретаре ООН.

² Шива отмечает, что эти корпорации стали позиционировать себя как «биологические» (*life sciences corporations*) лишь в 1980-е гг.

шила посвятить все свои силы поиску способов противодействия этому корпоративному контролю над жизнью – как путем гражданского сопротивления, так и посредством создания креативных альтернатив [26, р. 2–3]¹.

Время, когда происходила фокусировка научных и общественно-политических взглядов Шивы, было временем разрушения биполярного мирового порядка, краха социалистического лагеря и распада Советского Союза. Вместе с этим стремительно формировался однополярный мир, в котором утверждалось безраздельное господство США. Глядя на то, как США стремительно подчиняли себе бывшие страны социализма и как Китай и Индия все шире открывали для американских корпораций свои рынки, Шива не могла не признать, что из всех существующих государств ни одно не могло открыто противостоять глобальной американской экспансии. Пытаясь осмыслить происходящие в мире изменения, Шива вынуждена была прибегнуть к ставшему популярным в те годы термину «глобализация». Она ясно видела, что движущей силой глобализации являются американские корпорации, которые в достижении своих целей были готовы сметать все и всяческие границы, подчиняя себе правительства, экономики, культуры, экологические системы.

Но в то же самое время Шива могла увидеть и другое – что 1990-е годы принесли с собой новые формы сопротивления этой основанной на американских правилах глобализации. Наиболее заметной из них стало движение антиглобалистов², участники которого начали защищать интересы рядовых тружеников, выступая как против всевластия глобальных американских корпораций, так и против собственных правительств, оказавшихся марионетками в

¹ В другом месте Шива сообщает, что решила сосредоточиться на этой проблематике еще за три года до этого: «В 1984 году, в связи с катастрофой в Бхопале и экстремальным насилием в Пенджабе, который считался житницей Индии, я решила изучить причины такой нестабильности в сельском хозяйстве... Насилие в Пенджабе и Бхопале побудило меня посвятить свою интеллектуальную и активистскую энергию созданию ненасильственной парадигмы в сфере продовольствия и сельского хозяйства; именно поэтому я основала “Навданию” – проект по спасению местных сортов семян. Вместе, по всему миру, мы создали новую парадигму сельского хозяйства – агроэкологию. Агроэкологические системы производят больше и качественнее продовольствия, принося фермерам более высокий доход». См.: [18, р. VIII–IX].

² О движении антиглобалистов (первоначально – «альтер-глобалистов») см.: [1–3].

руках новых хозяев мира. Для Шивы такими союзниками среди антиглобалистов стали «Сеть стран третьего мира» (*Third World Network*)¹ и «Международный форум по глобализации» (*International Forum of Globalization*)². Для того чтобы объединить разрозненные силы индийских антиглобалистов на поле предстоящей борьбы с глобальными корпорациями, в 1991 г. Шива учредила «Навданию» – организацию, ставшую одним из символов индийского сопротивления глобализму.

Монополии и монокультуры

Уяснив, что главная опасность для стран «третьего мира»³ исходит от основных спонсоров глобализации, Шива в начале 1990-х годов приступила к анализу «поведения» глобальных «биологических корпораций». Результаты своих исследований она изложила в целом ряде работ, главной из которых стала книга «Монокультуры разума» (1993) [20; 22; 23]. Первое, что она отметила, состояло в том, что «биологические корпорации» еще недавно были далеки от какой бы то ни было «биологии» (*life science*) и занимались производством химикатов, ядов и даже вооружений, т.е. работали на войну и уничтожение. В 1980-е годы, поглощая более мелкие биотехнологические, пищевые и семеноводческие компании, они переориентировали свой бизнес и приступили к захвату доминирующих позиций в сфере производства продовольствия и медикаментов. К началу 1990-х годов эти корпорации превратились в гигантов, оперирующих колоссальными капиталами и имеющими свои подразделения по всему миру. Лидерами среди них стали американские корпорации *Cargill*, *Monsanto*, *DuPont*,

¹ Сеть стран третьего мира (TWN) была создана в ноябре 1984 г. в Пенанге (Малайзия) в ходе конференции «Третий мир: развитие или кризис?». Своей миссией она считает способствование более широкому осознанию потребностей и прав народов Юга, справедливому распределению мировых ресурсов и форм развития, которые являются экологически устойчивыми и отвечают потребностям человека.

² Международный форум по глобализации был создан в январе 1994 г. в Сан-Франциско (США) как альянс гражданских активистов, ученых, экономистов и писателей с целью анализа и критики культурных, социальных, политических и экологических последствий глобализации.

³ В 1990-е годы Шива обычно использовала термины «третий мир» и «развивающиеся страны». В настоящее время более широкое распространение получили термины «страны глобального Юга» или «страны глобального большинства».

Novartis и *Aventis*¹. Их отношения друг с другом сводились к самой безжалостной конкуренции, однако порой они могли заключать тактические союзы, перекупать друг у друга отдельные подразделения и совместными усилиями влиять на правительство США и международные организации. Но все же главным для них стало распространение собственного контроля над мировыми рынками, которые они начали захватывать, обещая помочь правительствам стран третьего мира решить их продовольственные проблемы.

Характерной особенностью «биологических корпораций» оказалось то, что все они оказались яростными противниками биологического разнообразия. В своей деятельности, которая развернулась под лозунгом «накормить вечно голодные страны третьего мира», *Cargill*, *Monsanto* и остальные сосредоточились на продвижении очень небольшого числа культур. По признанию Шивы, для корпораций это оказалось весьма логичным решением, поскольку «промышленное сельское хозяйство способствует использованию монокультур из-за необходимости централизованного контроля над производством и распределением продуктов питания» [26, р. 80]. Монополистам всегда проще иметь дело с монокультурами и насаждать монокультурное однообразие, чем заботиться о сохранении биоразнообразия. Но такая философия, исходящая из идеи концентрации всех ресурсов и навязывания монокультур, с неизбежностью вступает в противоречие с философией традиционного крестьянского хозяйства, исходящей из идеи рассредоточения ресурсов и культивирования самого широкого спектра культурных растений.

Поставляемые на рынки третьего мира монокультуры рекламировались как устойчивые к большим объемам гербицидов и пестицидов, в комплекте с которыми их предлагалось покупать. Но все эти привлекательные, с точки зрения корпораций, свойства монокультур, сообщает Шива, совершенно не являлись таковыми, с точки зрения индийских крестьян. Из устойчивых к химикатам гибридных семян произрастали лишь низкорослые растения, с перспективой ограниченного производства соломы. С точки зрения крестьян, это выглядело весьма нерационально, поскольку лишало корма домашний скот и, как следствие, ограничивало возможность

¹ В настоящее время *Cargill* позиционирует себя как крупнейший в мире производитель продовольствия, *DuPont* определяет себя как химическую корпорацию, *Novartis* и *Aventis* выступают в роли фармацевтических компаний, а *Monsanto* в 2018 г. была куплена немецкой фармацевтической компанией *Bayer*.

получения хозяйствами бесплатных органических удобрений. Если крестьяне принимали предложения корпоративных дилеров, то их с неизбежностью ожидали проблемы – почва утрачивала свою плодородность, скот было нечем кормить, становилось невозможным выращивать другие, важные для крестьян, культуры. Тем самым следствием такого сотрудничества с корпорациями становилось разрушение традиционной системы производства продовольствия, в которой определяющую роль играл совместный труд людей, семян, скота, насекомых и земли. Навязываемая корпорациями «инновационная» система лишь подрывала возможности традиционного крестьянского производства и, согласно выводам Шивы, совершенно не решала продовольственные проблемы третьего мира.

Заявляя о своей готовности накормить «вечно голодные» страны Юга, руководители корпораций всегда говорили о технической отсталости и невежестве местных крестьян. Однако, утверждает Шива, на самом деле все обстоит ровным счетом наоборот. Именно крестьяне третьего мира на протяжении тысячелетий успешно кормили собственные страны, обладая для этого всеми необходимыми знаниями. За несколько тысячелетий, пока одно за другим поколения крестьян обрабатывали землю, ими были выведены тысячи новых сортов культурных растений. В одной только Индии были выведены более тысячи разных сортов риса. Всего же крестьяне третьего мира были способны выращивать почти семь тысяч видов культурных растений, и при этом им было известно от 10 до 50 тыс. видов растений, в принципе пригодных для употребления в пищу. Таким образом, в Индии поддержание биоразнообразия всегда было привычной заботой крестьян.

То, что происходит в последние десятилетия, Шива определила как «кризис биоразнообразия» (*crisis of biodiversity*). Начавшись в ходе модернизации сельского хозяйства в развитых странах в первой половине XX в., этот кризис вместе с «зеленой революцией» пришел во второй половине XX в. и в развивающиеся страны. В условиях современной глобализации, благоприятствующей «биологическим корпорациям», он стал еще более масштабным. Шива констатировала, что в 1990-е годы сложилась тенденция, когда для обеспечения почти 90% мирового потребления калорий стало использоваться только 30 видов культур; при этом для удовлетворения большей части пищевых потребностей современного человечества – лишь четыре основных вида: пшеница, рис, кукуруза и соя. Что это как не кризис биоразнообразия, вызванный политикой глобальных производителей продовольствия, подрывающих

по всему миру традиционные системы производства продуктов питания?

Возвращаясь к истории Чипко, Шива указала на то, что еще крестьянки в горном Гархвале хорошо знали об опасности биологического однообразия и противились насаждению монокультурных сосновых плантаций в Гималаях. Настоящие леса, как они считали, не могут быть только средством для производства товарной древесины, но призваны обеспечивать пять главных потребностей сельских жителей – в продовольствии, корме для животных, удобрениях для полей, волокнах для изготовления утвари и одежды, а также топливе¹. Склонность к насаждению монокультур является порождением «монокультур разума» – той формы мышления, которая возобладали в ходе глобализации. Несмотря на то, что адепты монокультур заявляют о том, что борются с нищетой и голодом, на самом деле «монокультуры являются источником дефицита ресурсов и нищеты, поскольку они уничтожают разнообразие и альтернативы, а также децентрализованный контроль над системами производства и потребления» [23, р. 6].

В начале 1990-х годов Шива назвала глобальную политику «биологических корпораций» «био-империализмом». Этот термин позволил ей критически оценить продвигаемую США глобалистскую модель биоразнообразия и отвергнуть принятую в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конвенцию о биологическом разнообразии. Альтернативой корпоративному «био-империализму» она назвала «био-демократию», основанную на философии традиционных крестьянских хозяйств Индии, производящих продовольствие без химикатов и монокультур, с опорой на традиционные агрономические знания, в тесном сотрудничестве с животными, насекомыми, растениями и землей.

Патентованное биопиратство

В середине 1990-х годов стартовал новый этап глобализации, и Шиве пришлось внести коррективы в свою исследовательскую работу. Поводом для этого стало проведение Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1994 г. и создание Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. Определив своей целью либерализацию международной торговли и регулирование отношений между странами-участница-

¹ На английском языке это звучит как 5-f: food, fodder, fertilizer, fiber, fuel.

ми, ГАТТ / ВТО установило режим наибольшего благоприятствования для американских глобальных корпораций, в том числе для действующих в сфере производства продовольствия и медикаментов¹. С этого момента все страны, интегрированные в ВТО, должны были подчиниться новому режиму торговли и американскому патентному законодательству. В экономическом смысле это означало не только открыть свои рынки для *Cargill*, *Monsanto* и остальных корпораций, торгующих семенами и химикатами, но и признать их право монопольно распоряжаться теми биологическими ресурсами, которые они сами определяют в качестве своей собственности. С точки зрения Шивы, такой поворот событий уже невозможно было трактовать как дальнейшее углубление «кризиса биоразнообразия» – вместо этого следовало бы говорить о возврате ко временам старого западного колониализма и откровенного пиратства. Чтобы подчеркнуть, что речь идет об особой форме пиратства, ориентированной на грабеж биоресурсов, Шива назвала это «биопиратством» (*biopiracy*).

В работах конца 1990-х и начала 2000-х годов, посвященных биопиратству, Шива продемонстрировала, что современные «биологические корпорации» являются наследниками пиратов прошлого [19; 21; 24; 26]. Подобно тому, как пираты Нового времени помогли Западу взобраться на вершину мировой экономической системы, современные биопираты обеспечивают гегемонию Запада в сфере производства и потребления самых ценных богатств нашего времени – биоресурсов. После того, как Колумб вступил на берег воображаемой им Индии, европейцы начали захватывать земли неевропейских народов. Римские папы с радостью выдавали европейским пиратам «хартии и патенты», превратив их тем самым в выразителей Божьей воли. Повсюду, куда ступала нога пиратов, они объявляли о «пустоте» захватываемых ими земель и своей «священной обязанности» присоединить их к землям своих правителей. Папские буллы, раздаваемые адмиралам европейских правителей, заложили основы для европейской колонизации новых

¹ Основными архитекторами ГАТТ стали три организации: Комитет по интеллектуальной собственности США (Intellectual Property Committee), Keidanren (Японская федерация бизнеса) и Союз конфедераций промышленников и работодателей Европы (Union of Industrial and Employees Confederations). Комитет по интеллектуальной собственности представлял собой коалицию из 12 крупнейших американских корпораций – *Bristol Myers*, *DuPont*, *General Electric*, *General Motors*, *Hewlett Packard*, *IBM*, *Johnson and Johnson*, *Merck*, *Monsanto*, *Pfizer*, *Rockwell*, *Warner*. См.: [21, p. 7].

земель и истребления неевропейских народов в Новое время. В конце XX в. ситуация с пиратством и колонизацией вышла на качественно новый уровень – начался «второй приход Колумба» на чужой берег. Теперь пираты в лице корпораций захватывают у неевропейских народов уже не их земли, а рынки продовольствия, их пищу и их знания, касающиеся того, как эту пищу производить. При этом патентные разрешения на захват им выдаются уже не Римскими папами, а Бюро по патентам и товарным знакам Министерства торговли США¹. Используя систему патентов, корпорации ставят крестьян в странах третьего мира вне закона и объявляют их пиратами. Однако, утверждает Шива, пиратством занимаются не крестьяне, а именно глобальные корпорации, которые посягают на их пищу, их знания и урожай [19, р. 1–5].

Согласно Шиве, система патентов – старое изобретение европейцев. Патенты были придуманы, чтобы регулировать сферу производства товаров и защищать интересы наиболее талантливых участников рынка. В Венецианской республике, Англии и других странах Европы патенты стимулировали процесс изобретательства и появление технических новинок. После образования патентного ведомства в США американское правительство стало отдавать безусловный приоритет в сфере изобретений американским производителям – причем, независимо от того, имелись ли у данного изобретения другие авторы в другой стране. С установлением американской гегемонии в 1990-е годы и образованием ВТО американское патентное право стало экстерриториальным, предоставив американским товаропроизводителям исключительное преимущество над всеми остальными участниками рыночной деятельности.

Новым явлением в сфере патентного права стала практика патентования живых организмов. Если прежде изобретатели стремились заявить свои права в основном на создание каких-либо новых механизмов, то начиная с 1970-х годов объектом права стал совершенно новый класс объектов. В 1971 г. сотрудник корпорации *General Electric* Ананда Мохан Чакраварти (1938–2020) добился разрешения на получение патента на генетически модифицированную бактерию, способную разлагать нефть. Его действия как изобретателя сводились к тому, что он перетасовал несколько

¹ Первая патентная система США была создана по Закону о патентах 1790 г. Современное патентное ведомство было создано в 1836 г. Сначала оно действовало при Государственном департаменте США, в 1849 г. было передано Министерству внутренних дел, а в 1975 г. – Министерству торговли.

генов в уже существующей бактерии. При этом сам Чакраварти не заявлял о том, что он «создал» эту бактерию. Однако Верховный Суд США, который вынес решение по этому вопросу, интерпретировал осуществленную им генно-инженерную манипуляцию с микроорганизмом, как «производство». Тем самым первый патент на жизнь был выдан, по словам Шивы, «на весьма скользкой правовой основе». Но с этого все и началось [24, р. 40–41].

В 1970-е годы в США заработал конвейер по патентованию микроскопических форм жизни. Затем наступило время более крупных организмов. 12 апреля 1988 г. Патентное бюро США выдало корпорации *DuPont* патент на так называемую «онко-мышь» – лабораторную мышь, в чей геном были внедрены гены инфицированных курицы и человека. Вслед за этим корпорация *Pharmaceutical Proteins Ltd* запатентовала овечку Трейси, интерпретировав свое «биотехнологическое изобретение» как «биореактор клеток млекопитающих». Среди самых скандальных случаев того времени было патентование целого народа хагахай с Новой Гвинеи – в крови его представителей была обнаружена устойчивая к вирусам целого ряда болезней клетка, которую ученые объявили ценным материалом для создания перспективных лекарств [24, р. 1–3].

На фоне этих событий, широко освещаемых в СМИ, менее заметным стал процесс патентования генов культурных растений, который развернулся в 1990-е годы. Но Шива составила целый «биопиратский каталог» (*biopirates's catalogue*) биоресурсов, изъятых по американскому законодательству у народов третьего мира, и отметила, что такое патентование наносит огромный ущерб экономике развивающихся стран. В частности, в Индии биопираты сделали объектами своей собственности три десятка растений, в том числе *Aloe barbadensis* (на хинди – кумари; алоэ вера), *Azadirachta indica* (ним; маргоза), *Boswellia serrata* (салай; индийский ладан), *Cassia fistula* (амальтас; кассия трубчатая), *Cuminum cyminum* (кала джира; кмин), *Curcuma longa* (хальди; куркума длинная), *Piper nigrum* (кали мирч; перец черный), *Punica granatum* (анар; гранат обыкновенный), *Oriza sativa* (басмати; рис посевной) и др. [21, р. 11–16]. Объявив, что ученые смогли синтезировать из генетического материала этих растений «новые ценные» лекарства, пестициды и семенной материал для новых поколений сельхозкультур, корпорации тем самым объявили о своей интеллектуальной монополии на эти формы жизни – как будто бы никто и никогда прежде не владел знаниями об их пользе и не культивировал для последующего потребления. Характеризуя эту форму

современного пиратства, Шива назвала ее «корпоративным воровством биологических ресурсов и знаний у бедняков третьего мира... легализованным ВТО» [21, р. 3–6].

Генная инженерия в качестве генной полиции

В те же самые годы, когда Шива акцентировала проблему биопиратства, ей пришлось столкнуться еще с одним социально опасным явлением – использованием генной инженерии в интересах глобальных корпораций. В работе «Украденный урожай» (2000) она четко обозначила свою позицию по этому вопросу: «Генная инженерия преподносится как “зеленая” технология, которая защитит природу и биоразнообразие. Однако инструменты генной инженерии предназначены для кражи природного богатства путем уничтожения биоразнообразия, увеличения использования гербицидов и пестицидов и повышения риска необратимого генетического загрязнения» [26, р. 95].

Анализируя публичные заявления руководителей корпораций, Шива имела возможность не один раз обвинить их в обмане и переворачивании всего с ног на голову. Так, в заявлениях *Monsanto* неоднократно звучали обещания «накормить весь мир», «обеспечить сохранение биоразнообразия», «использовать биотехнологии для устойчивого развития» и т.п. Но в реальности все происходит совершенно иначе. Корпорации в первую очередь пекутся о собственных прибылях и готовы рискнуть благополучием миллионов людей во всем мире, поставив на мировые рынки сельхозпродукции свои чрезвычайно опасные изобретения. В числе таких не только малопривлекательные для индийских крестьян гибридные семена в комплексе с ядовитыми химикатами, но и новое поколение одноразовых семян, таких, как семена *Roundup Ready* корпорации *Monsanto*. Семена *Monsanto* – это случай генной инженерии, используемой в качестве генной полиции для контроля за рядовыми производителями сельхозпродукции. Кроме того, это еще один «грязный прием», направленный на устранение или подчинение конкурентов [24, р. 80–85; 26, р. 82–84].

В марте 1998 г. Министерство сельского хозяйства США и компания *Delta and Pine Land Company*, в последующем купленная корпорацией *Monsanto*, заявили о совместной разработке и патентовании новой сельскохозяйственной технологии, которая получила благозвучное название «Контроль над экспрессией генов растений». Согласно тексту патента № 5,723,765, выданного 3 марта

1998 г. Мелвину Оливеру и другим ученым, разработавшим данную биотехнологию, она является собой «метод производства нежизнеспособных семян» (*a method of producing non-viable seed*), где «при производстве семян второго поколения... в ходе эмбриогенеза активируется поздний промотор эмбриогенеза, что позволяет экспрессировать летальный ген в семенах второго поколения, тем самым делая их нежизнеспособными» [27].

Рекламируя свое изобретение, Оливер заявлял, что оно позволит Министерству сельского хозяйства США «вернуть в систему миллиарды долларов, потраченных на исследования», при этом, по словам разработчика, это можно будет делать уже без всякого обращения к правовым механизмам, чисто технологически. «Необходимо было разработать систему, которая позволяла бы самостоятельно контролировать свои технологии, не пытаясь вводить законы и юридические барьеры для фермеров, сохраняющих семена, а также препятствовать иностранным компаниям в краже технологий» [12].

Новая «терминаторная» технология контроля за воспроизводством семян, появившаяся в США в 1998 г., стала настоящим вызовом для крестьянских хозяйств по всему свету. В Индии, где она усиленно продвигалась глобальными корпорациями с молчаливого согласия национального правительства, ее жертвой сразу же стали сотни тысяч крестьянских хозяйств, которые обнаружили, что покупаемые ими семена являются стерильными и не способны дать новое поколение семян. Уже в том же году крестьяне смогли убедиться, что собранные ими с полей плоды и стручки являются не более чем могилами для мертвых семян, более не способных дать новую жизнь. Внедренный американскими корпорациями идеальный план контроля над семенами как средствами существования и выживания для крестьянских хозяйств обнаружил свою чудовищную природу. В одну минуту был разорван великий круг жизни «растение – семя – новое растение – новое семя», поддерживающий жизнь на планете. Как сообщает Шива, биотехнология перешла тонкую грань между гениальностью и безумием, грубо установив новое правило для новой глобальной системы: нет семян – не будет еды, если вы не купите у корпораций новые семена [26, p. 83].

Семенной суверенитет и продовольственная безопасность

Шива никогда не ограничивалась только исследовательской работой и всегда совмещала науку с общественно-политической деятельностью. Интерес к движению антиглобалистов еще в 1980-е годы привел ее к пониманию необходимости мобилизации общественных сил, способных противостоять разрушительному влиянию глобализации. С этой целью и была создана «Навдании». Само название этого движения (впоследствии НПО) было призвано подчеркнуть местную культурную специфику и связь движения с древней ведической традицией, из которой выросла вся индийская культура. Оно восходит к традиционной для индийцев идее о связи между девятью небесными телами (*Наваграхами*) и девятью культурными растениями: Адитья или Сурья (Солнце) покровительствует яве (ячменю), Чандра (Луна) – шамаке (просу), Мангала (Марс) – тогари (голубиному гороху), Будха (Меркурий) – машу (азиатской фасоли), Брихаспати (Юпитер) – нуту (турецкому ореху), Шукра (Венера) – тандулу (рису), Шани (Сатурн) – сезаму (кунжуту), Раху (северный лунный узел) – урду (черному машу), Кету (южный лунный узел) – кулиттхе (фасоли колатх) [17, р. 9].

По мере того, как расширился круг исследовательских проблем, с которыми работала Шива, ширился и круг общественно-политических инициатив, которые исходили от «Навдании». В 1980-е и начале 1990-х годов деятельность «Навдании» была ориентирована на защиту прав традиционных крестьянских хозяйств, прежде всего сельских женщин, поскольку именно они не только брали на себя большую часть забот по производству продовольствия, но и были наиболее активными на поприще гражданского активизма. В этот период идейную основу «Навдании» составляли разработанные Шивой концепции «биоразнообразия» и «био-демократии», которые она противопоставила «монокультурам разума» и «био-империализму». Но уже с середины 1990-х годов масштабы деятельности «Навдании» расширились. Важной частью ее работы стала борьба против решений американских и европейских патентных бюро, предоставляющих глобальным корпорациям право на монопольное владение биологическими ресурсами в Индии и странах третьего мира, прежде всего семенами культурных растений. Начались массовые кампании (*сатьяграхи*) против посягательств глобальных корпораций на индийские биоресурсы, а юристы «Навдании» стали опротестовывать в индийских и иностранных судах решения патентных служб западных

стран о признании за корпорациями прав интеллектуальной собственности на традиционные культуры. Идейной базой «Навданий» стали концепции «продовольственной безопасности» и «продовольственной демократии» [26, р. 7–9, 17–18, 95–116, 117–123], которые впоследствии были дополнены идеями «семенного суверенитета» (*seed sovereignty*), «свободы семян» (*seed freedom*) и «демократии Земли» (*Earth democracy*), положенные в основу борьбы с «биопиратством» и «промышленной парадигмой производства продуктов питания» [16; 18, р. VII–VIII]. Первыми успешными публичными кампаниями, проведенными «Навданием» в 1990-е годы, стали кампании против корпорации *W.R. Grace*, получившей право на монопольное использование биоматериалов из дерева ним, против *RiceTec*, приобретшей патент на рис басмати, и против онкологического центра *Fox Chase* из Филадельфии, планировавшего получить патент на использование филлантуса нирури с целью производства лекарства для лечения вирусного гепатита¹. Однако самыми значимыми среди всех сатяграх стали кампании против корпорации *Monsanto*, которые продолжались с 1998 по 2016 г., пока корпорация не ушла из Индии, скрывшись за вывеской могущественного германского концерна *Bayer*². Борьба с *Monsanto* включала оспаривание полученных ею патентов на целый ряд культур – от хлопчатника и горчицы до пшеницы и индийской дыни, а также противодействие распространению ее ГМО-продукции в Индии и других странах третьего мира. Финалом этой борьбы стал «Трибунал над Монсанто», проходивший в рамках «Ассамблеи народов» в Гааге с 14 по 16 октября 2016 г., в ходе которого корпорация была заклеена позором за экоцид, преступления против человечности и нарушения прав граждан по всему миру [17, р. 62–66].

Вторым направлением работы для Шивы тогда же стала общественно-просветительская деятельность. Она началась в 1995 г., когда на родине Шивы в долине Дун штата Уттаракханд была создана ферма сохранения биоразнообразия «Навдания», где с помощью целой группы помощников и стажеров был основан учебный центр, пропагандирующий ценности биоразнообразия и информирующий окрестных крестьян о методах агроэкологии (органического фермерства). Примечательно, что ферма площадью 200 га

¹ Об истории этих кампаний см.: [17, р. 62; 21, р. 19–36; 24, р. 57–63].

² Финалом борьбы с *Monsanto* стал «Трибунал над Монсанто», проходивший в рамках «Ассамблеи народов» в Гааге с 14 по 16 октября 2016 г. См.: [15].

была создана на бесплодной почве, деградировавшей из-за многолетнего выращивания на ней плантаций эвкалипта и сахарного тростника. После того, как почва на ферме была восстановлена, там появились поля и грядки, где без использования химикатов и агропромышленных методов стали возделываться разнообразные культуры. Сотрудники фермы создали – крупнейшую в Индии – сеть прямого маркетинга и справедливой торговли органической продукции, к которой впоследствии подключились и другие фермеры по всей стране. На базе учебного центра «Навдании» возникла «Школа семян» *Биджа Видьяпит* (позднее «Университет Земли»)¹, которая открыла свои двери также для исследователей и студентов со всего мира. *Биджа Видьяпит* стала местом проведения многочисленных конференций, которые с самого начала получили мировую известность и стали инструментом влияния антиглобалистов на международную общественно-политическую повестку [13, р. 9–10].

Третьим направлением деятельности «Навдании» стала работа по сохранению семенного фонда, позволяющего обеспечить биоразнообразие и на практике противостоять монополии корпораций. В 1987 г. в Гархвале (штат Уттар-Прадеш, позднее Уттаракханд), на территории, где позже появилась ферма, движением «Навдания» был создан первый банк семян, вслед за которым появились еще два – в Декане и Западных Гатах (оба штат Карнатака). Целью создателей банков было спасение семян местных культур и обеспечение их «суверенитета» в условиях продолжающейся «зеленой революции» и уничтожения средствами агро-промышленности местного биоразнообразия. В последующем эта работа была продолжена по всей Индии, в результате чего за следующие четверть века было создано 111 общественных банков семян в 17 штатах страны. В одном только банке семян фермы «Навдания» к 2012 г. уже хранились семена 1600 различных видов сельхозкультур, включая 600 сортов риса, 15 бобовых, 159 пшеницы, 11 ячменя, 10 овса, 7 горчицы, а также других растений. При этом во всех созданных общественных банках на тот момент хранились семена 3800 различных сортов риса [17, р. 71–72]. Шива не раз подчеркивала важность этого направления деятельности. В книге «Украденный урожай» она утверждает: «Цель «Навдании» – обес-

¹ Место расположения Школы семян (Университета Земли): Индия, Уттаракханд, объездная дорога Шимлы, деревня Дехрадун Рамгарх/Шимшамбара. Подробнее см.: [11].

печить страну банками семян и инициативами по органическому земледелию. «Навдания» не признает патенты на жизнь, включая патенты на семена. Ее цель – создание продовольственной и сельскохозяйственной системы, свободной от патентов, химикатов и генной инженерии. Это движение вернет нам продовольственную свободу» [26, р. 121].

С середины 1990-х годов, когда определились все основные направления деятельности «Навданий», работа Шивы и ее коллег приобрела планомерный характер. Сайт НПО «Навдания», которому на смену пришел новый сайт *Navdanya International*, дает весьма подробное представление о том, чем занимаются Шива и ее сетевая организация все эти годы. Наиболее заметными мероприятиями «Навданий» являются кампании по защите семенного суверенитета и биоразнообразия, а также работа по сохранению продовольственной безопасности в странах Глобального Юга. После того, как 5 марта 1998 г., в день годовщины призыва Ганди к соляной сатьяграхе, коалиция из более чем 2 тыс. групп начала *биджа сатьяграху* – движение сопротивления против патентов на семена и растения, «Навдания» инициировала еще несколько десятков масштабных кампаний и акций. Среди них могут быть упомянуты серия кампаний за свободу семян (2012–2015), кампании, призывающие к введению регулирования ГМО-продукции (2011–2025), кампании за разоблачение синтетической еды (2021–2023), кампании по защите биоразнообразия (2017–2024), кампании, призванные обратить внимание общественности на то, как изменения климата влияют на продовольственные системы (2021–2023).

В 2012 г. начиная кампанию по защите свободы и суверенитета семян, «Навдания» опубликовала «Декларацию о свободе семян», в которой говорилось: «Семена – источник жизни, это ее стремление к самовыражению, обновлению, размножению и вечному свободному развитию ... Семена – воплощение биокультурного разнообразия. Они содержат в себе миллионы лет биологической и культурной эволюции прошлого и потенциал тысячелетий будущего. Свобода семян – неотъемлемое право каждой формы жизни и основа защиты биоразнообразия. Свобода семян – неотъемлемое право каждого фермера и производителя продуктов питания. В основе свободы семян лежит право фермеров сохранять, обменивать, развивать, разводить и продавать семена. Лишение фермеров этой свободы приводит к тому, что они попадают в долговую ловушку и в крайних случаях кончают жизнь самоубийством. Свобода семян – основа свободы производства продовольст-

вия, поскольку семена – первое звено в пищевой цепочке. Свободе семян угрожают патенты на семена, которые создают монополии на семена и делают незаконным сохранение и обмен семенами для фермеров... Семена – это не изобретение. Жизнь – это не изобретение. Свободе семян различных культур угрожает биопиратство и патентование традиционных знаний и биоразнообразия... Свободе семян угрожают генетически модифицированные семена, которые загрязняют наши фермы, тем самым, не позволяя всем жить без ГМО. Свобода семян фермеров оказывается под угрозой, когда корпорации, загрязнив наши посевы, подают на них в суд за “кражу их собственности”. Свободе семян угрожает преднамеренное превращение семян из возобновляемого самовоспроизводящегося ресурса в невозобновляемый запатентованный товар... Мы обязуемся защищать свободу семян как свободу различных видов к эволюции и как свободу человеческих сообществ использовать семена с открытым исходным кодом в качестве общего достояния» [17, р. 324].

Огромная работа, проделанная активистами «Навдании», уже не единожды давала серьезные результаты. Тем не менее в условиях продолжающейся глобализации и сохраняющегося влияния глобальных корпораций на рынки продовольствия стран Юга, Шиве и ее коллегам никогда не приходилось успокаиваться. Когда в 2015 г. Индию по приглашению премьер-министра Нарендры Моди прибыл с официальным визитом тогдашний президент США Барак Обама, активисты «Навдании» обратились с письмом к обоим государственным лидерам. Разумеется, прежде всего оно было адресовано Обаме. В тексте письма, в частности, говорилось: «Мы пишем это письмо в духе принципов Сварадж – Биджи Сварадж (Свобода семян) и Анны Сварадж (Продовольственная демократия), – с надеждой, что Ваш визит в Индию укрепит и углубит свободы, общие для народов Индии и США, а не свободы корпораций, подрывающих права граждан обеих стран. Ваш визит совпадает с давлением, оказываемым США на Индию от имени своих корпораций с целью подорвать свободу семян в Индии. Нас особенно беспокоят права интеллектуальной собственности в области биоразнообразия, семян и живых биологических ресурсов» [16].

Как оценить исторический опыт «Навдании» по обеспечению продовольственной безопасности, накопленный к настоящему времени? Очевидно, что за десятилетия с момента создания организации вопрос о восстановлении продовольственной безопасности Индии до конца так и не решен. Не уменьшился и масштаб

ущерба, нанесенный биологическому разнообразию страны методами современной агро-промышленности. Тем не менее можно говорить о тактических победах «Навданий» и ее бессменного лидера. В их числе – изгнание корпорации «Монсанто» из Индии и сокращение числа опасных производителей ГМО-семян на сельскохозяйственном рынке страны, создание и поддержание широкой сети органических ферм и банков семян, а также непрекращающаяся работа по привлечению внимания общественности к проблемам продовольственной безопасности и семенного суверенитета. От осознания их значимости зависит выживания сотен тысяч традиционных крестьянских хозяйств и всего многомиллионного народа Индии.

Список литературы

1. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения / ред. А.В. Бузгалин. – Москва: Эдиториал УРСС, 2003. – 256 с.
2. Антиглобалисты. История движения и хроника борьбы // РИА Новости. – 2007. – 6.06. – URL: <https://ria.ru/20070606/66782555.html> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Глобализация сопротивления: борьба в мире / под ред. С. Амина и Ф. Утара. – Москва: Эдиториал УРСС, 2004. – 304 с.
4. Михель Д.В., Михель И.В. Наследницы Ганди: от лесной сатяграхи к Чипко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, вып. 4. – С. 379–384.
5. Михель И.В. Индийский взгляд на глобализацию: анализ биоэтических идей Ванданы Шивы // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10, № 11 (85). – С. 1–20.
6. Михель И.В. Навдания: индийская неправительственная организация по защите биологического и культурного разнообразия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2019. – № 4. – С. 138–150.
7. Михель И.В. Освобождение земли, воды и семян: философия Ванданы Шивы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, вып. 4. – С. 404–409.
8. Михель И.В. Чипко: становление экологического движения в Индии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2020. – № 3. – С. 43–56.
9. Сидорова С.Е. Голод в Британской Индии в 1860–1870-х годах: бездействие, чрезмерное регулирование и умеренное вмешательство // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 2. – С. 100–121.
10. 5 of the Worst Atrocities Carried Out by the British Empire // Independent. – 2016. – 20.01. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/worst-atroci>

- ties-british-empire-amritsar-boer-war-concentration-camp-mau-mau-a6821756.html (дата обращения: 21.09.2025).
11. Bija Vidyapeeth – Earth University. – URL: <https://navdanyainternational.org/what-we-do/earth-university/> (дата обращения 1.10.2025).
 12. Broydo L. A Seedy Business: A New “Terminator” Technology Will Make Crops Sterile and Force Farmers to Buy Seeds More Often—So Why Did the USDA Invent It? // Mother Jones. – 1998. – 7.04. – URL: <https://www.motherjones.com/politics/1998/04/seedy-business/> (дата обращения: 23.09.2025).
 13. Celebrating Biodiversity, Agroecology and Organic Food Systems. – Rome: Navdanya International, 2018. – 18 p.
 14. Mallick K. Environmental Movements of India: Chipko, Narmada Bachao Andolan, Navdanya. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. – 190 p.
 15. Monsanto Tribunal and People’s Assembly. The Hague, 14 th – 16 th October 2016. – Florence: Navdanya International, 2016. – 82 p.
 16. Seed Freedom and Food Democracy. – URL: <https://navdanyainternational.org/cause/seed-freedom-and-food-democracy/> (дата обращения: 26.09.2025).
 17. Seed Freedom. A Global Citizens’ Report. – New Delhi: Navdanya, 2012. – 324 p.
 18. Shiva V. (ed.) Seed Sovereignty, Food Security: Women in the Vanguard of the Fight Against GMOs and Corporate Agriculture. – Berkeley, Ca.: North Atlantic Books, 2016. – 424 p.
 19. Shiva V. Biopiracy: The Plunder of Nature and Knowledge. – Cambridge, Ma: South End Press, 1997. – 148 p.
 20. Shiva V. Biotechnology and the Production of Uniformity // Biodiversity: Social and Ecological Perspectives / Shiva V. [et al.]. – London: Zed Books, 1991. – P. 43–58.
 21. Shiva V. Campaign Against Biopiracy. – New Delhi: Research Foundation for Science, Technology and Ecology, 1999. – 72 p.
 22. Shiva V. Globalism, Biodiversity and the Third World // The Future of Progress: Reflections on Environment and Development / Shiva V. [et al.]. – Bristol: International Society for Ecology and Culture, 1992. – P. 50–67.
 23. Shiva V. Monocultures of Mind: Perspectives on Biodiversity and Biotechnology. – Penang: Third World Network, 1993. – 184 p.
 24. Shiva V. Protect or Plunder: Understanding Intellectual Property Rights. – London: Zed Books, 2001. – 144 p.
 25. Shiva V. Staying Alive: Women, Ecology and Development. – London: Zed Books, 1989. – 256 p.
 26. Shiva V. Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply. – Cambridge, Ma.: South End Press, 2000. – 146 p.
 27. United States Patent. Oliver et al. Patent Number: 5,723,765. Date of Patent: Mar. 3, 1998. Point 55. – URL: <https://patents.google.com/patent/US5723765A/en> (дата обращения: 23.09.2025).

МОЗИАС П.М.* КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. Инфраструктурное строительство – это ключевое направление реализуемого Китаем проекта «Один пояс, один путь». Конкретные механизмы финансирования зарубежных строительных объектов китайской стороной многообразны. Это и прямые инвестиции китайских компаний, и кредиты «политических» и коммерческих банков, и вложения средств китайских инвестиционных фондов, и выделение займов созданными при непосредственном участии Китая международными финансовыми институтами (Азиатским банком инфраструктурных инвестиций и Новым банком развития). Китай часто упрекают в том, что, предоставляя развивающимся странам кредиты, он затягивает их в долговые «ловушки» ради вовлечения их в свою сферу влияния и установления контроля над их ресурсами. Геополитическая компонента, несомненно, присутствует в китайской стратегии инфраструктурного строительства за рубежом. Но отсюда не следует, что сотрудничество с Китаем в этой области не может быть реально полезным для развивающихся стран.

Ключевые слова: Китай; «Один пояс, один путь»; инфраструктура; институты развития; инвестиции.

MOZIAS P.M. The Chinese Belt and Road Initiative: Mechanisms of Infrastructure Financing

Abstract. Infrastructural build up is a key component of China's Belt and Road Initiative. The mechanisms for financing overseas construction projects by the Chinese side are diverse. These include direct

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

investment by Chinese companies, loans from “policy” and commercial banks, contributions from Chinese investment funds, as well as loans of international financial institutions established with China’s direct participation (the Asian Infrastructure Investment Bank and the New Development Bank). China is often criticized for allegedly drawing developing countries into debt “traps” through such loans in order to bring them into its sphere of influence and gain control over their resources. The geopolitical component is undoubtedly present in China’s strategy of overseas infrastructure construction. However, this does not imply that cooperation with China in this field cannot be genuinely beneficial for developing countries.

Keywords: China; Belt and Road Initiative; infrastructure; development institutions; investment.

Для цитирования: Мозиас П.М. Китайский проект «Один пояс, один путь»: механизмы финансирования инфраструктурного строительства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 149–174. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.09

Инициированный руководством Китая в 2013 г. проект «Один пояс, один путь (ОПОП)»¹ включает в себя множество направлений сотрудничества с другими странами: в сфере безопасности; в области торговли, в том числе создание по возможности зон свободной торговли; в сфере финансов, включая отработку инноваций, связанных с использованием юаня в международных расчетах и выпуском номинированных в юанях долговых инструментов; в развитии туризма и других гуманитарных контактов и др. Но не будет преувеличением сказать, что «сердцевина» ОПОП – это все же строительство транспортной, производственной и социальной инфраструктуры в странах-участниках, в том числе и в самой КНР.

Для Китая создание таких объектов – это возможность плотнее привязать страны-партнеры к китайскому «полюсу роста», и не только за счет открытия новых транспортных маршрутов, но и путем распространения на эти страны китайских технологических стандартов. Это и обретение новых каналов для сбыта китайских товаров и услуг на рынках участвующих в ОПОП стран и для бес-

¹ Он объединяет в себе два проекта – сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)» и «Морской Шелковый путь XXI века (МШП)».

перебойного поступления оттуда сырьевых ресурсов, нужных китайской экономике. Это и метод обеспечить заказами китайские предприятия, производящие продукцию инвестиционного спроса (у многих из них имеются избыточные производственные мощности), или даже перенести эти мощности в относительно бедные развивающиеся экономики и воспользоваться там местными дешевыми трудовыми ресурсами. Это и способ укрепить свои позиции в мире, за счет экономической помощи бедным странам перетянуть их на свою сторону в геополитическом соперничестве за сферы влияния.

Странам же, в которых китайцы реализуют инфраструктурные проекты, это может быть выгодно ввиду дефицита у этих стран собственных финансовых и технологических ресурсов. Сотрудничество с Китаем дает им шанс расширить «узкие места» в структуре своей экономики, обеспечить ее инфраструктурными услугами как публичными благами и создать тем самым дополнительные источники экономического роста.

Инфраструктурные проекты в рамках ОПОП активно кредитуют существующие еще с 1990-х годов китайские «политические» банки (институты развития): Государственный банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая. В такие проекты вкладывают прямые инвестиции китайские компании реального сектора, а строительные работы осуществляют китайские подрядчики. Кроме того, для долевого участия в проектах Китай в 2014 г. создал Фонд Шелкового пути (ФШП, его начальный капитал наполовину был сформирован перечислением части валютных резервов КНР, остальное обеспечили госструктуры и банки). В том же году по инициативе Китая был учрежден новый международный финансовый институт – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В один ряд с ФШП и АБИИ можно поставить и созданный в 2015 г. пятью государствами – «старыми» членами БРИКС Новый банк развития (НБР) со штаб-квартирой в Шанхае¹.

Как реально работают механизмы инфраструктурного финансирования в рамках ОПОП? Насколько они эффективны? Каково влияние этих начинаний на экономики стран – получателей китайских денег? Эта проблематика активно обсуждается и китайскими, и англоязычными исследователями.

¹ В 2021 г. в состав учредителей НБР вошли Бангладеш и ОАЭ, а в 2023 г. – Египет.

Лу Фэн и Пань Сунлицзян (НИИ государственного развития Пекинского университета) [1] отмечают, что к концу 2023 г., т.е. за десять лет осуществления ОПОП, в его рамках было реализовано более 3 тыс. инфраструктурных проектов, инвестиции по которым составили около 1 трлн долл. В частности, в Африке было построено или модернизировано более 10 тыс. км железных дорог, около 100 тыс. км автомобильных дорог, около 1 тыс. мостов, около 100 портов, много больниц и образовательных учреждений, было создано более 4,5 млн рабочих мест. В 2015 г. стран-участниц ОПОП было 65, а на август 2022 г. – уже 152, включая многие государства Западного полушария [1, с. 1–2]. Мотивация участия в проекте у многих развивающихся стран (особенно африканских) обусловлена низким уровнем их подушевого ВВП и отсталой отраслевой структурой их экономик.

Они надеются, что инфраструктурное строительство поможет им ускорить индустриализацию, но они сталкиваются с очевидными ограничениями: у них нет экономического потенциала для реализации столь же крупных инфраструктурных проектов, как те, что осуществляются в Китае; нет возможностей обеспечить их инвестиционными товарами собственного производства, как и возможностей осуществить импорт таких товаров (ввиду недостатка экспортных валютных доходов). Скромны также и способности развивающихся стран мобилизовать нужные финансовые средства из внутренних сбережений. Иначе говоря, они сталкиваются с «двойным дефицитом» (сбережений и валюты), описанным еще в 1960-е годы Х. Ченери и А. Страутом¹.

Теоретически эти ограничения можно преодолеть за счет развития внешней торговли и выхода на международные рынки капитала. Можно пригласить зарубежных застройщиков, а они приведут с собой и рабочую силу нужной квалификации, и поставщиков товаров производственного спроса (оборудования, комплектующих, стройматериалов и т.д.), а можно привлечь и зарубежных прямых и портфельных инвесторов или долговое финансирование из-за рубежа и тем самым компенсировать нехватку внутренних сбережений.

Правда, если среди строительных компаний на международном рынке имеет место острая конкуренция и поэтому при наличии у развивающейся страны достаточных финансовых средств

¹ См.: Chenery H., Strout A. Foreign Assistance and Economic Development // American Economic Review. – 1966. – Vol. 56, N 4. – P. 679–733.

***Китайский проект «Один пояс, один путь»:
механизмы финансирования инфраструктурного строительства***

найти застройщиков достаточно легко, то инвесторы из-за рубежа обычно очень разборчивы. Субъекты прямых иностранных инвестиций (ПИИ) обращают внимание на фундаментальные макроэкономические показатели страны и рентабельность капиталовложений в отдельных отраслях ее экономики. Портфельных инвесторов трудно привлечь, если в стране относительно неразвит рынок ценных бумаг. А Всемирный банк (ВБ) и другие международные финансовые институты могут, конечно, выделить кредиты на развитие инфраструктуры в стране, но это заведомо небольшие деньги.

Итак, между отдельными видами ограничений есть некая асимметрия: если у страны есть деньги, то надо еще найти застройщиков, но гораздо больше трудностей, если у страны нет финансовых средств для инфраструктурного строительства. На таком фоне, утверждают Лу Фэн и Пань Сунлицзян, сотрудничество развивающихся стран именно с китайскими компаниями особенно перспективно потому, что у тех есть целый комплекс конкурентных преимуществ, который авторы называют «четыреколесным механизмом».

Во-первых, это способности осуществлять крупномасштабные строительные проекты за рубежом. Если в начале XXI в. Китай ежегодно заключал контрактов на строительство за рубежом на менее 10 млрд долл., то в начале 2020-х годов – в среднем на 250 млрд долл. Такие проекты осуществляются китайскими подрядчиками в 184 странах, больше всего их в Азии и Африке (около 80%), меньше всего – в Северной Америке. В 2022 г. из совокупной суммы доходов 250 крупнейших строительных организаций мира на китайские компании приходилось 27,5%.

Во-вторых, это возможности снабжать зарубежные строительные проекты поставками оборудования и материалов из Китая, а на такие поставки обычно приходится 60–70% стоимости проекта. Осуществлять их позволяет разветвленная промышленная база КНР, к тому же они могут поддерживаться льготными кредитами Экспортно-импортного банка Китая. Такие поставки важны и в плане загрузки избыточных производственных мощностей в самом Китае. Во многом они и помогли увеличить торговлю Китая со странами ОПОП с менее чем 100 млрд долл. в 2000 г. до 2054,7 млрд долл. в 2022 г. (по изначальным 65 странам-партнерам) и 2778,1 млрд долл. (по нынешним 152 партнерам).

В-третьих, это потенциал осуществления прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) и создания инвестиционных фондов для капиталовложений за рубежом. По состоянию на апрель 2019 г.

Китай создал уже более 20 общенациональных инвестиционных фондов для осуществления ПЗИ в странах ОПОП. Крупнейший из них – это ФШП величиной в 40 млрд долл., он вкладывает средства и в инфраструктуру, и в добывающую промышленность, и в проекты вывода производственных мощностей из Китая. Основным методом вложений – это покупка акций иностранных компаний, но используются и такие способы, как предоставление залогов по кредитам, покупка конвертируемых облигаций и др. На конец 2022 г. ФШП профинансировал более 70 проектов более чем в 60 странах, обещанные им инвестиции превысили 20 млрд долл.

Кроме того, за 2014–2017 гг. в различных провинциях Китая было учреждено 52 местных аналога ФШП, их совокупная величина – 308,2 млрд юаней, из которых 87% приходились на государственные средства. В целом, китайские ПЗИ в странах ОПОП выросли с 14,8 млрд долл. в 2015 г. до 31,8 млрд долл. в 2023 г., их доля в совокупном вывозе китайских ПЗИ увеличилась за это время с 13,8 до 24,4%.

В-четвертых, это способность поддерживать зарубежные инвестиционные проекты кредитами. Во времена плановой экономики Китай предоставлял кредиты дружественным странам на безвозмездной и беспроцентной основе, сейчас же они подразделяются на: «официальную помощь развитию» (беспроцентные кредиты); кредиты «политических» банков; долговые инструменты коммерческих банков; гарантирование экспортных кредитов специализированной государственной компанией Sinosure.

Даже предоставление «официальной помощи развитию» странам ОПОП часто привязывается к конкретным инфраструктурным проектам. А преференциальные кредиты Экспортно-импортного банка Китая и Государственного банка развития Китая в таких случаях выдаются по ставкам ниже индикативных, т.е. тех, которые устанавливает Народный банк Китая (Центральный банк страны) для финансирования проектов во внутренней экономике, разница погашается из бюджета. Всего к 2021 г. Китай выдал кредитов странам ОПОП (65) на 78,9 млрд долл., а государствам ОПОП (152) – на 175,3 млрд долл. [1, с. 4–10].

Как раз «четырёхколесный» набор преимуществ и делает для многих стран столь привлекательным участие в ОПОП: так можно не только преодолеть финансовые ограничения, но и обрести доступ к поставщикам строительных услуг и инвестиционных товаров, констатируют Лу Фэн и Пань Сунлицзян. Правда, еще с конца 2010-х годов темпы прироста и совокупной стоимости заказов ки-

тайским компаниям на выполнение строительных работ за рубежом, и поставок по ним инвестиционных товаров заметно снизились. А это свидетельствует о том, что и возможности китайского строительного комплекса, и финансовые ресурсы Китая небеспределельны, недаром сам Си Цзиньпин в последние годы стал пропагандировать в отношении сотрудничества в рамках ОПОП слоган «Малое прекрасно» [1, с. 3, 12].

Исследователи, работающие в университетах англосаксонских стран, более сдержаны в своих суждениях. Линь Вэйцян (географический факультет Сингапурского национального университета) и Ай Ци (факультет бизнеса и права Нортхэмптонского университета, Великобритания) [5] согласны с тем, что ОПОП – это прежде всего строительство международной транспортной инфраструктуры (автомобильных и железных дорог, морских портов и т.д.). Многие эксперты считают, что возникновение новых инфраструктурных сетей, связывающих Китай практически со всей Евразией, может привести к формированию торгового блока во главе с Китаем, а это позволит стране бороться с США за геополитическое лидерство. Недаром вскоре после выдвижения ОПОП в китайском внешнеполитическом лексиконе появилась идея «сообщества единой судьбы», под которой фактически понимается китаецентричный мир.

Но есть и другое направление в литературе об ОПОП, которое считает его попыткой разрешить тяжелые внутриэкономические проблемы КНР, такие как избыток производственных мощностей в промышленности, рост издержек на оплату труда, углубление межпровинциального неравенства, «пузыри» на рынке недвижимости, экологическая деградация. ОПОП, по такой логике, предназначен для того, чтобы вынести эти проблемы вовне или, по крайней мере, сгладить их благодаря освоению новых зарубежных рынков [5, p. 1126–1127].

Общее у этих двух исследовательских подходов, отмечают Линь Вэйцян и Ай Ци, – это то, что они видят в ОПОП выстроенную, продуманную стратегию, которая реализуется китайским государством как единым целым. При этом не учитывается, что процесс инфраструктурного строительства по определению содержит в себе высокую долю неопределенности: далеко не все получается, как было запланировано, эти отклонения во многом происходят из конфликтов интересов вовлеченных в процессы стейкхолдеров и потенциальных бенефициаров, часто под их влиянием вносятся изменения в уже начатые проекты.

Иными словами, инфраструктурные начинания «живут своей жизнью» — с возможными отступлениями, импровизациями, добавлениями и пересмотрами, так что результаты их в известном смысле непредсказуемы. Тем более что инфраструктурным объектам, как неким символам национального единства, успеха, престижа и приобщенности к достижениям мировой цивилизации, может придаваться значение, выходящее за рамки их технологических и экономических функций, т.е. они могут возводиться под политическим давлением, даже если это не вполне рационально. И тут многое значит конкуренция между городами, регионами и странами по принципу «Выглядеть не хуже других». Так, в развивающихся странах метрополитены и аэропорты нередко строятся не потому, что в них есть реальная необходимость, а потому, что они уже есть у соседей. А когда объекты уже построены, они обрастают персональными и финансовыми взаимосвязями, бизнес-партнерствами вовлеченных лиц, и возможные разрывы этих цепочек чреваты перебоями в работе инфраструктуры [5, p. 1128–1131].

Вот и ОПОП выглядит некоей единой стратегией только в общих декларациях, с которыми выступают китайские официальные лица. На деле же он представляет собой множество разрозненных проектов, мотивация к инициированию которых в отдельных случаях очень разная. Иначе говоря, ОПОП внутренне сильно фрагментирован, это не одна, а много идей развития — вплоть до того, что осуществляемые в его рамках инфраструктурные проекты могут конкурировать друг с другом, а отдельные элементы проводимой китайской стороной политики могут противоречить друг другу. Показателем изменчивости ОПОП является и то, что за годы его реализации ему придавались все новые смыслы. Начинался он как евразийский проект, а теперь китайцы относят к нему также и сотрудничество с Латинской Америкой, в Арктике, киберпространстве и т.д.

Это тем более так ввиду институциональной специфики современной китайской экономики. Большие ее куски находятся под фактическим контролем местных правительств и связанных с ними элитных групп. Сами политические установки, связанные с ОПОП, используются местными администрациями для запуска выгодных им инфраструктурных проектов, и местные власти жестко конкурируют при этом с себе подобными и за деньги и вообще благоволение центрального правительства, и за вложения корпоративных инвесторов в такие проекты [5, p. 1123–1125, 1131].

Линь Вэйцян и Ай Ци иллюстрируют эти концептуальные выкладки примерами двух проектов расширения аэропортов в анонимных городах Центрального Китая (авторы называют их «восточный город» и «западный город»). Данные проекты реновации тоже подаются местными властями как усилия по выстраиванию новых транспортных маршрутов в рамках ОПОП. С июня 2016 г. по июль 2018 г. авторы взяли 34 интервью у городских чиновников и представителей коммерческих пользователей этих аэропортов [5, р. 1133]. Из них следует, что само включение воздушных путей в число транспортных приоритетов ОПОП наряду с сухопутными и морскими во многом стало следствием лоббирования со стороны местных правительств внутренних, материковых регионов Китая. Они пытаются таким образом обрести конкурентные преимущества в соперничестве с городами восточных провинций, имеющих выход к морю.

Вот и в случаях с двумя исследованными городами местные власти для реализации собственных интересов смогли с успехом использовать общегосударственную политическую риторику, позиционируя свои города как «воздушные хабы» ОПОП, а вложения в них – как дело общенациональной важности. Так что это примеры не только того, как выдвинутая центральным правительством идея получает особое преломление в регионах, обрывает там сеть групповых интересов, но и того, как она вообще переосматривается, обретает новые смыслы по ходу дела.

Но и после этого ее внутренняя связность подвергается испытанию конкуренцией между городами. Они спорят за то, какому из них пекинские власти должны отдавать предпочтение, и ссылаются при этом не только на преимущества своего расположения, на наличие удобных подъездных путей, но и на важную роль в функционировании Великого шелкового пути в древние времена. В зависимости от того, чьи аргументы окажутся убедительнее, устанавливаются конкретные пропорции распределения инвестиций между двумя аэропортами, а в связи с этим корректируются и планы.

При этом совсем не факт, что «выбитые» дополнительные инвестиции в расширение аэропортов рациональны, что новые мощности действительно будут использоваться. Некоторые опрошенные авторами менеджеры прямо говорили, что для этого может не хватить грузопотоков и что сама мотивация к дополнительным капиталовложениям проистекает из личных карьерных интересов чиновников (за реализацию крупных проектов их обычно повышают по службе). Хотя все к этому, безусловно, не сво-

дится: местные руководители надеются переключить на свои аэропорты часть грузов, проходящих через транспортные хабы восточных провинций (в частности, через Шанхай).

Другое дело, что, как и любые начинания в Китае, это не обходится без установления персонализированных связей (*гуаньси*) – с чиновниками общенациональных министерств и провинциальных правительств; с крупными предпринимателями, чьи компании могут воспользоваться услугами аэропортов; с хозяевами китайских и зарубежных консультационных фирм; с иностранными деловыми партнерами. А взаимодействие интересов всех этих акторов тем более ведет к корректировке первоначальных планов. Так что реальный, а не декларируемый ОПОП – это феномен не только экономики и политики, но и психологии, сложных человеческих отношений. Он обретает свои истинные смыслы и формы, только превращаясь в конкретные действия в рамках множества отдельных проектов [5, р. 1133–1141].

А то многоаспектное влияние, которое оказывают на реальную практику ОПОП группы интересов на провинциальном, муниципальном и корпоративном уровнях, побуждает усомниться в том, что главная функция ОПОП – геополитическая, т.е. что он осуществляется ради грядущей гегемонии Китая в мире. Да и вообще представления о том, что Китай последовательно работает на подрыв американского доминирования, упрощенные, это не что иное, как реакция Запада на непривычное для него появление столь же мощного «игрока» на мировой арене. А китайцы на самом деле преследуют более приземленные и более множественные цели, резюмируют Линь Вэйцян и Ай Ци [5, р. 1142].

Сходные мысли высказывает Ван Хунин (факультет политологии Университета Ватерлоо, Канада) [6]. Она отмечает, что в связи с созданием АБИИ и НБР в экспертном сообществе стал обсуждаться вопрос, представляют ли эти новые финансовые институты конкурентную угрозу тем, что сложились по результатам международной конференции 1944 г. в Бреттон-Вудсе (ВБ, Международный валютный фонд (МВФ) и др.) и которые до сих пор фактически находятся под патронажем США и других развитых государств. Но в действительности, утверждает Ван Хунин, бизнес-модели и экосистемы НБР и АБИИ совсем не однотипны, и уже это побуждает усомниться в наличии у Китая каких-то замыслов внедрить на международную арену собственную альтернативу Бреттон-Вудским институтам [6, р. 221–223].

Общее у НБР и АБИИ – это, во-первых, то, что штаб-квартиры обоих находятся в Китае и эта страна выступает как важнейший источник капитала для каждого из них; а во-вторых, то, что создание обоих является отчасти следствием неудовлетворенности развивающихся стран результатами реформ МВФ и ВБ (перераспределение в пользу развивающихся стран долей уставных капиталов и, соответственно, возможностей участия в принятии решений происходит там медленно, дает ограниченные результаты).

ВБ в течение многих десятилетий отдавал предпочтение при финансировании не инфраструктурному строительству, а искоренению бедности и реформам госуправления в странах-заемщиках, а МВФ обычно обуславливал выдачу кредитов доктринерскими, оторванными от реального контекста развивающихся стран условиями (требованиями к экономической политике получателей кредитов). При создании НБР и АБИИ декларировалось, что эти недостатки будут преодолены: развивающиеся страны получают в этих новых финансовых институтах адекватное представительство, а кредиты будут выдаваться прежде всего на инфраструктурные нужды без политизированных оговорок.

Но есть между двумя банками и существенные различия. Идея учреждения НБР была предложена не Китаем, а Индией, тогда как АБИИ – это китайская инициатива. Разнятся также и масштабы, и характер деятельности. Первоначальный капитал НБР, собранный с его учредителей, составлял 50 млрд долл., а согласованный капитал АБИИ – 100 млрд долл. [6, р. 224]. НБР – это банк, которым изначально с равными долями участия в капитале и структурах управления владели все страны БРИКС, которые выступали при этом и как кредиторы, и как заемщики, т.е. он похож на то, что в англосаксонских странах называют «кредитным союзом». По Уставу НБР его совладельцами могут стать любые государства–члены ООН, но за основателями банка в любом случае должна остаться доля капитала не менее чем в 55%. Индивидуальная доля нового совладельца не может быть больше 7%, а консорциума новых совладельцев – больше 20% капитала.

Учредителями АБИИ уже изначально были как развивающиеся, так и развитые государства (последние выступают скорее как доноры, чем как возможные заемщики). Изначально учредителей было 57, а к июню 2018 г. их стало уже 86 [6, р. 225]. По Уставу АБИИ его совладельцами могут стать все страны, участвующие в деятельности Международного банка реконструкции и развития (входит в группу ВБ) и Азиатского банка развития. Но совокупная

доля азиатских государств в капитале не должна быть меньше 75%, в крайнем случае Совет директоров может уменьшить этот лимит до 70%. Так что у АБИИ заведомо больше возможностей привлекать дополнительное финансирование, чем у НБР.

Впрочем, подписка на акции – не единственный способ мобилизации капитала банком развития. Он может добавлять к своим резервам и доходы по инвестициям, и заимствования у частных кредиторов. В последнем случае ему нужно иметь достаточно высокий кредитный рейтинг, и вот тут у НБР проблем больше, чем у АБИИ, так как из всех основателей НБР только у Китая суверенный долговой рейтинг «инвестиционного» уровня, а задача АБИИ в этом плане облегчается присутствием среди его учредителей развитых государств.

Разнятся у двух банков и управленческие структуры. В НБР каждый из основателей внес по 10 млрд долл. в уставный капитал и получил 20%-ную долю в управленческих органах. Рутинные вопросы в них решаются простым большинством голосов, а вопросы особой важности требуют большинства, состоящего из четырех государств-основателей, на которые приходится не менее 2/3 капитала банка.

В АБИИ возможности влиять на принятие решений дифференцированы. Существует градация: изначально 85% голосов были привязаны к долям стран в капитале; 12% считались «базовыми», а каждой стране-учредителю присваивалось 600 голосов. В такую конструкцию был изначально заложен тренд постепенного уменьшения влияния стран, которые непосредственно участвовали в создании АБИИ. В середине 2018 г. Китай контролировал 26,65% голосов, Индия – 7,66, а Россия – 6,04%, но по мере выкупа долей в капитале другими государствами удельный вес этих стран неизбежно должен был уменьшиться [6, р. 226].

Обычные вопросы в Совете директоров АБИИ решаются простым большинством. А по вопросам особой важности нужно «супербольшинство» из 2/3 всех директоров, представляющих не менее 3/4 всех голосов акционеров банка, и по таким вопросам Китай имеет право вето. Таким образом, в отличие от НБР с его принципом равноправия, АБИИ – это иерархическая структура, где доминируют страны, внесшие большие вклады в капитал банка, а Китай является безусловным лидером.

В НБР президентом на ротационной основе всегда является представитель одного из государств-учредителей, а на должности вице-президентов назначаются одновременно граждане всех госу-

дарств-учредителей. В АБИИ президентом обязательно должен быть представитель одной из азиатских стран, а по поводу происхождения вице-президентов каких-либо ограничений не установлено.

В операционной сфере НБР зарекомендовал себя как менее транспарентный, чем АБИИ. Первый просто публикует информацию об утвержденных проектах финансирования, в том числе о наличии по ним суверенных гарантий, а второй размещает на своем сайте собственную документацию по проектам.

Наконец, отличаются подходы к взаимодействию с ранее созданными международными банками развития (группой ВБ, Европейским банком реконструкции и развития, Азиатским банком развития и т.д.). АБИИ практически сразу же стал заключать с ними соглашения о сотрудничестве, а НБР хотя и делает то же самое, но проявляет желание кооперироваться также и с коммерческими банками и национальными банками развития. При отборе проектов он плотно работает с органами исполнительной власти в стране-заемщице, добываясь от нее суверенных гарантий по кредитам. Получателями займов НБР обычно выступают или правительства, или крупные банки / госкомпании, а уж они, в свою очередь, кредитуют конкретные инвестиционные проекты у себя в стране. АБИИ же, как и международные финансовые институты западного типа, полагается на кредитование индивидуальных проектов и часто делает это совместно с западными институтами.

Тут, видимо, сказываются различия в самих ориентирах деятельности банков. АБИИ стремится перенимать удачные практики у других международных банков развития, а НБР скорее ищет не занятую теми нишу и делает это там, где он может задействовать преимущества связей с правительствами своих стран-учредителей [6, р. 226–228].

При таком количестве различий не приходится говорить, что НБР и АБИИ совместно представляют собой некую альтернативу ранее возникшим международным финансовым институтам. Да и не такие уж эти банки инновационные: каждый из них так или иначе наследует традиции, заложенные другими международными банками развития. НБР вписывается в одну струю с такими «кредитными союзами» развивающихся стран, как Банк развития Латинской Америки, Исламский банк развития и Банк торговли и развития (создан африканскими странами). А АБИИ больше похож на Азиатский банк развития, Межамериканский банк развития и Африканский банк развития, которые по модели, предложенной

впервые группой ВБ, объединяют финансовые ресурсы и развивающихся, и развитых стран [6, р. 229–233].

Но почему все-таки Китай не предлагает в сфере международного финансирования что-то принципиально новое, отражающее его растущие геополитические амбиции? По-видимому, отчасти наличие двух различных моделей, воплощенных в деятельности НБР и АБИИ и воспроизводящих сложившиеся в мировой практике тренды, отражает внутреннюю фрагментацию китайского государственного аппарата, присутствие в нем конкурирующих за влияние групп. Причем лидеры этих групп имеют разный жизненный опыт: кто-то работал в китайских «политических» банках, а кто-то – в ВБ и других международных организациях; они продвигают такие модели, к каким сами привыкли.

Но дело не только в этом. Подход Китая к проблематике международного финансирования вообще неоднозначен. С одной стороны, Китай добивается усиления своих позиций в управленческих структурах МВФ, а с другой – инициирует альтернативные схемы стабилизационного финансирования, такие как Чиангмайская (система валютных свопов – экстренного обмена ликвидностью в национальных валютах между странами Восточной и Юго-Восточной Азии) и Пул валютных резервов БРИКС. Он критикует американские рейтинговые агентства за предвзятость, но осторожно относится к предложениям России и Индии о создании своего рейтингового агентства в БРИКС.

Амбивалентен и его подход к проблеме реструктуризации суверенной задолженности развивающихся стран. Он выражал поддержку и продвигаемой МВФ схеме ее урегулирования решениями большинства держателей долговых обязательств, и схеме, разработанной в ООН, согласно которой реструктуризация должна осуществляться через квази-юридическую процедуру, напоминающую процедуру банкротства.

Получается, что во всех этих ситуациях Китай одновременно и следует линии Бреттон-Вудских институтов, и бросает им вызов, поддерживая альтернативные проекты развивающихся стран. Так что дело тут, видимо, не столько в ведомственной конкуренции, сколько в сложности самоидентификации Китая и сложности его национальных интересов. Ведь и в целом в международных делах КНР уже много десятилетий в одно и то же время и позиционирует себя как лидера развивающегося мира, и поддерживает партнерские отношения со странами Запада.

А в последние 15 лет Китай стал осознавать себя глобальной державой, не только следующей международно принятым правилам, но во многом и устанавливающей их. Другое дело, что до сих пор не вполне ясно, какие же правила для международного сообщества хотел бы установить сам Китай. С одной стороны, он выступает в защиту глобализации и свободы торговли, с другой – проводит свойственную многим развивающимся странам протекционистскую политику, ссылаясь на все еще невысокий уровень своего подушевого ВВП (хотя понятно, что КНР – это не просто обычная развивающаяся страна).

В сфере международных финансов эта противоречивость выражается в том, что у Китая больше общих интересов с развитыми государствами-кредиторами, чем с погрязшими в долгах развивающимися странами. Этим и объясняются его желание сотрудничать с МВФ и рейтинговыми агентствами в дисциплинировании стран-должников, его готовность поддержать «рыночную», а не «квази-правовую» схему реструктуризации задолженности. Но и с развивающимися странами Китай продолжает тесное взаимодействие: они продают ему нужные сырьевые товары, поддерживают китайские инициативы в ООН и при этом воздерживаются от критики положения дел с соблюдением прав человека в КНР. Отсюда поддержка Китаем предложений о реформе Бреттон-Вудских институтов, требования о переменах в деятельности рейтинговых агентств, попытки представить себя защитником интересов стран-должников.

Вполне логично поэтому, что, защищая свои интересы и реализуя свою многоаспектную идентичность, Китай взял на вооружение разные модели, когда он инициировал создание новых международных банков развития. Это позволяет ему сотрудничать с разными коалициями стран и хеджировать тем самым риски. Поведение Китая в этих вопросах заведомо двусмысленно потому, что он сам пребывает в «серой зоне» между экономическим порядком, диктуемым развитыми странами, и альтернативой в виде модели сотрудничества «Юг – Юг» [6, р. 233–238].

Ван Хунин считает, что единой «китайской» модели глобального финансового управления просто не существует [6, р. 237]. По-иному расставляют акценты Г. Цинь (факультет политологии Йоркского университета, Канада) и К. Галлахер (Школа глобальных исследований им. Фр. Парди Бостонского университета, США) [4]. Они напоминают, что США в свое время отказались войти в число учредителей АБИИ, сославшись на невысокие стан-

дарты деятельности китайских «политических» банков при кредитовании ими африканских стран. Между тем, отмечают Г. Цинь и К. Галлахер, Государственный банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая уже к середине 2010-х годов выдали развивающимся странам кредитов на большую сумму, чем все патронируемые Западом международные финансовые институты вместе взятые [4, р. 246, 256].

А затем сложилось то, что Г. Цинь и К. Галлахер называют «пространством координированного кредита (coordinated credit space)» [4, р. 247, 248, 255, 256] – модель финансирования Китаем зарубежных экономик, в котором участвуют АБИИ, НБР, «политические» банки, коммерческие банки «Большой четверки» (Банк Китая, Народный строительный банк Китая, Промышленно-торговый банк Китая и Сельскохозяйственный банк Китая) и крупные промышленные и строительные компании (преимущественно государственные). Можно сказать, что «политические» банки выступают тут заповедами: координируя свои действия с другими банками и предприятиями, они снижают для тех риски финансирования реального сектора.

Обычно выход китайских финансовых институтов на рынок новой страны начинается с контактов с ее политическим руководством, в ходе которых договариваются о кредитовании определенных проектов «политическими» банками. Вслед за ними подтягиваются и банки «Большой четверки». Они приводят с собой китайские строительные компании и поставщиков инвестиционных товаров, а возможно и китайских импортеров, которые будут ввозить те или иные товары из финансируемой китайцами страны (буквально кредиты в некоторых случаях погашаются не поставками товаров, а доходами от их продажи).

«Политические» банки решают вопрос о предоставлении кредитов, принимая во внимание прогнозируемые доходы не от какого-то отдельного проекта, а от кластера проектов. Помимо других рисков, так хеджируются и риски отказа принимающего государства от какого-либо индивидуального проекта. Условия контрактов могут прямо предусматривать, что в случае аннулирования одного проекта перестанут финансироваться китайским «политическим» банком и другие.

Китайские национальные банки и НБР предоставляют кредиты и в юанях, и в долларах, а АБИИ – только в долларах. Возврат средств осуществляется обычно в той же валюте, в какой был выдан кредит, но «политические» банки нередко требуют от заем-

щиков погашения части кредита сырьевыми товарами (такими, как нефть, медь, какао-бобы и др.) [4, р. 249, 251–254].

Созданные Китаем финансовые институты развития, считает Г. Цинь и К. Галлахер, – это дополнение к западным, но они несут в себе и определенное конкурентное начало, в том числе и потому, что у них другие практики управления финансовыми потоками. Элементы дополнения – это то, что благодаря китайским банкам увеличивается общий объем доступного развивающимся странам финансирования; средства направляются главным образом на кредитование энергетики и инфраструктуры, тогда как группа ВБ эти отрасли почти не финансирует; кредиты китайских банков предоставляются в том числе и странам, которые контролируются Западом финансовые институты обычно обходят стороной; Китай может поделиться с развивающимися странами собственным богатым опытом инфраструктурного строительства, а не просто давать им деньги.

Элементы конкуренции – это то, что у развивающихся стран появился больший выбор возможных партнеров, а китайские банки (во всяком случае, на словах) не обставляют кредитование политическими условиями; сам китайский подход к финансированию развития в духе концепции «Большого толчка» (т.е. одновременной поддержки многих взаимосвязанных отраслей) противоречит западной идеологии микроинтервенций ради накопления человеческого капитала, сохранения окружающей среды и проведения институциональных реформ; расширенное представительство развивающихся стран в АБИИ и НБР дает им больше возможностей и в диалоге с другими международными финансовыми институтами.

Так что китайские и западные финансовые институты будут и сотрудничать, и соперничать, а развивающиеся страны смогут выбирать, что им больше подходит с точки зрения возможных выгод для их экономик [4, р. 266–267].

Тем не менее было уже немало прецедентов того, как предоставление китайских кредитов в рамках ОПОП резко увеличивало внешнюю задолженность развивающихся стран. Будучи неспособными расплатиться по кредитам, те вынуждены были уступать Китаю контроль над инфраструктурными объектами, построенными на китайские деньги, и месторождениями полезных ископаемых, открывать свои внутренние рынки для китайских товаров. Как следствие, в мировых СМИ часто высказывается мнение, что ОПОП – это просто гигантская «долговая петля», с помо-

щью которой Китай пытается поставить другие страны в зависимость от себя и завладеть их ресурсами.

Подобные суждения опровергаются китайскими экономистами, настаивающими на взаимовыгодности сотрудничества по линии ОПОП. Разумеется, их можно заподозрить в ангажированности. Но, во всяком случае, свои доводы они излагают на рафинированном языке экономической науки.

Как отмечают Цю Цзюаньдун (факультет экономики и менеджмента Университета Нинся, Иньчуань), Ли Босинь (факультет государственного управления Сианьского финансово-экономического университета) и Ань Цзичжао (факультет государственной политики и менеджмента Северо-Западного политехнического университета, Сиань) [2], критики ОПОП утверждают, что капиталовложения китайских предприятий в инфраструктурное строительство в охваченных проектом странах вызывают рост внешнего долга этих стран и при этом увеличивается число «проблемных» инвестиций, т.е. таких проектов, которые приостанавливаются или отменяются по некоммерческим причинам. Китайские инвесторы, угрожая прекращением финансирования проектов, вынуждают принимающие государства уступать им контроль над возводимыми объектами в обмен на списание долгов. Но, по такой логике, если вложения китайских инвестиций не сопровождаются ростом числа «проблемных» проектов, то тогда осуществление ОПОП – это возможность совместного развития, а вовсе не средство усиления экономического и геополитического влияния Китая [2, с. 40].

Для того чтобы предварительно оценить, как выглядит ситуация на самом деле, Цю Цзюаньдун и его коллеги еще до построения эконометрической модели рассмотрели стилизованные факты о китайских вложениях в странах ОПОП в 2005–2019 гг. Ими использовалась база данных China Global Investment Tracker, которую ведут Американский институт предпринимательства и исследовательская организация Heritage Foundation.

Подтвердилось, что после выдвижения ОПОП в 2013 г. рост китайских ПЗИ резко ускорился (хотя в 2018 и 2019 гг. их совокупные объемы пережили снижение). Число «проблемных» проектов в 2014–2017 гг. действительно увеличилось, что, очевидно, коррелировало с общим увеличением объемов ПЗИ. Но после 2017 г. число «проблемных» проектов пошло на спад. Повидимому, это связано с тем, что по мере «раскрутки» ОПОП участвующие в нем государства накапливали опыт получения публичных благ от реализации инвестиционных проектов, сотрудни-

чество с китайскими компаниями становилось для них все более плодотворным.

Отраслевая конкретизация позволила установить, что в 2005–2019 гг. число «проблемных» проектов по отраслям измерялось однозначными показателями, у него не было общих для всех отраслей тенденций динамики, оно было подвержено колебаниям. После 2014 г. количество «проблемных» проектов в энергетике и финансовом секторе явно пошло на спад. Выявилось также, что если в страны ОПОП после 2014 г. вывозилось все больше китайских ПЗИ, то в не охваченных проектом странах объемы вложений были волатильными, после 2016 г. они там резко снизились, а число «проблемных» проектов при этом в 2015–2017 гг. устойчиво росло. В общем, все это не наводит на мысли о негативном влиянии китайских инвестиций на экономики стран-реципиентов [2, с. 40–42].

Для характеристики последствий вложения китайского капитала в странах ОПОП авторы использовали эконометрическую модель, построенную на основе метода DDD (Difference-in-differences). Он выявляет, как изменились условия для экономических агентов после того, как произошли принципиальные корректировки в государственной политике, причем учитывается, что сила действия этого фактора может изменяться со временем. В данном случае под политическим шоком имеется в виду собственно инициация ОПОП.

На первом шаге исследования в качестве объясняемых переменных в модели выступают объемы китайских ПЗИ и число соответствующих инвестиционных проектов, а на втором шаге – число «проблемных» проектов и их удельный вес в общей совокупности инвестиционных проектов. Эти показатели отслеживаются по отдельным отраслям в разные годы.

В выборку по объясняемым переменным были изначально включены данные о 3986 инвестиционных или строительных проектах стоимостью более 100 млн долл. каждый в 154 странах за 2005–2021 гг. Но авторы учли, что в 2020–2021 гг. на инвестиционную деятельность оказывала аномальное воздействие пандемия COVID-19, и исключили из выборки 374 проекта, реализация которых началась в те два года. После этого в ней осталось 3612 проектов, а временной интервал ужался до 2005–2019 гг. Проекты стоимостной величиной менее 100 млн долл. были с самого начала исключены из сферы рассмотрения, так как авторов интересовало прежде всего влияние китайских ПЗИ на долговое положение

стран-реципиентов, а для такого анализа имеет смысл сосредоточиться на крупных проектах.

Объясняющие переменные в модели – это принадлежность / непринадлежность принимающей страны к лежащим вдоль ОПОП; наличие / отсутствие китайских инвестиций в определенной отрасли ее экономики; указание на временной период – до или после инициирования ОПОП. В модель включены также контрольные переменные: принадлежность / непринадлежность страны-получателя ПЗИ к ВТО; обеспеченность ее природными ресурсами (оценивается по совокупной доле углеводородов и металлов в ее экспорте); ее подушевой ВВП [2, с. 40, 40, 42–45].

Расчеты по модели показали, что реализация ОПОП действительно вызвала рост числа инвестиционных проектов и объемов китайских ПЗИ в странах, охваченных проектом. А по поводу роста числа «проблемных» инвестиций и увеличения их доли в общей совокупности расчеты не дали статистически значимого результата, так что предположение о том, что ОПОП привел к усилению долговых рисков для стран-реципиентов инвестиций, не подтвердилось. Эти результаты остались в силе и когда авторы учли возможное искажающее влияние, проистекающее из изменений в структуре выборки от года к году, от отрасли к отрасли, от страны к стране. Не изменилась ситуация и когда авторы учли различия институциональной среды в странах ОПОП, в частности – наличие / отсутствие у них договоров с КНР об отмене двойного налогообложения.

Цю Цзюаньдун со товарищи не забыли и о том, что страны, расположенные вдоль ЭПШП, в большинстве своем отличаются от стран, прилегающих к МШП, по уровню развития и по ресурсным и институциональным характеристикам экономик. Поэтому они пересчитали уравнения модели по этим двум группам государств по отдельности. Подтвердилось, что в обоих случаях китайские ПЗИ способствуют развитию, а не накоплению задолженности, но в большей степени эффект стимулирования развития ощущают страны ЭПШП, а не МШП. Получается, что ОПОП – это все-таки формат взаимовыгодного сотрудничества, а не вовлечения развивающихся стран в долговую зависимость от Китая [2, с. 44–52].

Чжао Юнчао (факультет международной торговли Шаньсийского финансово-экономического университета, Тайюань) и Лань Циньсинь (факультет международной экономики и торговли Университета внешнеэкономических связей и торговли, Пекин) [3] уточнили эту позицию, специально проанализировав, как в дина-

мике складывается взаимосвязь китайских ПЗИ и внешней задолженности стран-получателей инвестиций.

Теоретически долговые риски государства определяются двумя параметрами: величиной задолженности и способностью правительства ее погашать. По идее, китайские ПЗИ в странах ОПОП могут способствовать не росту, а сокращению задолженности. Ведь ПЗИ там вкладываются не столько в сырьевой сектор и обрабатывающие производства с невысокой добавленной стоимостью, сколько в инфраструктуру, что ослабляет потребность принимающих стран в финансировании соответствующих проектов за счет иностранных кредитов. Если же туда переносятся уже готовые промышленные мощности из Китая, то большие инвестиции при этом осуществлять не нужно.

А позитивная отдача от китайских ПЗИ в виде ускорения экономического развития в странах-реципиентах увеличивает их способность обслуживать и погашать долги (в том числе благодаря распространению по экономикам позитивных экстерналий от привлечения технологий). Отсюда *первая гипотеза* авторов: вывоз ПЗИ из Китая в страны, охваченные проектом ОПОП, оказывает сдерживающее влияние на накопление долговых рисков этими государствами [3, с. 127].

Собственно механизм такого влияния надо проследить поэтапно. В краткосрочном периоде осуществляемые за счет китайских инвестиций строительство инфраструктуры и перенос производственных мощностей часто сопровождаются сопутствующими проектами, финансируемыми на заемной основе, а от этого долговое бремя принимающей страны усиливается. К тому же отдача от китайских вложений может запаздывать из-за необходимости адаптации инвесторов к особенностям местного делового климата. Да и вообще инвестиции в инфраструктуру крупные, осуществляются они постепенно, а потому и позитивные эффекты от них проявляются медленно.

В силу всех этих причин в краткосрочном периоде платежеспособность принимающего государства заведомо не может быть радикально увеличена, этот эффект возникает с запозданием. Так и можно объяснить то, что у некоторых государств, участвующих в проекте ОПОП, долговые риски поначалу усиливаются.

В среднесрочном периоде по мере накопления определенной критической массы китайских ПЗИ проявляется взрывной эффект их сдерживающего воздействия на долговые риски. Дело тут не только в том, что начинают реально работать новые предприятия и

увеличиваются вознаграждения на используемые факторы производства, а значит, растут и финансовые возможности властей, но и в том, что улучшаются психологические ожидания участников финансовых рынков, а от этого становится легче мобилизовать финансирование, разнообразятся его источники. В результате способность страны обслуживать и погашать долги укрепляется.

В долгосрочном периоде, когда рост долга и так уже взят под контроль, предельный эффект воздействия китайских ПЗИ на долговое положение страны-реципиента слабеет, становится менее выраженным. Возникают риски дублирования инвестиционных проектов в рамках ОПОП, а стало быть, нерационального использования ресурсов. Предельное вознаграждение на капитал в любом случае уменьшается со временем, как и позитивные экстерналии от привлечения инвестиций из-за рубежа. Поэтому в долгосрочном плане чистый эффект влияния китайских ПЗИ на способность принимающей страны обслуживать долги сглаженный.

Суммируя эти соображения, Чжао Юнчао и Лань Циньсинь формулируют *вторую гипотезу*: сдерживающее воздействие китайских ПЗИ в рамках ОПОП на долговые риски страны-реципиента в динамике нелинейно, оно подвержено алгоритму «Запаздывание – яркая вспышка – ослабление» [3, с. 128].

В целом, инфраструктурные улучшения в принимающей стране ведут к тому, что там усиливается производственная, а не спекулятивная деятельность, т.е. развивается реальный сектор экономики, уменьшается вероятность «пузырей» на финансовых рынках, а это само по себе ведет к уменьшению зависимости от внешних заимствований, от притока спекулятивного капитала из-за рубежа. Но и эти тенденции носят нелинейный характер, так как в начальный период инфраструктурного строительства технологические экстерналии и механизмы накопления капитала еще недостаточно сильны, они набирают мощь только со временем, а значит, и их позитивное воздействие на платежеспособность страны проявляется с определенным временным лагом.

А после того, как потребности страны в инфраструктуре в основном удовлетворяются, дальнейшее наращивание соответствующих инвестиций чревато неэкономным использованием средств, так что его позитивные эффекты сходят на нет. Отсюда *третья гипотеза*: главный передаточный механизм позитивного влияния китайских ПЗИ в рамках ОПОП на долговое положение участвующих стран – это улучшения инфраструктуры. И *четвертая гипотеза*: позитивное влияние инфраструктурных улучшений

на долговое положение страны тоже подвержено в динамике нелинейному алгоритму «Запаздывание – яркое проявление – ослабление» [3, с. 128–129].

Эти гипотезы тестируются авторами с помощью эконометрической модели. Объясняемая переменная в ней – это долг правительства страны, участвующей в ОПОП, в определенном году, а объясняющие – это государственная задолженность в предыдущем году (от ее величины во многом зависит и последующая динамика долга) и объем китайских ПЗИ в экономику данной страны.

В модель также включены контрольные переменные: инвестиции в данную страну, поступившие не из Китая, а из других стран и от международных организаций; подушевой ВВП в принимающей стране; уровень инфляции в ней; удельный вес государственных расходов в ее ВВП; удельный вес налоговых поступлений в ВВП; степень урбанизации в стране (доля населения городов и поселков в совокупном населении).

Для отслеживания нелинейных сдвигов в экономике страны-реципиента используется индекс состояния ее инфраструктуры, учитывающий объемы перевозок железнодорожным и авиационным транспортом, удобство портов, обеспеченность стационарными телефонами в расчете на сотню жителей, распространение Интернета и мобильной связи.

В расчетах по модели были использованы панельные данные за 2014–2021 гг. по 42 странам, участвующим в ОПОП, разделенным на шесть региональных групп: это девять государств Юго-Восточной Азии, восемь государств Западной Азии и Северной Африки, две страны Центральной Азии (Казахстан и Киргизия) и Монголия; четыре страны Южной Азии; 14 государств Центральной и Восточной Европы и четыре государства постсоветского пространства (Россия, Белоруссия, Грузия и Украина) [3, с. 130–131].

Расчеты по модели выявили негативную корреляцию между госдолгом страны и притоком китайских прямых инвестиций в ее экономику, что подтверждает первую гипотезу. Выявилось также, что ограничительное влияние китайских инвестиций на долговые риски страны сначала усиливается, затем достигает максимума, а потом сглаживается, что соответствует второй гипотезе и говорит о необходимости стадийного, продуманного на несколько шагов вперед подхода к самой проблеме внешней задолженности стран-участниц ОПОП. И во всяком случае это свидетельствует о необоснованности концепции «долговой ловушки» применительно к

ОПОП: она не учитывает сдерживающее влияние китайских ПЗИ на задолженность, которое проявляется в средне- и долгосрочной перспективе.

Подтвердилась и позитивная корреляция между притоком китайских прямых капиталовложений и состоянием инфраструктуры в стране, т.е. верна и третья гипотеза. Но взаимосвязь между улучшением инфраструктуры и ослаблением долговых рисков в динамике нестабильна, она проявляется нелинейно.

Пока инфраструктура в стране еще только создается, вывоз туда китайских ПЗИ может способствовать ухудшению ситуации с государственным долгом. Это так потому, что капиталовложения в инфраструктуру крупные, связанные с этим издержки высокие, сроки окупаемости длительные, а стало быть, в начальный период ее создания для того, чтобы запустить процесс, государство вынуждено привлекать и кредиты для сооружения соответствующих объектов. Ситуация меняется по мере улучшения инфраструктуры, когда проявляются «дивиденды» от ее функционирования, увеличиваются доходы государства и оно может не брать новые кредиты, а погашать старые. Эти предположения расчетами подтвердились.

А вот то, что в конце концов этот позитивный эффект угасает, математически доказать не удалось, т.е. четвертая гипотеза верна лишь частично. Возможно, это связано с тем, что большинство развивающихся стран, участвующих в ОПОП, просто еще не дошли до этой стадии. За счет китайских инвестиций там пока просто создается то, чего не было раньше, об избыточных капитальных вложениях и дублирующих друг друга проектах речь не идет. Так что предельный эффект сдерживания долговых рисков благодаря инфраструктурному строительству пока продолжает нарастать [3, с. 131–135].

Расчеты по отдельным группам стран выявили, что корреляция государственной задолженности с притоком китайских прямых инвестиций имеет знак «минус» применительно к странам Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и Монголии, Южной Азии. В группе стран Западной Азии и Северной Африки она тоже отрицательная, но слабо выраженная. А позитивная она у постсоветских и восточноевропейских стран.

По-видимому, объясняется это тем, что страны Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и Монголия очень плотно вовлечены в сотрудничество с Китаем, в том числе в проект ОПОП, там возводится много инфраструктурных объектов, что в итоге и

оказывает сдерживающее влияние на рост госдолга в этих странах. А у стран Южной Азии долговая нагрузка очень высокая, поэтому облегчение ее благодаря китайским ПИИ начинает чувствоваться очень быстро.

В регионах же Западной Азии и Северной Африки, а также на пространстве СНГ имеют место геополитические и военные конфликты, что затрудняет строительство инфраструктуры, а потому его ограничивающее влияние на рост государственной задолженности там не проявляется. В государствах Центральной и Восточной Европы ПИИ из Китая пока мало, сдерживающий эффект их влияния на госдолги там, возможно, просто еще не проявился, это та самая первоначальная стадия «запаздывания», заключают Чжао Юнчао и Лань Циньсинь [3, с. 137–138].

В общем, однозначных оценок по поводу инфраструктурных инвестиций в рамках ОПОП, по-видимому, и быть не может. ОПОП – это, разумеется, не благотворительность. Китайская сторона, вкладываясь в зарубежные проекты, исходит прежде всего из собственных интересов, и они сложные, многоаспектные. Но и представления о том, что ЭПШП и МШП – это, дескать, зловещие «щупальцы», которыми Китай охватывает мир ради обретения господства в нем, и что Китай специально загоняет другие страны в долговые «ловушки», очевидно, неадекватны.

Список литературы

1. Лу Фэн, Пань Сунлицян. «Четырехколесный механизм» сотрудничества в рамках проекта «Один пояс, один путь» = «И дай, и лу» хэцзо дэ «сылунь цюйдун» туйцзинь цзичжи // Гоцзи цзинци хэцзо. – 2024. – № 2. – С. 1–12. – Кит. яз.
2. Цю Цзюаньдун, Ли Босинь, Ань Цзичжао. Оценка эффектов, вызываемых инвестициями китайских предприятий в странах, расположенных вдоль «Одного пояса и одного пути» = Чжунго цие дуй «И дай, и лу» яньсянь дэ тоуцзы сяоин пингу // Цзинци юй гуаньли яньцзю. – 2023. – № 6. – С. 38–56. – Кит. яз.
3. Чжао Юнчао, Лань Циньсинь. Исследование влияния, которое оказывает инициатива «Один пояс, один путь» на долговые риски стран-участниц: подход с точки зрения международных прямых инвестиций = «И дай, и лу» чаньи дуй яньсянь гоцзя чжайу фэнсянь дэ инсян яньцзю – цзюй гоцзи чжицзэ тоуцзы шицзю // Гоцзи маои взньти. – 2023. – № 9. – С. 123–140. – Кит. яз.
4. Chin G., Gallagher K. Coordinated Credit Spaces: The Globalization of Chinese Development Finance // Development and Change. – 2019. – Vol. 50, N 1. – P. 245–274.

5. Lin Weiqiang, Ai Qi. “Aerial Silk Roads”: Airport Infrastructures in China’s Belt and Road Initiative // *Development and Change*. – 2020. – Vol. 51, N 4. – P. 1123–1145.
6. Wang Hongying. The New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank: China’s Ambiguous Approach to Global Financial Governance // *Development and Change*. – 2019. – Vol. 50, N 1. – P. 221–244.

РАМЕЕВ О.Б.* СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ (1945–1990)

Аннотация. Статья посвящена становлению и эволюции политической науки в Японии в послевоенный период (1945–1990 гг.). На основе анализа японских и российских исследований рассматриваются этапы формирования дисциплины, ее институционализация и методологические трансформации в контексте политических и социально-экономических изменений эпохи. В центре внимания – роль Японской ассоциации политической науки, вклад ведущих исследователей (Намбара Сигэру, Маруяма Масао, Кёгоку Дзюнъити, Иноуги Такаси и др.) и формирование ключевых направлений послевоенной политологии. Показано, что японская политическая наука прошла путь от морально-воспитательной дисциплины к зрелой академической области, сочетающей западные теоретико-методологические модели с национальной интеллектуальной и культурной основой.

Ключевые слова: Япония; политическая наука; институционализация; Маруяма Масао; Японская ассоциация политической науки; система 1955 года; Намбара Сигэру.

RAMEEV O.B. Formation of Political Science in Postwar Japan (1945–1990)

Abstract. The article examines the formation and evolution of political science in postwar Japan (1945–1990). Drawing on Japanese and Russian academic sources, it traces the key stages in the institutional and methodological development of the discipline in the context of the country's political, social, and economic transformations. Particular attention is paid to the role of the Japan Political Science Association, the contributions of leading scholars (Shigeru Nambara, Masao Maru-

* Рамеев Оскар Батуевич – аспирант, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН.

yama, Junichi Kyogoku, Takashi Inoguchi, and others), and the emergence of major research paradigms. The study argues that Japanese political science evolved from a morally oriented field into a mature academic discipline that successfully combined Western theoretical models with Japan's intellectual and cultural traditions.

Keywords: Japan; political science; institutionalization; Masao Maruyama; Japan Political Science Association; 1955 System; Shigeru Nambara.

Для цитирования: Рамеев О.Б. Становление политической науки в послевоенной Японии (1945–1990) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 175–193. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.10

Введение

Изучение становления и эволюции политической науки в Японии представляется крайне интересным с исследовательской точки зрения, при этом сам процесс вполне можно охарактеризовать как особенный и, даже, парадоксальный. Имея заметный и требующий осмысления политический и социокультурный фон на заре построения нового государства после Второй мировой войны, академическое сообщество Японии, хоть и по началу следуя в фарватере американской политологической школы, за полвека сумело институционализироваться и накопить достаточно опыта для формирования устойчивых академических школ и исследовательских направлений. Более того, в изучаемый период на долю Японии выпало множество различных по характеру политических событий, которые требовалось осмыслять недавно сформированному сообществу политологов, что лишь придает глубины данному процессу.

Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, современное состояние японской политической науки невозможно понять без рассмотрения ее исторических оснований, институциональных особенностей и интеллектуальных традиций, сформировавшихся в условиях демократизации, «экономического чуда» и кризисов 1970–1980-х годов.

Во-вторых, политология в Японии во многом развивалась в диалоге и симбиозе с западными теориями, но при этом сохраняла национальную специфику. Как отмечает Т. Иногути, зарождение

политической науки в послевоенной Японии напрямую связано с моральным и институциональным пересмотром довоенного опыта. Приводя цитату Масао Маруямы о том, что «безоговорочная капитуляция Японии подготовила почву для формирования политической науки в стране», Иногути, по существу, привязывает появление политологии в стране к влиянию США и основе на демократических ценностях и критическом анализе авторитарного прошлого [1, с. 60]. В то же время Маруяма Масао, один из «отцов основателей» политологии в Японии, видел в этой науке «интеллектуальный инструмент возрождения гражданского сознания» [2, с. 64]. Тем самым послевоенная японская политология с самого начала обрела черты не только академической, но и воспитательной дисциплины, нацеленной на восстановление демократической культуры и формирование новой общественной ответственности.

Наконец, в условиях углубляющейся регионализации АТР и усиления внимания к азиатскому региону возрастает интерес к тому, как именно в Японии формировались академические подходы к исследованию власти, институтов и политического процесса.

Политическая наука в Японии до Второй мировой войны

Режим Токугава, установившийся в XVII в., признал конфуцианство государственной идеологией. Оно стало основой образования правящего сословия самураев и выступало своего рода «стандартом политической мысли» [3, с. 240]. Однако во второй половине XVIII в. усилился интерес к новым направлениям. Одним из них стало *рангаку* (голландские науки): через торговые связи с голландцами японцы начали активно усваивать европейскую медицину, географию, астрономию, военное дело. Другое направление представляло собой *кокугаку* (государственные науки), подчеркивавшее ценности исконной японской культуры и национальных традиций в противовес конфуцианству и западной науке. Торговый класс, набирающий все больший вес, также находил своих идейных представителей, например, Исида Байган¹. Это идейное многообразие ослабило официальную идеологию и под-

¹ Исида Байган (яп. 石田 梅岩, 12 октября 1685, Тамба – 29 октября 1744, Киото) – основатель религиозно-философского движения Сингаку (Учение о сердце / душе). Адресуя проповедь прежде всего горожанам, ремесленникам и купцам, призывал к самосовершенствованию путем строгого соблюдения трудовой и семейной этики, честности, верности слову, бережливости. – *Прим ред.*

готовило духовную почву для Реставрации Мэйдзи 1868 г., приведшей к крушению сегуната.

Лидеры революционного переворота энергично занялись модернизацией по западным образцам. В качестве политической системы была принята конституционная монархия по образцу Германии и Великобритании; в 1889 г. была принята Конституция. Лозунгами времени стали «цивилизация и просвещение» (*буммэй кайка*) и «богатая страна, сильная армия» (*фукоку кехэй*). Особое внимание уделялось развитию школьной системы для подготовки продолжателей модернизации. Государство отправляло значительное число молодых людей учиться в Европу и США, где они осваивали естественные науки, инженерное дело, а также право и политическую мысль.

Институционализация политической науки в университетах началась в начале XX в. В 1901 г. на юридическом факультете Токійского императорского университета была открыта первая кафедра политологии, которую возглавил Онодзука Кихэйдзи, учившийся главным образом во Франции [3, с. 241]. После этого, за редкими исключениями, курсы политической науки в японских университетах закрепились на юридических факультетах. До Второй мировой войны число преподавателей политологии в университетах было крайне невелико, но они выполняли роль интеллектуальной элиты, активно участвовавшей в общественных дискуссиях в газетах и журналах для образованной публики. Так, Онодзука высказывался по вопросу русско-японской войны; а Ёсино Сакудзо, пытавшийся в годы Первой мировой войны и после нее обосновать демократию в рамках конституции Мэйдзи, вел активную публицистическую и просветительскую деятельность.

1930-е годы стали переломными не только для японской политики, но и для политологии. Великая депрессия способствовала подъему ультранационализма и милитаризма, установивших контроль над режимом. В академической среде это выразилось в масштабных полемиках: с одной стороны, представители немецкого «государствоведения» (*Staatslehre*), с другой – исследователи, воспринимавшие идеи британского плюрализма и марксизма. Эти споры свидетельствовали о назревшей потребности выйти за рамки абстрактно-правового анализа государственных структур и развивать эмпирические исследования политики. Однако дискуссия осталась незавершенной: Япония вступила во Вторую мировую войну.

Система политического образования и исследований в послевоенной Японии

После войны в Японии в школах ввели политическое образование, основной целью которого было распространение и закрепление демократии. Политическое образование охватывало обязательную шестилетнюю начальную школу и трехлетнюю среднюю школу, затем – формально необязательную, но с высоким уровнем поступления трехлетнюю старшую школу, а также общеобразовательный цикл университетов (четырёхлетний). В старших школах использовались учебники, утвержденные Министерством образования, в которых рассматривались Конституция Японии, принципы демократии, устройство государства и органов местного самоуправления, ООН и другие международные организации, современная политическая мысль и ход политической истории. Все это преподавалось в рамках курса обществоведения, связывавшего политическое образование с изучением экономического цикла, социальной структуры, а также истории и географии Японии и мира.

Содержательно обществоведческое образование в Японии было довольно насыщенным, но имело и проблемы. Во-первых, контроль и редактирование содержания учебников Министерством образования не раз становились предметом судебных разбирательств (например, дело Иэнага¹). Во-вторых, сохранялась напряженность между профсоюзом учителей (Никкёсо), Министерством образования и правыми организациями. В-третьих, при содержательном богатстве обучение легко скатывалось в зубрежку и заучивание, что снижало его ценность как подлинного социально-научного образования.

В университетском преподавании политической науки определенная проблема заключалась в том, что из-за факультетской системы студенты с самого начала были вынуждены слишком узко фокусироваться на своей «специализации», и тем самым разруша-

¹ Серия судебных процессов, инициированных Сабуро Иэнагой, автором учебника японской истории для средней школы «Новая японская история», против правительства Японии в отношении проверки учебника. Первый иск был подан в 1965 году, второй иск был подан в 1967 году, а третий иск был подан в 1997 году. С момента подачи иска до его завершения прошло в общей сложности 32 года, и он был признан «самым продолжительным гражданским иском» в Книге рекордов Гиннеса.

лась целостность обществоведческого образования, сформированного в школе. Систематическое изучение политологии как специальности в основном было доступно лишь студентам юридических факультетов. Большинство профессиональных политологов по традиции (еще с довоенных времен) работали именно там; экономисты и социологи, соответственно, принадлежали к факультетам экономики и социологии. Такая жесткая вертикальная организация вела к недостатку междисциплинарного обмена и к утрате целостного взгляда на социальную реальность, которая воспринималась как абстрактная и фрагментарная. Одним из следствий была слабость университетов в сфере прикладных политических исследований.

Японская ассоциация политической науки и ее организация

В Японии существует несколько научных объединений политологов. Наиболее важное место среди них занимает Японская ассоциация политической науки¹ (日本政治学会). Наряду с ней действуют и другие организации, связанные с изучением и преподаванием политической науки, например Японская ассоциация государственного управления² (日本行政学会), Японская ассоциация международной политической науки³ (日本国際政治学会), а также более новые объединения – Японская ассоциация исследований мира⁴ (日本平和学会), Японская ассоциация исследований выборов⁵ (日本選挙学会) и др. Все они зарегистрированы в Научном совете Японии (日本学術会議) – высшем научном органе страны, который выполняет роль посредника между академическим сообществом и правительством и объединяет многочисленные научные общества в области естественных, социальных и гуманитарных наук.

Японская ассоциация политической науки была основана в 1948 г. Первоначально ее членами были около 90 человек; к 1950 г. их насчитывалось около 180, к 1961 г. – 380, к 1965 г. – 460, к 1975 г. – 570, и к 1986 г. число членов достигло 1010 [3, с. 243]. Хотя это значительно меньше, чем у Американской ассоциации

¹ <https://www.jpsa-web.org> – современный сайт.

² <https://www.js-pa.org> – современный сайт.

³ <https://jair.or.jp> – современный сайт.

⁴ <https://www.psaj.org> – современный сайт.

⁵ <https://www.jaesnet.org> – современный сайт.

политической науки, по численности членов она примерно сопоставима с британской и западногерманской ассоциациями. В 1960-е годы ассоциация и ее собрания нередко выступали с заявлениями по актуальным политическим вопросам; иногда вносились экстренные политически окрашенные резолюции, что вызывало напряженные дискуссии. Однако начиная с 1970-х годов подобная практика почти сошла на нет.

Журнал «Ежегодник политической науки», издаваемый ассоциацией, был основан в 1950 г. Начиная с четвертого выпуска, он стал строиться по тематическому принципу: публиковать около десяти статей по заранее выбранной проблеме, резюме всех докладов конференции, основные решения общего собрания, совета директоров и комитетов, а также полный список всех работ по политической науке, опубликованных членами ассоциации за соответствующий год. Следует отметить, что, в отличие от *American Political Science Review* и других западных журналов, «Ежегодник» не строится на основе свободных авторских подач и экспертного рецензирования. Каждый год председатель редакционного комитета определяет ключевую для японской политической науки тему и формирует исследовательскую группу, которая работает над ее всесторонним изучением.

Однако из-за ограниченного круга участников у части членов возникало впечатление, что журнал «приватизирован» небольшой группой исследователей. На заседаниях совета директоров многократно обсуждались возможные меры по исправлению этой ситуации, однако они пока не были реализованы. В силу этих особенностей члены ассоциации чаще публиковали свои основные работы в изданиях университетов, к которым принадлежат. На протяжении долгого времени проблемой оставалось и то, что японские исследователи почти не публиковались на иностранных языках, а доступных для этого площадок было мало (в целом и сейчас подобное отчасти сохраняется).

Политические и экономические изменения послевоенной Японии и направления исследований в политической науке

В этом разделе развитие японской политической науки после окончания Второй мировой войны (с 1945 г.) рассматривается по периодам: 1940-е и 1950-е годы, 1960-е годы, 1970-е годы и 1980-е годы. Эти этапы примерно соответствуют основным фазам политико-экономических изменений в послевоенной Японии. Также

подобная периодизация вполне воспринимается в академическом сообществе.

1940-е и 1950-е годы – политическая наука периода восстановления

Во второй половине 1940-х годов под сильным давлением оккупационной администрации в Японии проводились радикальные социально-экономические реформы: демонтаж дзайбацу, земельная реформа и др. В 1947 г. была принята демократическая Конституция. Экономика находилась в упадке, и главными задачами для всей Японии стали восстановление хозяйства и обеспечение продовольствия. Именно в этот период сложился прообраз «корпорации Япония».

В этих условиях формирование политической науки как самостоятельной дисциплины стало не только научным, но и общественным проектом. Основание Японской ассоциации политической науки в 1948 г. стало ключевым шагом в институционализации новой политологии. Организация объединила исследователей, стремившихся отмежеваться от довоенного *Staatslehre* и создать науку, соотносящуюся с демократией и современным обществом [4]. Среди основателей выделялись Намбара Сигэру и Маруяма Масао, видевшие миссию политологии в переосмыслении национального опыта и воспитании гражданского сознания. Именно в работах этих ученых оформилась установка, согласно которой политическая наука должна быть не только академическим исследованием, но и моральным ориентиром послевоенного общества [3, с. 247].

Политическая ситуация также находилась под влиянием холодной войны. В 1950 г. началась Корейская война, которая оказала сильное воздействие на японскую политику: движение к ремитилизации, «красные чистки» среди госслужащих, Сан-Францисский мирный договор 1951 г. и ожесточенные споры вокруг него, раскол Социалистической партии, рост движения за пересмотр Конституции – все это стало проявлениями так называемого «обратного курса». В 1955 г. встал вопрос о формировании нового субъекта политического управления независимой Японии. Осенью сначала произошло воссоединение Социалистической партии, а в ноябре объединились Либеральная и Демократическая партии, образовав ЛДП. Многие в то время ожидали, что в Японии

установится двухпартийная система наподобие британской [3, с. 246].

Для политологического сообщества важным событием стало создание в январе 1948 г Японской ассоциации политической науки. Среди ее основателей были такие известные ученые, как Иманака Цугимаро, Хори Тойохико, Кавамура Матасукэ, Намбара Сигэру, Оиси Хётаро, Судзуки Ясудзо, Табата Синобу, Тодзава Тэцухико, Усиода Кодзи и Ёсимура Тадаси. Первым президентом стал идеалистический по направленности мысли ученый – Намбара Сигэру, одновременно занимавший пост ректора Токийского университета. Намбара часто выступал с публичными заявлениями, и его идеи оказали огромное влияние на японцев, которые в послевоенные годы искали новые ориентиры после краха государственной идеологии культа императора.

Частично наследником влияния Намбары стал Маруяма Масао. Его сборник статей «Мысль и действие в современной политике» (1956–1957) содержал фундаментальную критику идеологии и практики военного фашизма и был встречен с огромным одобрением читателей. В книге «Мир политики» (1952) Маруяма, опираясь на теорию Г. Ласвелла, предложил собственную оригинальную концептуальную рамку для анализа политики. Важным коллективным трудом этого периода стало издание «Энциклопедии политической науки» в 1954 г. Получить столь фундаментальное издание объемом около 1000 страниц вскоре после войны было огромным достижением японской политологии и большим подспорьем для молодого поколения ученых.

Журнал «Ежегодник политической науки» в выпуске за 1953 год посвятил специальный выпуск теме «Политический процесс в послевоенной Японии». Это была первая комплексная попытка теоретически осмыслить основы политической структуры послевоенной Японии; она во многом определила стиль и характер дальнейших выпусков «Ежегодника».

С усилением «обратного курса» многие интеллектуалы пытались сопротивляться происходящим тенденциям, но одновременно росло и чувство разочарования в США, которых нередко считали главным инициатором этих процессов. Ключевым моментом стал вопрос о мирном договоре: Намбара и его сторонники выступали за «всеобъемлющий мир» с участием и социалистических стран (включая СССР), в то время как кабинет Ёсиды Сигэру отстаивал позицию «одностороннего договора». С тех пор многие

японские интеллектуалы и политологи сохраняли дистанцию по отношению к правительству консерваторов и США.

В послевоенной Японии в течение довольно долгого времени существовала модель противостояния между фермерами, представителями малого и среднего бизнеса и владельцами крупного бизнеса, которые поддерживали Консервативную партию, и фабричными рабочими и «белыми воротничками», которые поддерживали Социалистическую и коммунистическую партии. Эта схема накладывалась на глобальное противостояние холодной войны.

Интеллигенция в этих условиях заявляла, что ее роль заключается в просвещении и руководстве «массами» с точки зрения защиты конституции и демократии. Теории массовой демократии, разработанные в конце 1950-х годов такими учеными, как Симидзу Икутаро и Мацусита Кэйити, опирались именно на этот контекст «культурной политики». Тематика «Ежегодника» в те годы также отражала подобные установки – например, выпуск за 1955 год был посвящен теме «Политическое руководство в массовой демократии».

Апогеем такого двойного противостояния стало движение против американско-японского договора безопасности 1960 года (安保闘争). Представление об особой миссии интеллигенции сохранялось довольно долго; характерным примером была дискуссия в начале 1970-х годов на страницах газет между Иноки Масамити и Сакамото Ёсикадзу о «реализме»: Сакамото критиковал «реализм» как тенденцию к утрате интеллектуалами чувства дистанции по отношению к власти. Однако в 1980-е годы напряженность в отношениях политологов с властью заметно ослабла.

1960-е годы – политология периода высокого экономического роста

В 1960-е годы Япония вступила в фазу так называемого «высокого экономического роста». Кабинет Икэды Хаято, сформированный после бурных протестов против Договора безопасности 1960 года, отказался от показательно жесткой политики «обратного курса» и, провозгласив линию «терпимости и терпеливости», охладил политический перегрев общества. Параллельно была выдвинута программа «удвоения доходов», которая задала массовым ожиданиям новый, конкретный ориентир. В результате интерес большинства сместился с политической борьбы к погоне за экономическим достатком и повышением уровня жизни. Огромные

вложения, прежде всего в нефтехимический сектор, запустили конвейер новейших предприятий, резко подняли производительность и закрепили в Японии на редкость высокие темпы роста, заложив фундамент будущей «экономической державы». Социальные сдвиги, сопровождавшие рост, и бурное развитие СМИ обострили чувствительность к переменам и различиям; вместе с «обществом дипломов» и правосознанием, выросшим в рамках новой конституционной системы, это подталкивало к индивидуализму.

Параллельно с экономическими преобразованиями происходил и глубокий сдвиг внутри самой политической науки. Как подчеркивает Дзюнъити Кёгоку, именно в этот период поведенческая политология стала новой доминирующей парадигмой, заменив марксистские и идеалистические подходы послевоенных лет [5]. В японскую академическую среду активно внедрялись методы эмпирического анализа, опросов общественного мнения и статистического моделирования, разработанные в США. Это соответствовало общему тренду американизации общественных наук, но при этом не сводилось к простому копированию: японские политологи стремились адаптировать новые теоретические модели к своим реалиям.

Иокибэ Макото отмечает, что в 1960-е годы произошла «методологическая революция», в ходе которой политология из гуманитарной дисциплины превратилась в прикладную социальную науку, изучающую реальное политическое поведение и структуру власти [2, с. 65]. Тем самым именно в эти годы складывается фундамент того типа политических исследований, который впоследствии получил в Японии институциональное оформление в виде эмпирических и сравнительных направлений.

В эти годы сформировалась структура «политики интересов» вокруг ЛДП, а на «левой» стороне усилилось дробление на партии. Социалистическая партия, вновь расколотая после событий 1960 г., породила Партию демократического социализма; в 1964 г. возникла партия «Комэйто». Коммунистическая партия, перешедшая на парламентскую линию, наращивала влияние в городах.

Среди работ, посвященных политическим партиям, выделяются труды Масуми Дзюнносукэ: в совместной книге с Р. Скалапино «Партии и выборы в современной Японии» (1962) он определил японскую партийную систему как «систему одной господствующей партии». В статье «Политическая система совре-

менной Японии» Масуми ввел ставшее широко употребительным выражение «полутораптийная система» (иное название – «система 1955 года», согласно [6, с. 122]). Он также начал масштабный многотомный проект «История японских политических партий» (1965–1980).

В этот период окончательно оформились методики и теоретические рамки исследования политических установок; с середины 1960-х началось использование компьютеров для обработки данных. Сборник Кёгоку Дзюньити «Анализ политического сознания» (1968) обобщил работы ведущего исследователя в области, а труд Миякэ Итиро, Киноситы Томио и Айба Дзюити «Исследование поведения при голосовании на выборах разных уровней» (1965) задал новый академический стандарт для исследований электорального поведения в Японии.

Помимо этого, 1960-е стали временем полноценного усвоения американской «поведенческой» политологии и укрепления «современной политической науки» по сравнению с марксистской. Теории Истона (политическая система), Алмонда (политическая культура, политическая модернизация), Даля («полиархия»), Линдблома (инкрементализм), Парсонса (политическая социология), Дойча (социальные коммуникации), Саймона (ограниченная рациональность) оказались чрезвычайно притягательны для более молодого поколения, неудовлетворенного прежними аналитическими рамками.

Среди японских сборников по американской политологии: Сироторы Рэй «Теория политического развития» (1968), Утиямы Хидэо «Теория и структура политического развития» (1972), Ямакавы Кацуми «Исследования американской политической науки» (1982). Множество переводов сыграло свою роль в укоренении «современной политологии» в Японии.

1970-е годы – политология периода потрясений

В 1970-е Япония вспоминается, прежде всего, нефтяным кризисом и скандалом вокруг связей премьер-министра Танаки Какуэй с американской компанией Локхид. К уже ухудшившим быт последствиям «высокого роста» 1960-х (экология, перенаселение городов, инфляция) добавился шок 1973 г. Настроения приобрели почти эсхатологический оттенок.

Что до «скандала Танаки»: премьер-министр Танака Какуэй, пришедший в 1973 г. с программой перестройки Японии, исто-

щенный борьбой с нефтяным кризисом и антияпонскими протестами в Юго-Восточной Азии, под давлением коррупционных обвинений ушел в отставку, уступив место Мики Такэо; вскоре против него было выдвинуто обвинение по «делу Локхид». Ответная реакция танака-фракции ЛДП усилила внутрипартийный конфликт; на выборах конца 1976 г. ЛДП потерпела поражение. Ослабление партии сделало кабинеты Мики, Фукуды и Охиры недолговечными. Парламентский паритет с оппозицией воодушевил последнюю, породив разнообразные проекты коалиций. В политическом отношении, едва став «экономической державой», Япония к началу 1980-х столкнулась с кризисом управляемости. Ожидания в сфере политики сместились от центра к местным органам, выросло число инновационных муниципалитетов, а местные власти стали задавать тон в политике.

Из-за низких темпов роста и раздувания расходов на общественные работы бюджетный дефицит рос; кабинет Охиры, идя на выборы 1979 г., предложил ввести общий налог на потребление, но потерпел поражение, а внутрипартийная разобщенность в ЛДП усилилась. В силу этого, одной из главных тем для политологов стало будущее режима доминирования ЛДП – показательным был специальный выпуск «Ежегодника» «Формирование и упадок системы 1955 года». Авторы были осторожны: говоря о «шаткости», почти никто не предсказывал краха. Важно, что Сэки Хирохару рассматривал этот режим как паттерн адаптации японской политики к логике холодной войны, парный системе безопасности с США. В таком ракурсе и «три неядерных принципа» кабинета Сато, и ограничение военных расходов 1% ВВП при кабинете Мики можно трактовать как шаги по поддержанию «полуторапартийной системы».

1970-е можно считать рубежом зрелости послевоенной японской политологии. Это отражают выпуски «Ежегодника» – «Базовые понятия политической науки», «Политология и смежные науки» – и пятитомная «Административная наука». На предельно проработанной методологической базе Оотакэ Хидэо в книге «Политическая и экономическая власть в современной Японии» (1979) применил плюралистическую модель Р. Даля к анализу японской политико-экономической системы. Мурамацу Митио в «Бюрократии современной Японии» (1981), опираясь на интервью 1976–1977 гг., эмпирически показал трансформацию «бюрократически ведущей» политики и плюрализацию властных структур.

В эти годы усилился интерес к политике и политическому процессу как к объектам анализа; началось полноценное движение к «науке о политике». Показателен «Ежегодник» за 1983 год «Наука о политике и политология». В том же контексте – запуск междисциплинарного журнала «Исследования общественного выбора» (1981) и создание Общества социально-экономических систем (1982). Число различных мозговых центров со второй половины 1970-х стабильно росло.

В то же время именно в результате общественной турбулентности и кризисов 1970-х годов произошло формирование профессионального ядра японской политической науки. Как отмечает Т. Иногути, этот период стал рубежом зрелости дисциплины: политология обрела устойчивые институциональные формы, а более конкретно – японские политологи переключились на более подробный анализ внутренних политических процессов, когда стало ясно, что Япония вышла на достойный уровень развития и успешно провела демократические преобразования [1, с. 60].

Наибольшее значение имело появление в 1987 году журнала «Левиафан (レヴェイアサン)», вокруг которого сложилась группа молодых исследователей – Мурамацу Митио, Кабасима Икуо, Отакэ Хидэо и сам Иногути. Как подчеркивает Сакаи Дайсукэ, «Левиафан» стал символом второго методологического «перелома» японской политологии: от нормативной и описательной парадигмы к количественным и эмпирическим исследованиям [7, с. 296–300].

Эта трансформация означала не просто заимствование западных моделей, но постепенное вырабатывание собственных инструментов анализа политических процессов, адаптированных к японской институциональной и культурной среде.

1980-е годы – политология периода «восстановления»

Справившись в целом с социально-экономическими потрясениями, вызванными нефтяным кризисом, и произведя институциональную подстройку, Япония к 1980-м годам в известной степени вернула ощущение «светлого горизонта».

В академической среде 1980-е годы стали временем дальнейшего укрепления институциональной базы политической науки и ее переориентации от традиционного описания институтов к исследованию конкретных политических процессов и механизмов принятия решений. Как отмечает Йокибэ Макото, в этот период в

центре внимания оказались прикладные исследования и политический анализ [2, с. 65]. Появление пятитомной серии «Административная наука» и рост числа аналитических центров свидетельствовали о превращении политологии в действенный инструмент прикладных исследований.

Одагава Дайсукэ указывает, что 1980-е годы ознаменовали становление «новой политической экономии», стремящейся соединить институциональный и исторический подходы в анализе политики [8, с. 66–67]. Это было не просто заимствование западных моделей, но попытка интегрировать их в японский контекст, где особое значение придавалось координации государства и бизнеса, а также культурным факторам политического процесса.

Либерально-демократическая партия (ЛДП) во второй половине 1970-х частично восстановила доверие граждан благодаря ужесточению экологического и корпоративного регулирования, однако на выборах 1979 г. проиграла из-за темы всеобщего налога на потребление. Досрочные выборы 1980 г. – «случившиеся по казусу» после вотума недоверия кабинету Охиры, поддержанного и антируководящей фракцией ЛДП в Палате представителей, – обернулись крупной победой правящей партии: во время кампании премьер Масаёси Охирэ внезапно скончался от сердечного приступа, и волна сочувствия сыграла на стороне власти. Это стало для ЛДП неожиданным, но значительным политическим капиталом: общество выразило доверие «главной консервативной линии» (от Икэды к Охире). Преемником премьера стал Дзэнко Судзуки (фракция Охиры). Он провозгласил курс на административно-финансовую реформу и «политику согласия», но его кабинет продержался недолго.

В 1982 г. к власти пришел премьер Ясухиро Накасонэ с лозунгами «Япония – международное государство» и «подведение итогов послевоенной политики». На выборах 1983 г. ЛДП, опасения относительно идеологического «поворота вправо» и другие факторы вынудили ее создать коалиционный кабинет с «Новым либеральным клубом». Продвигая административную реформу и приватизацию госпредприятий, партия одержала крупную победу на выборах 1986 г. И все же на местных выборах весной 1987 г. ЛДП потерпела болезненное поражение: спорная инициатива «налога с оборота», задуманного как замена всеобщего налога на потребление эпохи Охиры, была провалена; к тому же на повестку дня из-за необходимости стимулировать внутренний спрос вышла тема снижения налогов. Это показывает, что опорная база ЛДП

была отнюдь не неизбежной, а избиратели через выборы довольно отчетливо направляли политику в желаемую ими сторону.

Одна из примет 1980-х: граждане стали снова проявлять сильный интерес к политике. Экономика достигла относительной стабильности, а вот политическая сфера порождала тревогу. Среди главных причин – затяжное «дело Танаки» и нарастающее внешнее давление, связанное с международными экономическими трениями. В этих условиях премьер, стремясь усилить политическое лидерство, укреплял функции Канцелярии (Кантэй) и активно использовал частные консультативные советы. Делегирование публичного объяснения проблем и ответных мер этим советам и их докладам, транслируемым СМИ, в известной мере сработало, но нередко вело к обходу парламентских слушаний и решений. Это тоже подпитывало ощущение нестабильности. Кроме того, в отличие от прежней практики, правительство перестало публиковать социально-экономические планы. Наконец, «новые лидеры», нацелившиеся на преемственность после Накасонэ, также оставались во многом непрозрачными в отношении своих намерений.

На этом фоне книга Кёгоку Дзюнъити «Политика Японии» (1983), стремившаяся раскрыть культурные особенности японской политики, стала редким для политологического труда бестселлером. Широкий резонанс получила и полемика (1985–1986) между Ямагути Ясуси и Отакэ Хидэо, лидировавшим в анализе японской политики с плюралистических позиций, – о кабинете Накасонэ и структуре японского политического процесса; спор дошел до полос общенациональных газет.

После «консервативного возврата» в моду вошли исследования самой ЛДП [9]. Среди примеров: «Социология партийных фракций» (1984), «Режим ЛДП» (1986), «Драматургия ЛДП» (1986), «Исследование “племенных депутатов”» (1987). Под «племенными депутатами» (族議員, *дзоку гиин*) понимаются межфракционные группы парламентариев ЛДП, глубоко вовлеченных в конкретные сферы политики; например, депутаты с карьерой в МПТ и тесными связями с промышленной политикой – «племя МПТ». Эти «дзоку» – специфические для японской политики практические сообщества, порожденные длительным опытом правления ЛДП, институционально «сшитые» вокруг комитетов парламента, профильных министерств, групп интересов и секций Политсовета ЛДП, а также возросшей в 1970-е годы потребности в тонкой политической координации.

В русле дискуссий о плюралистической модели заметны исследования процессов выработки политики: Мурамацу Митио, Ито Мицутоси и Цудзинака Ютака «Группы давления послевоенной Японии» (1986) и др. Исследования политического процесса стали постепенно закрепляться как устойчивое направление в данный период.

Середина 1980-х годов стала для японской политической науки временем внутреннего переосмысления собственных пределов и возможностей. Как точно сформулировал Сасаки Такэси в одноименной книге (1987), в академической среде все чаще звучал вопрос: «что сегодня вообще возможно в политике?» Ответы на него уже не сводились к идеологическим декларациям – исследователи пытались найти баланс между аналитической строгостью и социальной ответственностью.

Политология, пройдя путь от морализаторских рассуждений и описания институтов к изучению конкретных механизмов власти, постепенно превратилась в зрелую профессиональную дисциплину. Вместе с этим в ней усилилась рефлексия относительно собственной роли: насколько политическая наука способна не только описывать, но и направлять общественное развитие. Именно в 1980-е годы стало ясно, что японская политология окончательно освободилась от роли «ученика Запада» и вошла в стадию самостоятельного развития, соединив в себе эмпирическую точность и национальную интеллектуальную традицию.

Заключение

История становления политической науки в послевоенной Японии отражает не только процесс институционализации академической дисциплины, но и более широкий путь интеллектуального и ценностного самоопределения страны после поражения во Второй мировой войне. В 1940–1950-е годы политология стала инструментом демократического переосмысления национального опыта и одновременно частью морального обновления общества. В этот период, согласно видению Намбары Сигэру и Маруямы Масао, политическая наука призвана была способствовать «воспитанию гражданина», что придало ей характер не просто исследовательской, но и воспитательной дисциплины.

С 1960-х годов на фоне экономического роста и стабилизации политической системы политология Японии прошла через методологический перелом, когда поведенческие и эмпирические

подходы вытеснили идеологизированные и нормативные интерпретации. Работы Кёгоку Дзюньити и других представителей второго поколения японских политологов заложили основы сравнительного анализа и политической социологии, что позволило дисциплине выйти за рамки гуманитарной традиции и стать прикладной социальной наукой.

В 1970–1980-е годы японская политология окончательно институционализировалась. Вокруг журналов «Ежегодник политической науки» и Левиафан сформировались профессиональные исследовательские школы, ориентированные в основном на количественные методы. Как отмечает Т. Иногути, именно в это время дисциплина обрела собственный академический язык и внутреннюю систему коммуникации, а Сакаи Дайсукэ называет этот период вторым переломом в ее истории – переходом от нормативной парадигмы к эмпирическому профессионализму. Одновременно усилился интерес к институциональному анализу и историческому контексту, что отражено в работах Одагавы Дайсукэ и других представителей исторической политологии.

К началу 1990-х годов японская политическая наука представала как зрелая дисциплина с устойчивыми исследовательскими структурами и выработанными школами. При этом ее характерной чертой оставалось стремление к соединению рационально-аналитического метода с этико-философской традицией, укорененной в японской культуре. Сочетание заимствованных западных теоретических моделей с национальной интеллектуальной основой позволило создать оригинальную форму политологического знания, которая не копировала, а творчески перерабатывала внешний опыт.

Список литературы

1. Иногути, Т. Развитие политической науки в Японии // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 57–68.
2. Июкибэ Макото. Политическая наука послевоенной Японии как история = Рэкиси то-ситэ но сэнгэ Нихон но сэйдзигаку // Гакудзюцу но доко. – 2007. – Т. 12, № 11. – С. 64–65. – Яп. яз.
3. Ямакава Кацуми. Политическая наука Японии = Нихон но сэйдзигаку // Кансай дайгаку хохо гакуронсю. – 1987. – Т. 37, № 2/3. – С. 239–259. – Яп. яз.
4. Прошлое и будущее политической науки в Японии = Нихон ни окэру сэйдзигаку но како то серай // Нэмпо сэйдзигаку. – 1950. – Т. 1. – С. 35–82. – Яп. яз.
5. Кёгоку Дзюньити. Политическое поведение в Японии (доклад на 5-й Всемирной конференции Международной ассоциации политической науки) = Нихон

- ни окэру сэйдзи кодорон: Сэкай сэйдзигакай дай го кай сэкай кайги тэйсюцу хококу // Нэмпо сэйдзигаку. – 1962. – Т. 13. – С. 157–164. – Яп. яз.
6. Стрельцов Д.В. Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 120–136.
 7. Сакаи Дайсукэ. Два перелома в истории японской политической науки = Нихон сэйдзигакуси но футацу но тэнкан // Нэмпо сэйдзигаку. – 2017. – Т. 68, № 2. – С. 295–317. – Яп. яз.
 8. Одагава Дайсукэ. Развитие исторической политологии в послевоенной Японии = Сэнго Нихон ни окэру рэкиситэки сэйдзигаку но тэнкай // Нихон но кеикусигаку. – 2018. – Т. 61. – С. 63–68. – Яп. яз.
 9. Сакаи Дайсукэ. Основные направления послевоенной политической науки = Сэнго сэйдзигаку но сё терю // Сэйдзи сисо кэнкю. – 2021. – Т. 21. – С. 291–319. – Яп. яз.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2026 – № 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор А.А. Чукаева

Подписано к печати 28.12.2025

Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 12,25
Тираж 800 экз.

Цена свободная
Уч.-изд. л. 10,7
Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6